

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I ЯЗЫК И ДИСКУРС: СИНТАКСИЧЕСКИЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

<i>Грыб Ж. У.</i> Народна-этымалагічныя збліжэнні народнага календара ў суадносінах з працэсамі семантычнага развіцця слова (на прыкладзе лексікі народнага календара).....	5
<i>Гурин И. В., Черкасова Т. Ю.</i> Глаголы речи в авторизованных конструкциях (на материале немецких газетных текстов).....	12
<i>Дуброва А. В.</i> Особенности использования и перевода научно-технической терминологии в испанском языке.....	17
<i>Качур М. С.</i> Фразеологический портрет содержательного наполнения цветового концепта «зелёный».....	22
<i>Ковалева Е. В.</i> Ассоциативно-образная номинация в англоязычной эргонимии.....	28
<i>Пузан Л. В., Коваленко В. М.</i> Особенности семантики парносинонимических фразеологизмов в современном немецком языке.....	33
<i>Русецкая И. В., Каптур Е. А.</i> Способы передачи реалий в переводе с английского языка на русский телесериала «Теория большого взрыва».....	38
<i>Сергей В. Н.</i> Интерпретация образности русских фразеологизмов с компонентом количества во французском и немецком языках.....	42
<i>Старовойт М. Г.</i> Особенности метафоризации средств выражения совокупностей в русском, белорусском и английском языках.....	48
<i>Яблонская О. Г.</i> Структурно-семантический анализ фразеологических единиц с зоонимическим компонентом.....	52

РАЗДЕЛ II ЯЗЫК И ДИСКУРС: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Кот Н. С.

Передача на русский язык окказиональных модификаций фразеологизмов библейского происхождения в немецких текстах..... 61

Кураш С. Б.

Содержание понятия "метафорический контекст" и проблема определения минимального контекста метафоры (аналитический обзор)..... 65

Мацвеевка І. М.

Актуалізатор: його структура і роля ў семантизацыі індыўдуальна-аўтарскіх неалагізмаў..... 71

Молош Н. К.

Прагматическая детерминация имени существительного в поясняющих присоединениях..... 77

Сытько А. В., Лукашевич Н. Н.

Средства выражения интенции «обещание» в немецком языке..... 82

Талецкая Т. Н., Костюкевич М. А.

Семантика и прагматика галлицизмов в немецком языке..... 93

Федорова Н. Н., Врублевская Е.И.

Военный дискурс как объект лингвистического анализа..... 104

III ЯЗЫК И ДИСКУРС: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Точило Н.Г.

Модель организации самостоятельной работы студентов в процессе изучения немецкого языка..... 109

Федорасова Е.В.

Передовой педагогический опыт как средство подготовки будущих учителей к профессиональной деятельности..... 113

IV ПЕРВЫЕ ШАГИ В НАУКУ

Антошкіна М.

Труднощі англо-українського перекладу церковних термінів та реалій у монографії "Basilica of the Sagrada Familia"..... 122

Костюкевич М. А.

Коммуникативно-прагматический практикум „Jedem Tierchen sein Pläsierchen“..... 130

Лис Ю.В.

О способах образования аббревиатур в онлайн-играх..... 137

Сведения об авторах..... 141

РАЗДЕЛ I
ЯЗЫК И ДИСКУРС:
СИНТАКСИЧЕСКИЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Ж. У. Грыб

выкладчык кафедры замежных моў
МДПУ ім. І. П. Шамякіна (г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь)

**НАРОДНА-ЭТЫМАЛАГІЧНЫЯ ЗБЛІЖЭННІ НАРОДНАГА
КАЛЕНДАРА Ў СУАДНОСІНАХ З ПРАЦЭСАМІ СЕМАНТЫЧНАГА
РАЗВІЦЦЯ СЛОВА**
(на прыкладзе лексікі народнага календара)

Народная этымалогія – спецыфічная моўная з’ява поўнага або частковага пераасэнсавання слова ў выніку адвольнага збліжэння яго з іншымі блізкімі па гучанні словамі. Феномен народнай этымалогіі ўжо з сярэдзіны 19 стагоддзя прыцягвае да сябе ўвагу лінгвістаў, але і сёння не вывучаны да канца рознабаковыя праявы дадзенага працэсу.

Паняцце народнай этымалогіі (ням.: Volksetymologie) было ўведзена ў 1852 годзе нямецкім філолагам Эрнстам Фёрстманам у артыкуле “Пра нямецкую народную этымалогію” [1]. Народная этымалогія часта сустракаецца ў вуснай народнай творчасці. Асабліва ярка яна прадстаўлена ў народным календары.

Пытанне аб ўздзеянні народнай этымалогіі на семантыку слова не атрымала досыць поўнага і адназначнага асвятлення ў лінгвістыцы. Гэта тлумачыцца тым, што па традыцыі народная этымалогія разглядалася як анамальная рыса мовы, што выключала магчымасць супастаўлення вынікаў народнай этымалогіі і звычайных семантычных працэсаў. Пры даследванні ўздзеяння народнай этымалогіі на семантыку слова не праводзілася выразнага размежавання паміж зменай значэння лексічнага і матывацыйнага. Матывацыйная змена значэння з’яўляецца толькі часткай лексічнага значэння і вызначаецца ўтрыманнем матываванай прыкметы, якая адлюстроўваецца ва ўнутранай форме наймення. Для апісання семантычных вынікаў народнай этымалогіі вельмі істотна размежаванне лексічнага і матывацыйнага значэнняў у аспекце іх змены. Выяўляючы тыповыя семантычныя мадэлі намінацыі і засноўваючыся на сінхронных асацыятыўных сувязях слоў, народная этымалогія не можа не адлюстроўваць змен сэнсавай структуры лексічных адзінак; змен, якія і з’яўляюцца часцей за ўсё прычынай зацямення першапачатковай унутранай формы найменняў. Такім чынам, цалкам правамерным становіцца пытанне аб узаемадзеянні народнай этымалогіі з працэсамі звычайнага семантычнага развіцця (аб адпаведнасці вынікаў народнай

этымалогіі заканамерным зменам семантыкі слоў). Цікавае уяўляе ўдакладненне таго значэння, якое набывае народна-этымалагічнае праясненне ўнутранай формы слова ў рэалізацыі яго патэнцыйнай семантычнай магчымасці.

Да асноўных разнавіднасцей семантычных змен адносяцца пашырэнне і звужэнне лексічнага значэння, што суадносіцца з тым ці іншым найменнем: развіццё слова ў напрамку абстрагавання ці канкрэтызацыі (спецыялізацыі).

Пры аналізе тых вынікаў, якія зазнае на сабе семантыка слова пры народна-этымалагічным збліжэнні, неабходна мець на ўвазе, па-першае, характар рэальнай семантычнай сумяшчальнасці слоў, якія збліжаюцца; па-другое, характар зыходнага значэння слова, якое зазнала народна-этымалагічнае ўздзеянне (з улікам паходжання лексічнай адзінкі – спрадвечнай для мовы ці запазычанай; сферы функцыянавання – дыялектнай, прастамоўнай, гутаркова-літаратурнай і г. д.); па-трэцяе, спецыфіку значэння лексічнага матыватара і канатацый, якія суправаджаюць яго моўнае ўжыванне. Крытэрыямі, якія дазваляюць меркаваць аб пераасэнсаванні матывацыйнага ці лексічнага значэння слова, могуць служыць моўны кантэкст, з якога высвятляецца матываванасць і значэнне лексемы, а таксама слоўнікавае тлумачэнне, што выяўляе разыходжанне паміж зыходным і другасным народна-этымалагічным асэнсаваннем слова. Факт такой неадпаведнасці вызначаецца пры дапамозе этымалагічнага слоўніка.

Народна-этымалагічныя асацыяцыі неадназначныя з пункту гледжання іх залежнасці ад зыходнага значэння пераасэнсаванага слова. Калі пры тлумачэнні чалавек абапіраецца на вядомае яму (рэальнае) значэнне слова, то народна-этымалагічная інтэрпрэтацыя носіць у цэлым рацыянальны характар. Калі ж значэнне слова невядомае і маларазумелае таму, хто гаворыць, то народная этымалогія прыпісвае слову памылковы (парадаксальны) сэнс. Акрамя таго, у працэсе народнай этымалогіі актыўна працягваюць сябе экспрэсіўна-эмацыйна-ацэначныя асацыяцыі. Такім чынам, уздзеянне народнай этымалогіі на семантыку слова павінна быць разгледжана з улікам адносін, якія ўсталёўваюцца ў ходзе гэтага працэсу: парадаксальнай, рацыянальнай (лагічнай) і экспрэсіўна-эмацыянальна-ацэначнай матывацыі.

Гэтай класіфікацыі прытрымліваецца Грыдзіна Т.А., якая займаецца праблемамі народнай этымалогіі [2]. Мы лічым, што дадзеная класіфікацыя можа быць выкарыстана і пры вывучэнні лексікі народнага календара.

Фактар адвольнасці (выпадковае гукавое падабенства) у выбары матыватара вызначае шырокі дыяпазон семантычных асацыяцый, якія ўзнікаюць падчас дадзенага працэсу. Парадаксальная матывацыя ўзнікае, калі значэнне слова невядомае або маларазумелае таму, хто гаворыць. Гэта такі від семасіялагізацыі, які прыпісвае слову новае значэнне.

Пытанне аб суадносінах народнай этымалогіі з заканамернымі працэсамі семантычнага развіцця слоў зводзіцца да выяўлення ўдзелу народнай этымалогіі ў звычайных семантычных зменах слоў, у рэалізацыі іх патэнцыйнай семантычнай магчымасці.

Народная этымалогія, засноўваючыся на сінхронна-асацыятыўных адносінах паміж лексічнымі адзінкамі, адлюстроўвае семантычныя змены слоў, якія ўзнікаюць падчас гістарычнага развіцця лексічнай сістэмы мовы. Да асноўных разнавіднасцей семантычных змен адносяць 1) пашырэнне і 2) звужэнне аб'ёму лексічнага паняцця.

Народна-этымалагічныя збліжэнні на аснове парадаксальнай матывацыі даюць слову аказіяныльнае моўнае значэнне, якое часта абумоўлена сітуацыйна. Пры гэтым моўны суб'ект звычайна не разумее парадаксальнасці тлумачэнняў, якія выклікаюць эфект нечаканасці ў носьбітаў мовы, таму што ўспрымаюць гэтае слова ў яго агульнапрынятым значэнні.

Прыкладам парадаксальнай народнай этымалогіі можна лічыць тлумачэнне наймення **Увядзенне**. Гэта прысвятак (4/21.12), другая назва якога **Вадзенне**. Ён звязаны з хрысціянскім святкаваннем Увядзення ў храм Прасвятой Багародзіцы. Для хрысціян гэтае свята – сімвал увядзення грэшнага свету ў храм, без якога ён загіне, пачатак уратавання. На Рэчыцкім Палессі мяркуюць, што гэтае свята – у памяць пакут святой Варвары: “Як святую Варвару погань мучыла, што перш вадзіла па сялу на повадзе да й біла; затым гэта свята завецца”Вадзенне” [3, с. 214]. Слова *Увядзенне* паходзіць ад *уводзіць* незакончанае трыванне да *увесці* – прымусіць увайсці ўнутр чаго-небудзь, прывесці куды-небудзь. Адпадзенне пачатковага *у* збліжае *Увядзенне* са словам *вадзіць* – “шматразова паўтаральны рух”, як у прыкладзе з Варварай ці *вадзіцца* – “быць, жыць” (пра жывёл, птушак). *Водзяцца ваўкі*.

Народная этымалогія выступае ў якасці фактару, які спрыяе лексікалізацыі фанетычных з'яў, ствараючы ўмовы для замацавання за словам дадзенага гукавага выгляду шляхам уключэння яго ў сістэму матывацыйных сувязяў.

15/2.03. **Сраценне** (Граміцы). У выніку фанетычных і народна-этымалагічных з'яў утвараюцца словы *Стрэчанне*, *Устрэчанне*. Такім чынам збліжаюцца словы *Сраценне* і *сустрэча*. Пры дапамозе пратэзы (прыстаўнога *у*) набываецца найбольшая сугучнасць са словам *сустрэча*. З гэтай прычыны царкоўнае свята Сраценне ў народным календары – дзень сустрэчы зімы з летам.

А ў нас сёння Стрэчанне, Стрэчанне,
Зіма з летам стрэлася, стрэлася,
І ножачку звiхнула, звiхнула.
Зіма пайшла плачучы, плачучы,
Лета пайшло скачучы, скачучы [3, с. 59].

У сакавіку ў некаторых мясцінах адзначаюць свята **Улас**, **Аўлас**. А.Ю. Лозка ў кнізе “Беларускі народны календар” [3] мяркуе, што гэта свята з'яўляецца рэшткам культу язычніцкага бога жывёлы **Воласа**.

Тлумачальны слоўнік беларускай мовы дае такое азначэнне: *Волас* (мн. л. Валасы) – рагавое ніткападобнае валакно на скуры чалавека і жывёл. Адсюль і другая назва свята **Валосы (Валосся)**. Малазразумелае імя язычніцкага бога замяняецца больш зразумелым словам *Валасы* (мн. л. ад слова **волас**). “На Валосся цягалі за валосся, але Валосся цяпер ужо звялося” [3, с. 58–59]. Такія збліжэнні прыдаюць слову сітуацыйна абумоўленае значэнне. Моўны суб’ект не асэнсоўвае парадаксальнасць тлумачэння.

Выпадковасць прыведзеных парадаксальных асэнсаванняў незнаёмых слоў тлумачыцца адмысловай мэтай – раскрыць знешнюю форму слова. Гэтыя прыклады адлюстроўваюць тыповыя прыёмы народна-этымалагічнай матывацыі: а) прыём разлажэння слова на знаёмыя элементы; пры гэтым тая частка слова, якая не паддаецца поўнаму атаясамліванню з якім-небудзь сугучным моўным комплексам (марфемай, цэлым словам), застаецца без увагі ці падганяецца да адпаведнай формы (гл. **Увядзенне**); б) прыём поўнага прыпадабнення інтэрпрэтуемага слова сугучнай лексеме (у такіх выпадках магчыма падмена рэальнага значэння слова значэннем амоніма), гл. прыклад са словам **Волас** [4].

Парадаксальная народна-этымалагічная інтэрпрэтацыя значэнняў незразумелых слоў пры захаванні іх знешняй формы прыводзіць да ўзнікнення аказіянальных амонімаў – выкарыстанне агульнавядомых слоў у новай намінацыйнай функцыі. Часта такое ўжыванне служыць сродкам эмацыянальна-ацэначных адносін. Асабліва гэта датычыцца запазычаных слоў: *мілкаскоп* (мікраскоп), *варыацыі* (варыяцыі), *гульвар* (бульвар).

Аказіянальнае пераасэнсаванне слоў на аснове парадаксальнай матывацыі сведчыць аб тым, што гэтая форма народна-этымалагічных збліжэнняў адлюстроўвае тэндэнцыю да развіцця значэнняў лексем у напрамку іх поўнага адрыву ад першапачатковай семантыкі [2, с. 46–47]. Пацверджаннем гэтага з’яўляюцца факты замацавання вынікаў парадаксальнай народна-этымалагічнай матывацыі ў дыялектах і літаратурнай мове: *відэлец* (чалавек, які шмат чаго пабачыў).

Парадаксальнае развіццё семантыкі слоў пад уплывам фармальных народна-этымалагічных збліжэнняў можа спрыяць сэнсаваму разыходжанню некалі роднасных лексічных адзінак, уключэнню пераасэнсаванага слова ў сістэму новых для яго словаўтваральных сувязяў **Страенне – Стрэчанне – Устрэчанне – “Зіма з летам стрэлася, стрэлася...”**

Пытанне аб магчымасці адносін фармальных па сваёй сутнасці збліжэнняў сугучных няблізкіх слоў да асобага тыпу народнай этымалогіі з’яўляецца вельмі дыскусійным. Праблема ў тым, што вынікі парадаксальнага развіцця семантыкі слоў пад уплывам фармальных народна-этымалагічных збліжэнняў адмяжоўваюцца ад вынікаў з’яў фанетычнай адаптацыі слоў.

На карысьць вылучэння парадаксальнай фармальнай народна-этымалагічнай матывацыі ў асобны тып народнай этымалогіі і адмежавання яе вынікаў ад вынікаў фанетычных змен Грыдзіна Т.А. прыводзіць наступныя падставы [2, с. 6] :

1) пераўтварэнне знешняга выгляду слова ў працэсе фармальнай народна-этымалагічнай матывацыі адбываецца насуперак фанетычным законам: сродкам народна-этымалагічнага пераўтварэння з'яўляецца прыпадабленне слова да іншай лексічнай адзінкі на аснове падабенства гучання; пры фармальным характары такіх збліжэнняў адмежаванне іх вынікаў ад уласна фанетычных змен у шэрагу момантаў з'яўляецца цяжкім;

2) фармальная народна-этымалагічная матывацыя мае стыхійную накіраванасць на тлумачэнне аднаго слова за кошт другога хоць бы шляхам знешняга прыпадаблення незразумелай у матывацыйным дачыненні формы знаёмага віду; пераўтвораная лексема мае “інфармацыю” аб сваім фармальным матыватары. Такая сувязь не праясняе значэння слова, а толькі знешне набліжае яго да сугучнай лексічнай адзінкі; у той жа час фармальныя збліжэнні ствараюць магчымасць далучэння пераўтворанага слова да сістэмы асацыятыўных сувязей, якія ўласцівыя ў мове сугучнаму матыватару, што прымушае звярнуцца да даследвання спецыфічных функцый фармальнай матывацыі як асобага тыпу народнай этымалогіі.

Інтэрпрэтацыя і развіццё значэнняў слоў на аснове матывацыйных адносін дадзенага тыпу мае два аспекты: 1) далучэнне да семантыкі слоў элементаў маўленчай канататыўнай інфармацыі і 2) праз праясненне ўнутранай формы слова.

Пры далучэнні да семантыкі слоў элементаў маўленчай канататыўнай інфармацыі (часта сітуацыйна абумоўленай) намінацыйная аднесенасць слова-пратацыпа не змяняецца, а народна-этымалагічны матыватар служыць сродкам выяўлення эмацыйна-экспрэсіўнай ацэнкі.

Разгледзім для прыкладу назву прысвятка 1/18.05. **Кузьма**. Назву прысвятак атрымаў ад кананізаванага царквою імені, што прыпадала на гэты дзень, а менавіта – свяціцеля Касьмы, епіскапа Халкіданскага. Сама форма ўласнага імя Кузьма паходзіць ад грэчаскага Козма, а ў рускай мове ўзнікае пад уплывам слова *кузнец*. Рускае “подкузьмить” – “падмануць”, першапачаткова “парушыць спадзяванні, якія звязаны з “кузьміным днём” – тэрмінам заканчэння сельскагаспадарчых здзелак. Адсюль **Кузьма** – махляр, ашуканец, хітрук. Адбываецца далучэнне да слова Кузьма адмоўнай экспрэсіўна-эмацыянальнай ацэнкі [3, с. 106].

Праз праясненне ўнутранай формы слова актуалізуюцца экспрэсіўна-эмацыянальна-ацэначныя кампаненты, узуальна замацаваныя ў яго змесце. Народна-этымалагічны матыватар падкрэслівае характэрныя ўласцівасці

слова, якое матывуецца экспрэсіўна, удакладняючы (канкрэтызуючы) яго ацэначную накіраванасць.

Пачатак **Шчодрага тыдня**, або **Багатая каляда** (13/31.01) называецца ў Заходнім Палессі шчодры вечар **Куготы**, **Гаготы**, або **Агатуха**. Паходжанне такога наймення можа быць вынікам абраду: кідалі ў калодзеж кашу, варажылі і крычалі. Слова **Агатуха** збліжаецца з дзеясловам “гагатаць” – весяліцца, смяяцца [3, с. 45].

Разгледжаная разнавіднасць народна-этымалагічнай матывацыі спрыяе ўзнікненню ў сістэме нацыянальнай мовы сінанімічных лексем, якія адрозніваюцца семантычнымі і эмацыйна-экспрэсіўнымі адценнямі.

Экспрэсіўна-эмацыйна-ацэначная разнавіднасць народна-этымалагічнай матывацыі выступае ў шматлікіх выпадках як актуалізатар прыкмет, на базе якіх адбываецца фарміраванне пераносных значэнняў слоў.

Прыкладам вышэй сказанага можна лічыць назву прысвятка (5/22.05) **Ляльнік**, язычніцкае свята заклікання вясны ў гонар багіні Лады (Лялі, Лёлі). Лада – ва ўсходнеславянскай міфалогіі – Бажаство ладу, парадку; багіня вясны, каханя і юнацтва, прыгажосці і ўрадлівасці. Уяўлялася прыгожай, пяшчотнай, русавалосай дзяўчынай, якая садзейнічае шлюбу, падтрымлівае агонь дамашняга ачага, прыносіць лад у сем’і [5, с. 94]. Цікавае апісанне гэтага свята зрабілі фалькларысты XIX стагоддзя. Дзяўчаты на лузе выбіралі самую прыгожую сяброўку, апраналі ў белую кашулю, упрыгожвалі зялёнымі галінкамі, вянкком з кветак і вадзілі вакол яе карагоды. Самую прыгожую дзяўчыну называюць **ЛЯЛЯ** (**ЛАДА**), альбо **ЛЯЛКА**, “прыгожая, як Ляля”. **Ляля** – вельмі прыгожая дзяўчына [3, с. 106–107].

Часта прыкметы, якія актуалізуюцца народна-этымалагічнымі збліжэннямі, характарызуюць ступень праявы якіх-небудзь спецыфічных уласцівасцей, якія азначаюцца. Такія прыкметы становяцца апорнымі ў развіцці пераносных значэнняў ярка выяўленай экспрэсіўна-эмацыйнай афарбоўкі. Так, слова пекла (з лац. *pix, picis* – “смала, дзёгаць”) атрымлівае сваё пераноснае значэнне ад “пякельны агонь, спёка, жар” у народна-этымалагічным збліжэнні з дзеясловам *пячы*.

Такім чынам, народна-этымалагічныя асацыяцыі адлюстроўваюць сацыяльна асэнсаваную ацэнку слова пры яго выкарыстанні ў мове. *Экспрэсіўна-эмацыянальна-ацэначная* разнавіднасць народна-этымалагічнай матывацыі набывае найбольшую актуальнасць у працэсе абагульнення значэнняў слоў на аснове выдзялення характаралагічных прымет абазначанага слова. Тым самым праяўляюцца тэндэнцыі да выкарыстання лексічных адзінак у ацэначнай функцыі.

Пры рацыянальным характары народна-этымалагічнай інтэрпрэтацыі чалавек абапіраецца на вядомае яму (рэальнае) значэнне слова. Тут маюць месца семантычныя кантакты паміж лексемамі, якія збліжаюцца, абапіраючыся на рэальнае значэнне інтэрпрэтуемага слова і сугучнага матыватара. Дадзеная разнавіднасць народна-этымалагічных збліжэнняў заснавана большай часткай на метанімічных асацыяцыях.

Назва свята *Пакроў* (*Пакровы*, 14/1.10.) мае значэнне – 'кусок тканіны, які прызначаны для пакрыцця каго-, чаго-небудзь'. Гаворка ідзе аб покрыве адмысловага вырабу, якое выкарыстоўваецца ў царкоўным ужытку. Народная этымалогія надае яму іншае значэнне 'верхні пласт, які пакрывае што-небудзь' і збліжае з дзеясловам *пакрываць*. Гэта знайшло адбітак у народным календары. У валачобных песнях можна знайсці: "Святы Пакроў пакрыў зямлю жоўтым лістом, маладым сняжком, ваду лёдам, пчалу мёдам, дзеўку вянком, бабу чапцом; стагі пакрыў: першы стажок дранічкамі, другі стажок саломкаю, трэці стажок белым снегам..." [3, с. 189-191]. У рэальным і народна-этымалагічным значэнні існуе агульнае – *пакрываць што-небудзь*.

27/14.09. *Уздзвіжанне*. Рускі варыянт назвы слова *Воздвижение* паходзіць ад слова *воздвигать* – *устар.* 'поднимать вверх, кверху'. Народная этымалогія збліжае гэтае слова з дзеясловам *дзвігаць* – 'рухаць, прымушаць дзейнічаць'. У народным календары існуе таксама назва *здзвіжанне*, у якой можна прасачыць страту першага гука [у]. Тым самым дасягаецца большае падабенства са словам *дзвігаць*, перамяшчаць з аднаго месца на другое. Лічылася, што сонца і прырода ў гэты дзень "грае, здзвігаецца". "Усё ў хату ўздзвігаецца, каб мароз не пабіў" [3, с. 165–166]. У першым і ў другім выпадку прысутнічае сэнс 'перамяшчаць'.

Гэта дае магчымасць разглядаць фармальна-сэнсавую народна-этымалагічную матывацыю як разнавіднасць лексічнай актуалізацыі. Такая актуалізацыя адбываецца па законах другаснай намінацыі, пры якой ажыццяўляецца перайменаванне ўжо названага ці выкарыстанне слоў, якія існуюць у мове, у новай намінатываючай функцыі. У выніку такіх збліжэнняў можна прасачыць частковае (гл. *Уздзвіжанне*) ці поўнае (гл. *Пакроў*) прыпадабненне слова-пратапыпа да сугучнага матыватара, а таксама захаванне знешняга выгляду слова пры суаднясенні яго з новым матыватарам.

Падводзячы вынікі, можна сказаць наступнае. Фактар першапачатковай семантычнай сумяшчальнасці ці несумяшчальнасці слоў, якія збліжаюцца ў працэсе народнай этымалогіі, дае падставу для выдзялення двух асноўных тыпаў народна-этымалагічнай матывацыі: 1) *фармальна-сэнсавага* і 2) *фармальнага*. Калі пры тлумачэнні чалавек абапіраецца на вядомае яму (рэальнае) значэнне слова, то народна-этымалагічная інтэрпрэтацыя носіць у цэлым рацыянальны характар. Калі значэнне слова невядомае і малазразумелае таму, хто гаворыць, то народная этымалогія прыпісвае слову памылковы (парадаксальны) сэнс.

Парадаксальная фармальная народна-этымалагічная матывацыя і парадаксальнае развіццё семантыкі слоў на аснове іх народна-этымалагічнай інтэрпрэтацыі прыводзяць да ўжывання і замацавання вядомых літаратурнай мове лексічных адзінак у новай намінатываючай функцыі. Гэта з'яўляецца фактарам развіцця значэнняў слоў з тэндэнцыяй адрыву ад слова-пратапыпа.

Народна-этымалагічныя пераасэнсаванні захоўваюць становішча моўных анамалій і сведчаць аб прамой залежнасці парадаксальнай народна-этымалагічнай матывацыі ад экспрэсіўных момантаў, якія з'яўляюцца звязанымі з канатацыямі (парадаксальная інтэрпрэтацыя слова часта служыць сродкам эмацыянальна-ацэначных адносін).

Багатая дыялектная лексіка беларускай мовы была і працягвае заставацца крыніцай папаўнення слоўніка літаратурнай мовы. У мове мастацкай літаратуры і публіцыстыкі дыялектызмы шырока выкарыстоўваюцца як сродак моўнай характарыстыкі персанажаў, як неабходны элемент стылізацыі пры апісанні звычаяў, штодзённага побыту і жыцця людзей пэўнай мясцовасці.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Förstemann, E. Über deutsche Volksetymologie, Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateinischen 1 / E. Förstemann. – 1852. - S. 1–25.
2. Гридина, Т.А. Проблемы изучения народной этимологии: пособие к спецкурсу / Свердлов. гос. пед. ин-т. / Т.А. Гридина. – Свердловск: СГПИ, 1989. – 72 с.
3. Лозка, А.Ю. Беларускі народны каляндар / аўт.-уклад. А.Ю. Лозка; маст. А.І. Дашкевіч. – Мінск: Полымя, 1992. – 205 с.
4. Гриб, Ж.В. З'ява народнай этымалогіі ў сістэмна-функцыянальным аспекце / Ж.В. Гриб // Язык и дискурс: семантический, прагматический и лингвистический аспекты: сб. науч. тр. преподавателей фак. иностр. яз. / УО МГПУ им. И. П. Шамякина; редкол.: Т.Н. Талецкая (отв.ред.) [и др.]. – Мозырь, 2011. – С. 7–14.
5. Коваль, У.І. Народныя ўяўленні, павер'і і прыкметы: даведнік па ўсходнеславянскай міфалогіі / У.І. Коваль. – Гомель: Беларускае Агенцтва навукова-тэхнічнай і дзелавой інфармацыі, 1995. – 180 с.

И. В. Гури¹, Т. Ю. Черкасова²

¹преподаватель кафедры иностранных языков
МГПУ им. И. П. Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь)

²студентка 2 курса МГПУ им. И. П. Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

ГЛАГОЛЫ РЕЧИ В АВТОРИЗОВАННЫХ КОНСТРУКЦИЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТОВ)

Задача современной лингвистики заключается в исследовании языка в динамическом аспекте. Она продиктована потребностью углубления и конкретизации лингвистических представлений о принципах и закономерностях использования языка человеком.

Вторая половина XX – начало XXI века отмечены стремительным развитием массовой коммуникации и новых информационных технологий. Динамично развиваются традиционные СМИ – печать, радио, телевидение, появляется и быстро распространяется Интернет. Это отражается на процессах производства и распространения слова, на особенностях

речеупотребления [1]. Как отмечает Т.Г. Добросклонская, сегодня тексты массовой информации являются одной из самых распространённых форм бытования языка, а их общая протяженность превышает совокупный объём речи в прочих сферах человеческой деятельности [2].

Материалом для нашего исследования послужили авторизирующие предикаты, выделенные методом сплошной выборки из немецкоязычных периодических изданий «Die Zeit», «Frankfurter allgemeine Zeitung» (FAZ), «Wochenende».

Среди всех средств массовой информации, представленных сегодня на медийном рынке, наше внимание обращено именно к газете, так как мы согласны с А.Н. Васильевой, выделяющей среди преимуществ газеты в ряду других СМИ ее «широкую повседневную доступность, огромный диапазон многопрофильного выбора информации, синхронную многоплановость содержания каждого номера, информационную оперативность газеты и фиксированность ее материала в удобной для пользователя форме» [3, с. 7]. А по данным *Institut für Demoskopie, Allensbach* за 2007 год более чем три четверти населения Германии старше 14 лет (75,7%) регулярно читают ежедневные газеты, что составляет 49 миллионов мужчин и женщин. С точки зрения возрастного ценза, читательская аудитория ежедневных газет охватывает 40–69-летних жителей Германии [4, с. 32].

Информация, предоставляемая массовой аудитории, должна быть достоверной и объективной. Обращаясь к любому газетному тексту, читатель имеет право знать, кто его автор, когда и где была получена информация, содержащаяся в тексте. Координаты «источник», «время» и «пространство» Е.В. Осетрова называет важнейшими информационными координатами текста [5]. Самой важной среди них, придающей информации больше достоверности, автор считает координату «источник», которая «представляет категорию авторизации в одном из ее квалификативных аспектов – в аспекте чужого авторства» [5, с. 86].

Понятие авторизации впервые сформулировала Г.А. Золотова в рамках изучения проблем функционального и коммуникативного синтаксиса. По замечанию исследователя, синтаксическая авторизованная конструкция представляет собой «соединение в предложении указания на акт речи (мысли, мнения, знания, оценки и ее субъекта, «автора») с диктумным содержанием этого акта» [6, с. 76]. При этом структура высказывания, заключающего в себе указание на источник информации, содержит два основных компонента – авторизирующую (обозначение субъекта-автора) и авторизуемую (описание реальной или воображаемой ситуации) конструкции.

Исходной позицией в определении явления авторизации является субъект, который тождественен источнику информации. Но главную роль в процессе авторизации выполняют авторизирующие предикаты, формирующие авторизованную конструкцию.

В рассматриваемых нами газетных текстах самыми частотными в позиции авторизующих выступают глаголы речи. Их общей особенностью является сема «передача информации». Семантические и синтаксические особенности русских глаголов речи были предметом исследования в работах М.К. Милых, З.В. Ничман, Л.В. Уманцевой, Л.Н. Тумановой, Н.С. Болотновой, М.Я. Гловинской и др.

Глаголы речи, являющиеся предметом анализа в данной публикации, употребляются в основном, по нашим наблюдениям, в конструкциях с прямой: «*Es ist interessant, wie zäh der menschliche Körper ist, was er alles aushält*», *sagt Oberstabsarzt Kay Beckmann, der die Ukrainer behandelt* («Du denkst: Jetzt ist es vorbei», «Die Zeit» 53/2014).

Самым частотным предикатом в позиции авторизующего выступает, по нашим наблюдениям, глагол **sagen** (говорить): «*Wir können nicht zulassen, dass ein Diktator von irgendwoher Zensur in den Vereinigten Staaten ausübt*», *sagte Barack Obama und sprach sodann von einem "proportionalen" Gegenschlag* («Cyberkrieg mit Popcorn», «Die Zeit» 53/2014).

Другие глаголы речи, представленные на страницах исследуемых нами газет, можно объединить в следующие группы:

1) глаголы речи, указывающие на факт передачи информации: **berichten** (сообщать), **erzählen** (рассказывать), **mitteilen** (сообщать), **hinzufügen** (добавлять), **ergänzen** (дополнять), **raten** (советовать), **kritisieren** (критиковать): «*Wir haben die üblichen Verdächtigen gefragt, aber keiner wollte*», *berichtet Scheerer* («Wasser, Strom und Fernsehen vom gleichen Anbieter», FAZ 160/2013); «*Man verbringt den Tag mit unterschiedlichen Pferden, reitet selbst und bildet junge Pferde aus*», *erzählt Melanie* («Kein Job für „Wendy“- Mädchen», «Wochenende» 13.07.2013); *Wie die Polizei gestern mitteilte, hatte eine Zeugin in der Nacht bemerkt, dass die Toilette brannte, und selbst das Feuer gelöscht* («Blutiger Streit im Bahnhofsviertel», FAZ 160/2013); «*Nur so kann man sich ein realistisches Bild von dem Beruf verschaffen und erspart sich bittere Enttäuschungen*», *fügt Bartels hinzu* («Kein Job für „Wendy“- Mädchen», «Wochenende» 13.07.2013); *Nicht zu verwechseln sei eine Berufsbeziehungsweise Betriebshaftpflichtversicherung mit einer Betriebsstätten- oder Bürohaftpflicht*, *ergänzt Kutschera* («Glück im beruflichen Unglück», «Wochenende» 13.07.2013); *Wer eine Chance auf einen guten Ausbildungsplatz haben will, müsse schon in der Bewerbung zeigen, dass er ein realistisches Bild von der Ausbildung habe*, *rät Arnold* («Kein Job für „Wendy“- Mädchen» «Wochenende» 13.07.2013); «*Seriöses und politisch verantwortliches Handeln eines Kämmerers sieht allerdings anders aus*», *kritisierte Wolter-Brandecker in einer Pressemitteilung* («SPD: Späte Einsicht des Kämmerers zu Klinikum», FAZ 160/2013);

2) акцентирующие глаголы: **hervorheben** (подчеркивать, отмечать), **betonen** (подчеркивать, акцентировать): *In den Kreisen Hochtaunus und Main-Taunus wird es immer schwieriger, eine Wohnung zu finden. Das hat die „Ökumenische Wohnhilfe im Taunus“ bei der Präsentation des Jahresberichts*

hervorgehoben («Wohnungsnot verschärft sich», FAZ 160/2013); «*Da geht es vor allem darum, die Pferde von Kunden zu versorgen. Entscheidend ist deshalb, dass man die Besitzer genauso gut wie ihre Pferde betreut*», **betont Single** («Kein Job für „Wendy“-Mädchen», «Wochenende» 13.07.2013);

3) глаголы, указывающие на структуру речевого акта как диалога: **antworten** (отвечать): «*Trauer gibt es in der Erdmännchen-Welt nicht*», **antwortet Niekisch** («Noch nicht erdverwachsen», FAZ 160/2013);

4) глаголы, содержащие сему каузации «сказать так, чтобы адресат понял и поверил»: **erklären** (объяснять), **erläutern** (пояснять, комментировать), **behaupten** (утверждать, уверять): *Bestimmte Berufsgruppen wie Rechtsanwälte, Steuerberater und Wirtschaftsprüfer seien gesetzlich dazu verpflichtet, eine Berufshaftpflichtversicherung abzuschließen*, **erklärt Wilfried E. Simon** («Glück im beruflichen Unglück», «Wochenende» 13.07.2013); «*Um Stürze zu vermeiden, muss das Steigungsverhältnis über die gesamte Treppenlänge konstant bleiben*», **erläutert Michael Pommer**, *Trainer an der Heimwerkerschule DIY-Academy in Köln* («Auf solidem Fundament», «Wochenende» 13.07.2013); *Joseph Demarest, der stellvertretende Direktor der FBI-Cyberabteilung, die den Sony-Hack untersucht hatte, behauptet, die in diesem Fall benutzten Methoden hätten auch in 90 Prozent aller anderen privaten Konzerne funktioniert, ja sogar bei etlichen militärisch oder sonst wie staatlich abgesicherten Systemen* («Cyberkrieg mit Popcorn», «Die Zeit» 53/2014);

5) перформативы: **warnen** (предостерегать): «*Man muss sich spezialisieren, sich weiterbilden und Marktlücken suchen. Wer das nicht macht, der wird mit seinem Einkommen immer im 1000-Euro-Bereich bleiben*», **warnt Arnold** («Kein Job für „Wendy“-Mädchen», «Wochenende» 13.07.2013);

6) номинативные глаголы: **nennen** (называть): *Andreas Kutschera, Vorstandsmitglied des Bundesverbandes der Versicherungsberater in Mönchengladbach, nennt den Wasserinstallateur als typisches Beispiel: „Der Installateur will die Wasserleitung reparieren, bohrt dafür ein Loch in die Wand des Kunden, trifft aber aus Versehen die Gasleitung“* («Glück im beruflichen Unglück», «Wochenende» 13.07.2013).

Кроме того, нами выделен эмотивный глагол **sich freuen** (радоваться): «*Das Angebot ist schon jetzt ein voller Erfolg*», **freute sich Matthias Gräßle**, *Hauptgeschäftsführer der Kammer, nach dem ersten halben Jahr* («Wasser, Strom und Fernsehen vom gleichen Anbieter», FAZ 160/2013). По своей семантике он не относится к глаголам речи, но функционально сближается с ними в контексте.

В качестве авторизирующих предикатов выступают интенциональные глаголы **meinen** (полагать, думать), **kennen** (знать), «раскрывающие структуру ментальной деятельности субъекта» [7, с. 51]: «*Wer sich rund um*

die fertiggestellte Beach-Volleyball- Anlage umsehe, könne schon erkennen, welches Kleinod das Neue Naturbad werde», meint Augsburg («Fast vier Millionen Euro für Naturbad», FAZ 160/2013); Mengestu, der in New York lebt, kennt wie die anderen drei den wahren Schuldigen, den Westen: «Die Ideen der Aufklärung schufen erst die Grundlagen für den Genozid» («Schuld hat der Westen», «Die Zeit» 40/2014).

Обращаясь к грамматическим категориям авторизующих предикатов, необходимо отметить, что в авторизованных конструкциях отмечено их употребление как в настоящем (Präsens), так и в прошедшем времени (Imperfekt, Perfekt). Причём в последнем случае доминирует Imperfekt: *Er habe das Thema in seinen ersten Gesprächen mit den Kollegen angeschnitten, sagt Weikel («Neuer Chefarzt der Gynäkologie», FAZ 160 /2013); Grund dafür seien Spenden von Kirchengemeinden und Stiftungen, sagte der Vereinsvorsitzende Günter Adam («Wohnungsnot verschärft sich», FAZ 160/2013).*

Как видим, в качестве авторизующих предикатов на страницах исследуемых нами немецких газет чаще всего выступают глаголы речи, общей особенностью которых является сема «передача информации». Однако, по нашим наблюдениям, данную функцию выполняют также эмотивные и интенциональные глаголы, функционально сближающиеся с ними в контексте речи.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гурин, И.В. Способы авторизации персонифицированной информации в русскоязычных печатных СМИ Республики Беларусь / И.В. Гурин // Язык и культура. (Научный журнал). – К.: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2012. – Вып. 15. – Т. III (157). – 452 с.
2. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: (современная английская медиаречь): учебное пособие / Т.Г. Добросклонская, 2008. – М.: Флинта. – 263 с.
3. Васильева, А.Н. Газетно-публицистический стиль речи: курс лекций по стилистике рус. яз.: учеб. пособие для студентов-иностранцев / А.Н. Васильева. – М.: Рус. яз., 1982. – 198 с.
4. Квасов, Я.Я. Язык СМИ = Die Sprache in den Massenmedien: учеб.-метод. пособие / Я.Я. Квасов. – Минск: МГЛУ, 2011. – 248 с.
5. Осетрова, Е.В. Модус неопределенности в текстах современных СМИ / Е.В.Осетрова // Специализированный вестник Красноярского государственного университета «Речевое общение» [Электронный ресурс]. – 2002. – № 4(12). – С. 84–90. – Режим доступа к журналу: http://library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0070161.pdf. – Дата доступа : 20.02.2015
6. Золотова, Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 366 с.

7. Етко, А.Г. Инференциальный аспект семантики в контексте авторизации предложения в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Етко А. Г. – Ставрополь: Ставропольский гос. ун-т, 2011. – 195 с.

А. В. Дуброва

старший преподаватель кафедры иностранных языков
МГПУ им. И. П. Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь)

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ПЕРЕВОДА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Испанский язык известен своей широко разветвленной синонимией и полисемией. Многозначность слова в испанском языке несколько осложняет взаимопонимание. Именно из-за множественности значений слова А.А. Потебня считал, что «понимания в чистом виде нет, а есть «со-понимание», т. е. нам всегда *кажется*, что мы понимаем собеседника, но понимание в значительной степени может оказаться всего лишь нашей иллюзией» [1].

Что касается терминологии, какими бы однозначными ни казались термины, строго таковыми они не являются. Как отмечает Т.Г. Попова, «в терминологии происходят те же лексические процессы, что и в лексике общелитературного языка» [2, с. 102]. Термин – это тоже слово или сочетание слов, выполняющие функцию выражения научного понятия или признака, объекта или категории. Однако последние видоизменяются, изменяется и их содержательная сущность.

Огромное количество терминов заимствуется в испанский язык из других языков, например из греческого и латинского, куда они пришли из арабского языка. В арабских странах уровень науки в период раннего средневековья был значительно выше, чем в Европе. Так, в древнем Риме калий называли на латыни *Kalium*. Это слово было взято из арабского языка *al-qalya*, «*ceniza de plantas*», что означало «зола растений». Большинство слов на аль- (*al-*) в испанском языке, включая слово *alquimia* / *алхимия* ведут свое происхождения с арабского востока. Щелочь – по-испански *alkali*, что по-арабски означает «пресный», т.е. «не-кислый». К арабским заимствованиям восходит и слово *alchol* / *алкоголь*, в оригинале означающее «легчайший, нежнейший» (это бесцветная, легко испаряющаяся, чрезвычайно летучая жидкость). Эликсир/*elixir (de la vida)* – тоже арабское слово, состоящее из префикса *al-* и греческого слова *xerion*, означающего ‘сухой’. Слово *xerion* входит в состав терминов *xerografía* (печать сухим методом), *ксероформ* (кровоостанавливающий и дезинфицирующий порошок) и *xerófilio* / *ксерофильный* (тип растений, требующий сухой почвы).

Многочисленную группу терминов в сфере экономики испанского языка составляют сегодня иностранные заимствования из английского, французского, немецкого языков. Это свидетельствует о тенденции к интернационализации экономической терминологии. Так, в сферах информатизации и экономики все семантические процессы, связанные с терминообразованием, происходят в испанском языке под воздействием английского языка. Часто английские слова проникают в испанский язык через французский: англ. *interbank* → фр. *interbancaire* → исп. *Interbancario*; англ. *floating* → фр. *flottement* → исп. *flotamiento*.

Заимствования подразделяются на лексические и семантические. К лексическим заимствованиям относятся слова со всеми своими фонеморфологическими и семантическими характеристиками, например: *boom, copyright, know-how, high-tech, holding, stock options, dumping, blue chips, web, on line, digital*. Семантическое заимствование связывают с калькированием, т.е. семантическим переносом. Примерами семантического заимствования в испанском языке являются термины: *Stock market – mercado de valores* (рынок ценных бумаг). Данный термин используется наряду с термином испанского происхождения *bolsa*; *Mouse – ratón* (мышь) – широко известное устройство, получившее распространение как стандартное оборудование персональных компьютеров.

Такие слова, хорошо известные в испанском языке, могут приобретать новое, вторичное (терминологическое) значение по аналогии с соответствующими иностранными словами. Например: *Nuestras características diferenciales son la facilidad de uso de nuestra web y la seguridad que reporta nuestro especial sistema de claves de acceso que garantiza a nuestros clientes total confianza en la correcta ejecución de sus operaciones, además de la rapidez en la ejecución de órdenes on line y de funcionamiento de nuestro website* (Нашими отличительными особенностями являются простота в пользовании сетью и надёжность, которую обеспечивает специальная система паролей доступа, которая гарантирует нашим клиентам надлежащее исполнение операций, а также быстроту выполнения команд в сети и действия самой сети). Или *El portal se organiza por áreas temáticas* (Информация портала распределена по тематическим разделам).

Нередко заимствованные английские слова сосуществуют с испанскими терминами, сохраняя свои звуковые, орфографические, грамматические и семантические особенности. Например, английское слово *hacker* (хакер) заимствовалось испанским языком в оригинальном виде: *Según el estudio, ningún hacker se ha atrevido todavía* (По данным этого исследования ни один хакер до сих пор не осмелился на это). Английскому *e-mail* (электронная почта) соответствует испанское слово *correo electrónico*. В разговорной испанской речи слово *e-mail* теряет свою фонетическую аутентичность. Встречаются также следующие производные английского слова – *esmalte, esmael*. Термин *on line*

используется параллельно с испанским *vía Internet*, но именно английское слово послужило основой для образования таких терминов, как *empresas on line* (компании, осуществляющие свою деятельность через Интернет), *operaciones bancarias on line* (банковские операции, осуществляемые через Интернет) и т.д. *Respecto a las causas de las caídas de las empresas on line los expertos apuntan: el alza del petróleo; la debilidad del euro...* (Что касается причин убытков компаний, осуществляющих свою деятельность через Интернет, специалисты выделяют следующие: повышение цен на нефть, низкий курс евро...). *Hay suficiente seguridad en las operaciones bancarias on line* (Есть определённая надёжность в банковских операциях, осуществляемых через Интернет).

Английский индекс *com*, который присваивается различным Интернет-провайдерам, и следует после точки за названием компаний, превратился в испанский термин *puntocom*. Пример: *Analistas y directivos de compañías puntocom aseguran que se trata de una corrección normal en una industria nueva en la que sólo sobrevivieron los mas fuertes* (Специалисты и руководители Интернет-компаний уверяют, что речь идёт о нормальном изменении в работе новой отрасли).

Часто английские термины проходят процесс лексикализации: испанский неологизм *chotear* происходит от английского *chat* (общение через Интернет) путём присоединения суффикса *-ar* к английскому слову. И уже более высокая степень лексикализации – испанский термин *puntero*: *El presupuesto total...proviene en su mayor parte del Ministerio de Ciencia y Tecnología y empresas punteras del sector* (Основная часть бюджета формируется в основном за счёт Министерства науки и технологий и Интернет-компаний, работающих в этом секторе).

Функционирование терминологической лексики обусловлено развитием науки, техники, информационных технологий, переживающих в настоящее время небывалый подъем. В связи с популяризацией достижений науки и техники многие термины становятся общеупотребительными словами, оставаясь терминами в соответствующих терминологических системах: например, *ordenador, computadora, raton, inflation, mercado*. Терминология – одна из самых подвижных и быстро пополняющихся частей общенародной лексики. Бурное развитие научно-технических знаний повлияло на появление огромного числа новых понятий и соответственно новых терминов. Для термина, в отличие от обиходного слова, основной характерной функцией является функция определения.

Учитывая сложность семантических отношений в сфере терминологии, деятельность переводчика следует рассматривать как аналитико-интегративный процесс. Перевод на другие языки предполагает возможность более или менее адекватной замены слов одного языка словами другого. В отношении испанской научно-технической терминологии высказываются мнения о её несовершенстве и неупорядоченности. Это объясняется долгим техническим и экономическим отставанием Испании, приведшим к тому, что многие термины, выражающие понятия науки, техники и экономики,

создавались в процессе переводческого контакта. Кроме того, большой объём научно-технической терминологии потребовал для перевода большого количества специалистов, что непосредственно отразилось на количественной и качественной сторонах терминологии современного испанского языка.

Главное требование к идеальным терминологическим системам – это однозначность, предельная ясность и прозрачность. Термин может быть однозначен только в рамках одного поля. Например, исп. *negocio* означает 1) *дело, бизнес*; 2) *торговля*; 3) *прибыль, доход*; 4) *торговое заведение, магазин*. За пределами этого поля полисемия термина в ряде случаев неизбежна: *процесс – результат, вещество, орудие или предмет труда*. Испанское слово *bolsa* имеет следующие значения: 1) *официальное собрание лиц, имеющих право проводить операции с ценными бумагами*; 2) *место, где проводятся эти встречи*; 3) *совокупность операций, осуществляемых с ценными бумагами*.

Большинству терминов присуща так называемая категориальная многозначность. Так, например, в испанском языке слово *алкоголь* как химический термин в зависимости от контекста может иметь следующие значения – 1) *алкоголь, спирт*; 2) *свинцовый блеск*; 3) *сурьма (краска)*; слово *experiencia* – 1) *опыт, проба, практика*, 2) *эксперимент*. В математике слово *potencia* – *мощь; держава (страна)* (нетерминологические значения); *мощность (двигателя) и степень*, в которую возводят число; а также – *показатель этой степени: segunda potencia* – *вторая степень, квадрат*; *tercera potencia* – *третья степень, куб*; *elegir a potencia* – *возводить в степень*. Есть слова-чемпионы по количеству значений. Например, *elemento*: 1) *физ., хим. элемент*; 2) *элемент, составная часть, деталь*; 3) *стихия*; 4) *среда (географическая)*; 5) *элемент, субъект, тип (un elemento sospechoso – подозрительный тип (субъект))*; 6) *pl основы, начала (науки, искусства)*; 7) *pl средства, принадлежности*.

Феномен многозначности вынуждает переводчика предпринимать различного рода трансформации. А.Д. Швейцер считает, что *трансформация* – это приём логического мышления, с помощью которого переводчик раскрывает значение иноязычного слова в контексте и находит ему русское соответствие, не совпадающее со словарным [4]. Приведем в качестве примера фразу из текста по химии: *Se aprovecharon los procesos y las reacciones químicas para producir materiales como vidrio, jabón, medicamentos, perfumes, cosméticos tintes, vinos. La elaboración de cada uno de estos materiales siempre traía implícita la ejecución de algún proceso de naturaleza química*. Чтобы продемонстрировать возникающие при переводе трудности, дадим дословную интерпретацию выделенного фрагмента: «выработка каждого из этих материалов всегда несла имплицитно (скрыто) выполнение какого-либо процесса химической природы». Результат компьютерного перевода: «Разработка каждое одного из этих материалов всегда приносила подразумеваемо исполнение некоторого процесса»

химически природы». Лексико-семантических трансформаций в данном случае избежать не удастся. Вариантов перевода может быть столько, сколько переводчиков. Мы предлагаем такой вариант: «Изготовление каждого из перечисленных материалов содержало в себе (таило в себе) какой-нибудь химический процесс». В данном случае осуществлена такая переводческая трансформация как сворачивание вербального ряда (или компрессия). В последнем словосочетании можно было бы и не прибегать к компрессии, а оставить слово *ejesición*. Тогда высказывание выглядело бы примерно так: «Изготовление каждого из этих материалов содержало в себе осуществление какого-либо химического процесса». Следующая трансформация – расширение вербального ряда за счёт добавления слова «перечисленные».

Переводческие трансформации – это особый вид межъязыкового перефразирования [5]. Л.С. Бархударов вместо слова «перефразирование» использует слово «преобразование». Качественно разнообразные преобразования, с его точки зрения, неизбежны во имя достижения адекватности перевода [6]. Перефразировать текст можно следующим образом – путем перестановки (инверсии), замены, опущения и добавления (лексического расширения).

Процесс пополнения словаря в настоящее время, появления новых слов и новых значений у слов происходит быстрее, чем когда-либо ранее в истории человечества. Для современной языковой коммуникации характерно преобладание делового и научно-технического стиля, включение в языковой оборот широких слоёв терминологической лексики, явление, которое иногда называют естественно-искусственным многоязычием. Процесс перехода специализированных терминов в общий язык, как указывает Т.Г. Попова, называют детерминологизацией. В испанской лингвистике его называют банализацией [1, с. 58]. Приведем пример из газетной статьи о Фиделе Кастро: *Hace poco más de un año la revista Paris Match publicó un extenso fotorreportaje de Fidel Castro <...>, titulado Castro, el inoxidable* [Mauricio Vicent. Fidel Castro vuelve a la carga. // El País 16-02-2011] – «Чуть более года назад журнал Пари Мач опубликовал большой фоторепортаж о Фиделе Кастро под названием «Кастро нержавеющей». Особая экспрессивность текста достигается именно за счет стилистической аномалии, за счет использования термина «нержавеющий» из области металлургии. Кроме того, прилагательное, применяемое к неодушевленным существительным, именующим металлы, стало характеристикой политического лидера.

Лексико-семантические процессы, происходящие в сфере терминологической и общенаучной лексики, представляют сегодня большой интерес для обучения профессионально ориентированному переводу.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Потебня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – М. : Лабиринт, 1999. – 300 с.
2. Попова, Т.Г. Лексический состав испанского научно-технического текста / Т.Г. Попова. – М.: РУДН, 2010. – 148 с.
3. Vynon, T. Lingüística Histórica / T. Vynon. – Madrid: Gredos, 1981. – 311 с.
4. Швейцер, А.Д. Теория перевода / А.Д. Швейцер. – М. : Наука, 1988. – 256 с.
5. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение / В.Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2002. – 240 с.
6. Бархударов, Л.С. Язык и перевод / Л.С. Бархударов. – М., 1973. – 238 с.
7. Виноградов, В.С. Введение в переводоведение. Общие и лексические вопросы / В.С. Виноградов. – М. : ИОСО РАО, 2001. – 314 с.
8. Diccionario De la Lengua Española / Real Academia Española / edición en CD-ROM / 22-a ed. Madrid: Espasa, 2003.
9. Rondeau G. Introduction a la terminologie. Quebec, 1980. 139. Seco M. Diccionario de dudas y dificultades de la lengua española. – Madrid, 1973.

М. С. Качур

старший преподаватель кафедры иностранных языков
МГПУ им. И. П. Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО НАПОЛНЕНИЯ ЦВЕТОВОГО КОНЦЕПТА «ЗЕЛЁНЫЙ»

Несмотря на, казалось бы, давнюю и богатую традицию изучения цветонаименований в рамках проблем формирования в языке обозначений цветковых фрагментов окружающего мира в ходе его познания, изучения языковых средств и форм цветовой номинации, на современном этапе развития лингвистики остаётся недостаточно изученным, какие именно знания об объективной колористической реальности ложатся в основу фразеологической номинации и как действительность, отражённая в категориях мышления, воплощается в значениях ФЕ.

Необходимо учесть при этом, что наименования, участвующие в процессах фразеологической номинации, выступают «во вторичной для них функции наречения» путём переосмысления единиц первичной номинации [1, с. 129]. Выбор конкретного наименования для передачи конкретного содержания обусловлен когнитивным содержанием этого наименования, играющего «семиологически разрешающую роль» [1, с. 179] в номинативном процессе, потому как, указание именем на действительность в процессе фразеологической номинации происходит посредством такого объединения слов, когда «семантически опорное наименование» реализует закреплённое за ним фразеологическое значение лишь в комбинации с определённым наименованием, выступающим «семантически ключевым» для данного наименования [2]. Такое

наименование должно обладать необходимым номинативным содержанием.

Для этого мы подробно изучили природу цветовых категорий, выявили структуры знания, которые лежат в основе цветоименований, определили основания опытной когниции и формы репрезентации знаний цветовой реальности, а также выявили набор семантических признаков цветоименования «зелёный», полученных в результате изучения типов семантических преобразований и видов содержательных отношений в структуре фразеологического значения.

Под семантическим признаком в данной работе понимается смысловая единица, некоторое знание о свойствах и отношениях объектов окружающего мира, которое послужило основой переосмысления цветоименования «зелёный» в структуре фразеологического значения. Это тот денотативный признак, по которому был наименован соответствующий фрагмент реальной действительности фразеологическими средствами языка.

Следовательно, семантический признак, положенный в основу фразеологической номинации, другими словами, внутренняя форма ФЕ, выступает опосредствующим звеном между значением фразеологической единицы и обозначаемой предметной ситуацией. Опосредованным данное звено становится и вследствие обусловленности процессов номинации предыдущим опытом человека [3]. Поэтому признак, оказавшийся приоритетным в акте номинации, представляет собой типизированное представление об объекте номинации [4; 5], сложившееся в результате взаимодействия языкового коллектива с окружающей действительностью, что позволяет соотносить выделяемый признак с установленными формами репрезентации знаний о цвете в сознании человека (цветовые архетипы, прототипы, стереотипы, эталоны и символы) и с когнитивными сферами опытной когниции цветовой реальности (сенсорная, ментальная, предметная, культурная, лингвистическая и социальная сферы).

Так, представим содержательное наполнение колористической картины мира в виде таблицы.

Таблица – Содержательное наполнение колористической картины мира

Сфера опыта	Содержательный компонент цветовых концептов	Форма репрезентации знаний
Сенсорный опыт	Визуальные, психо-физиологические и эмоциональные впечатления	Перцептивный образ
Ментальный опыт	Архетипические, прототипические, стереотипные, эталонные и символичные структуры	Архетип Прототип Стереотип Эталон Символ

Предметный опыт	Референтно-прототипическая отнесённость	Архетип Прототип Эталон
Культурный опыт	Культурно-национальная символика	Символ
Лингвистический опыт	Лингво-	Семантический признак
Социальный опыт	социальная обусловленность	Стереотип Эталон

Таким образом, фразеологический портрет содержательного наполнения цветового концепта «зелёный» на материале ФЕКЦ в английском, немецком, русском и белорусском языках состоит из выделенных семантических признаков, явившихся основанием переосмысления цветоименований в структуре фразеологического значения. В результате соотнесения данных признаков с когнитивными сферами опытной когниции цветовой реальности и формами репрезентации знаний о цвете в сознании человека они могут быть обобщены в следующие группы: психо-физиологические характеристики цветоощущения и цветовосприятия, референтно-прототипическая отнесенность цветоименований с объектами/предметами естественными носителями цветовых признаков, культурно-национальная цветосимволика, лингво-социальная обусловленность.

Представим фразеологический портрет содержательного наполнения цветового концепта «зелёный» на материале ФЕКЦ в английском, немецком, русском и белорусском языках.

Психо-физиологические характеристики цветоименования «зелёный»

Визуальные характеристики (цветовосприятие):

- скучный, тоскливый (рус. *скука/тоска зелёная*).

Эмоционально-оценочные характеристики (цветоощущение):

- благосклонный (нем. *j-m nicht grün sein* – ‘не благоволить к кому-л., не любить, недолюбливать кого-л.’; *j-s grüne Seite setzen* – ‘присесть рядышком с кем-л., подсесть к кому-л.’).

Физиологические характеристики (цвет лица/кожи):

- зависть, ревность (англ. *the green-eyed monster* – ‘ревность’; нем. *grün vor Neid werden* – ‘позеленеть от зависти’; рус. *позеленеть от зависти* / бел. *ззялянець як зялёнка* – ‘очень завидовать’);
- злость, гнев (нем. *sich grün und gelb ärgern* – ‘быть вне себя, беситься, приходить в ярость, лопаться со злости, рвать и метать’; *grün und gelb werden (vor Ärger, Wut, Zorn)* – ‘взбеситься, взбелениться, взъяриться, прийти в бешенство (или в ярость)’);
- болезненное состояние (нем. *es wird/wurde j-m grün und gelb vor (den) Augen* – ‘кому-л. становится (или стало) тошно, кого-л. мутит,

тошнит (от отвращения)»; рус. *зелено в глазах*; бел. *пазелянела ў вачах*);

- незрелый (нем. *grüne Äpfel/Birnen/Früchte*; рус. *зелён виноград, коли не дают*);
- свежий (англ. *green goods* / нем. *grünes Gemüse* – ‘свежие овощи’; рус. *зелёный горошек* / бел. *зялёны гарошак* – ‘молодой сушеный горох’).

Референтно-прототипическая отнесенность цветоименования «зелёный»

Архетипические характеристики:

- растительность (англ. *the green cloth* – ‘земное поле’; нем. *Industriestadt im Grünen* – ‘промышленный город среди зелени (название города Gastrop-Rauhel)’; рус. *зелёное богатство* / бел. *зялёныя харомы* – ‘лес’);
- природа (англ. *the green men* – ‘легендарные обитатели лесов’; нем. *die grüne Grenze* – ‘государственная граница, проходящая по природным рубежам’; рус. *зелёный шум* – ‘пробуждение природы весной’; бел. *зялёны тэатр* – ‘театр, расположенный на природе’).

Прототипические характеристики:

- насаждения, посадки (нем. *die grünen Lungen der Stadt* – ‘зелёные насаждения в городе’; рус. *зелёная зона*; бел. *зялёныя насаджэнні*);
- отсутствие снега, бесснежный, нехолодный (англ. *green winter* – ‘мягкая зима’; нем. *grüne Weihnachten* – ‘зелёное Рождество (без снега)’);
- овощи, фрукты (англ. *green meat*);
- деньги (англ. *the long green*);
- карты, карточный стол (англ. *knight of the green cloth* – ‘картежник’; нем. *der grüne Bube/König* – ‘Валет (или король) пик’; рус. *зелёный стол, сукно*; бел. *зялёнае поле*);
- класс референта (англ. *the green Island*; нем. *die Grüne Insel* – ‘Зелёный остров (название Ирландии)’; рус. *зелёное мыло* / бел. *зялёнае мыла* – ‘жидкое мыло, зеленовато-бурого цвета, употребляемое для специальных целей’).

Эталонные характеристики:

- трава (англ. *(as) green as grass* / бел. *зялёны, як трава*);
- крыжовник (англ. *as green as a gooseberry*).

Культурно-национальная цветосимволика

- надежда (нем. *grüne Hoffnung*);
- молодость (нем. *grüne Jahre, grüne Tage* – ‘молодые годы, молодые дни’; бел. *пажоўклы ліст сярод зялёных лісцяў*);
- здоровье (англ. *keep the bones green* – ‘сохранять хорошее здоровье’; нем. *grün sein* – ‘бодрый, полон сил’);

- счастье (англ. *a green old age* – ‘счастливая старость, преклонный возраст’; нем. *die grüne Hochzeit* – ‘день свадьбы’);
- неопытность (англ. *to be green* – ‘быть неопытным’; нем. *ein grüne Junge* – ‘зелёный (или желторотый, безусый) юнец’; рус. *молодо-зелёно*; бел. *зялёнае дзіця*);
- расцвет, рост, процветание (англ. *in the green tree/wood* – ‘во время расцветания, расцвета’; нем. *auf einen/keinen/grünen Zweig/Ast kommen* – ‘(не) процветать, (не) преуспевать, (не) добиться удачи (или успеха) (в материальном, экономическом отношении)’);
- хвала, почет (нем. *j-n, etw. über den grünen Klee loben* – ‘превозносить (до небес), возносить до небес кого-, что-, петть хвалы (или дифирамбы кому -, чему-)’);
- разрешение, свобода (англ. *a green Light* / нем. *grünes Licht* / рус. *зелёная улица* / бел. *зялёнае святло / зялёная вуліца*);
- абсурд (англ. *believe that the moon is made of green cheese* – ‘поверить явному абсурду’);
- бюрократия, теория, ученость (нем. *der grüne Tisch* – ‘канцелярский стол; сухое теоретизирование, лишнее опоры на практику’);
- пьянство, алкоголизм (рус. *до зелёного змия*; бел. *зялёны змей*);
- могила (нем. *der grüne Rasen* – ‘могила’).

Лингво-социальная обусловленность цветоименования «зелёный»

- сельскохозяйственный (нем. *der grüne Fließband* – ‘зелёный конвейер’; рус. *Зелёный корм* – ‘ботва’; бел. *Зялёны канвеер* – ‘система плановой заготовки зелёного корма для животных’);
- садоводческий (англ. *to have green fingers* / нем. *eine grüne Hand / einen grünen Daumen haben* – ‘иметь легкую руку (в садовничестве)’);
- экологический (англ. *a green religion* – ‘язычество (религия, заинтересованная экологическими проблемами, представители живут в гармонии с природой)’; нем. *grüner Punkt* – ‘круглый, зелёный значок на упаковке, свидетельствующий о ее экологичности’);
- природоохранный (англ. *Green issues* – ‘дела (вопросы), касающиеся защиты окружающей среды, экологии, борьбы с загрязнением, сохранением энергоресурсов, эффективной переработкой отходов и т. д.’);
- необработанный, нетронутая природа (англ. *a greenfield site* – ‘земля, обрабатываемая впервые’);
- невыделанный (нем. *grünes Pelzwerk* – ‘невыделанный мех’);
- сырой, несоленый, некопченый (нем. *grüne Fische/Heringe/Speck* – ‘несоленая рыба (селедка, сало)’; рус. *зелёно вино* – ‘молодое вино’);

- театральный (англ. *talk green room* – ‘сплетничать о театральных делах’);
- разбойничий (англ. *go to the greenwood* – ‘быть объявленным вне закона; стать разбойником’);
- диетический (англ. *to go green* – ‘сесть на диету, состоящую из овощей, фруктов, бобовых и органической пищи’);
- досада, восхищение, недоумение (нем. *Ach, du grüne Neune!* – ‘вот тебе на!, вот тебе раз! (букв. Ах ты, зелёная девятка!)’; рус. *Ёлки зелёные* / бел. *Ёлкі зялёныя* – ‘выражение досады, восхищения, недоумения’);
- род деятельности (англ. *green bag* – ‘адвокат’; нем. *die grüne Polizei* – ‘зелёная полиция (по форменной одежде полицейских в период Веймарской республики)’; рус. *зелёные фуражки* – ‘пограничники’).

Составление фразеологического портрета содержательного наполнения цветового концепта «зелёный» позволило рассмотреть процесс фразеологической номинации на уровне системной организации элементов опыта и установить, что выбор наименования обусловлен его когнитивным и номинативным содержанием.

Осмысление и преобразование информации в процессе фразеологической номинации цветоименований приводит к обращению ко всему комплексу знаний, запечатленных в виде цветовых прототипов, стереотипов, эталонов и символов, функционирующих в данной культуре. Обусловленность процесса фразеологической номинации определена сферами сенсорного, предметного, культурного, лингвистического и социального опытов. Причинами выбора конкретного наименования для передачи конкретного содержания являются психо-физиологические характеристики цветоощущения и цветовосприятия; референтно-прототипическая отнесенность цветоименований с объектами/предметами, естественными носителями цветовых признаков; культурно-национальная цветосимволика и лингво-социальная их обусловленность.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Телия, В.Н. Вторичная номинация и её виды / В.Н. Телия // Языковая номинация (виды наименований) / В.Н.Телия [и др.]; отв. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. – М., 1977. – Гл. III. – С. 129–221.
2. Телия, В.Н. Номинация / В.Н. Телия // Лингвистический энциклопедический словарь / редкол.: В.Н. Ярцева (гл. ред.) [и др.]. – М., 1990. – С. 336–337.
3. Потебня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – М. : Лабиринт, 2007. – 265 с.
4. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм / Н.Ф. Алефиренко. – М. : ООО Изд-во «Элпис», 2008. – 271 с.
5. Телия, В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 287 с.

Е. В. Ковалева

кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка и МПИЯ МГПУ им. И.П.Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

АССОЦИАТИВНО-ОБРАЗНАЯ НОМИНАЦИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЭРГОНИМИИ

В именах собственных находит отражение духовная жизнь общества, материальная культура, история страны, религия, топографические особенности местности. При соотнесении онимов с этими составляющими пространственно-временного континуума определенного региона выявляется национально-культурная специфика наименований.

Эргонимы (“собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка” [2, с. 151]) в лингвистической литературе относят к периферии ономастического поля. Но следует отметить, что, как и все онимы, они выполняют основные функции: идентификационно-дифференцирующую, номинативную, денотативную, сигнификативную, а в силу своей специфики и информационную, рекламную, мемориальную, агитационную.

Актуальность исследования эргонимов обусловлена пониманием топонима как свернутого текста, который “по-разному и всякий раз в неравном объеме актуализируется в различных речевых ситуациях и состоит из нескольких логико-информационных модулей” [1, с. 6]. Материалом исследования являются эргонимы ирландского города Дублин. Как и номинация во многих ономастических классах, наименование данных единиц формируется путем соотнесения имени с именуемым объектом (указывая на свойства и качества объекта, на отношение к другому объекту, на отношение к деловому объединению людей, на отношение к человеку, на связь с абстрактным понятием, указывая на два и более признака одновременно).

В рамках лингвокультурологического и антропоцентрического подходов в ономастических исследованиях онимы рассматриваются как лингвокультурные единицы, культурно мотивированные единицы. С помощью их апеллятивов, мотивационных основ выявляется языковая картина мира носителей языка, культурный слой знаний. При определении принципов номинации данных ономастических единиц важно учитывать не только лингвокультурологическую составляющую, но и традиционные семантические и словообразовательные компоненты.

Наиболее частотными являются эргонимы региона, указывающие на товары или услуги, которые они представляют. Такие онимы относятся к ассоциативно-образным, так как данные наименования оказывают влияние на чувства, эмоции людей. В их номинации на первый план выходят эмоциональный, оценочный и стилистический компоненты значения слова, а также разного рода ассоциации, вызываемые названием.

В основе выбора апеллятива для наименований, относящихся к группе ассоциативно-образных, преобладают лексемы, которые свидетельствуют об уникальности объекта, что он является превосходным, первым, самым лучшим, элитным, королевским, не похожим на другие. Так, название компании, оказывающей строительные услуги, *Evolution Construction* мотивировано лексемой *evolution* 'эволюция, эволюционное'. Наименование бакалейного магазина *Absolutely Organic Limited* происходит от апеллятива *absolutely* 'абсолютный'. Эргонимы *Royal Upholstery* (королевская перетяжка мебели), *Supreme Furniture* (превосходная мебель), *TopClassCarpentry.com* (высококласное плотничество) мотивированы лексемами *royal* 'королевский', *supreme* 'превосходный', *top class* 'высший класс'. Книжный магазин с названием *Number One Shop* претендует быть лучшим в своей области (от апеллятива *number one* 'номер один'). Эргоним *Cherished Memories* (художественная студия) происходит от лексем *cherished* 'заветный' и *memories* 'воспоминания', вызывая ассоциацию с избранностью, уникальностью момента. Наименование гостиницы с завтраком *Barony Bed & Breakfast* содержит апеллятив *barony* 'титул барона', указывающего на высокий уровень обслуживания. В названии развлекательного центра *D1 Club* зафиксировано его месторасположение (в центре Дублина), а нумеративный компонент *1* используется также со значением 'лучший'.

Эргоним *Property Chic* (агентство недвижимости) мотивирован лексемой *chic* 'шик', привлекающей определенную аудиторию. На стремление быть лучше других рассчитано, вероятно, и название агентства недвижимости *Aspire* (от апеллятива *aspire* 'стремиться к чему-либо'). Наименование *Bluebird Care* (услуги ухода за людьми) соотносится с апеллятивом *bluebird* 'символ удачи, Синяя птица счастья'. Эргоним *Unique Perspectives* (пиар-агентство) подчеркивает уникальные возможности (перспективы) данной компании (от лексем *unique* 'уникальный' и *perspective* 'перспектива'). Название *Aavant Gardens* (садовый дизайн) соотносится с апеллятивом *advance-guard* (авангард) 'который впереди'. Наименование *Priory Studios Photography* (студия фотографии) образовано от апеллятива *prior* 'более важный, веский'. Оним *Elite Ireland Investigation* (услуги охраны) подразумевает элитное оказание услуг (от лексемы *elite* 'элитный'). Название турагентства *Skytours* соотносится с апеллятивами *sky* 'небесный' и *tours* 'туры', т.е. уникальные, лучшие.

Апеллятив *alpha* 'альфа (первая буква греческого алфавита)' в составе названия кадрового агентства *Alpha Recruitment* указывает на его главную роль на рынке данных услуг. Лексема *crown* в эргониме *Crown Relocations* (услуги по переезду) апеллирует к понятию *королевский* (от лексемы *crown* 'корона'). Онимы *Premier Autobody* (автосервис), *Premier Business Centres* (агентство недвижимости) образованы от лексемы *premier* 'первый'. Название автосервиса *Ace Autobody Ltd* содержит апеллятив *ace*

(муз) ‘главная карта в колоде’. Данный апеллатив фиксируется и в наименовании страховой фирмы *Ace Travel Insurance*, информирующей о виде деятельности, а именно о страховке лучших путешествий. Эргоним *Mortgage First Rate Enterprises* (финансовые консультации) происходит от лексем *first* ‘первый’. Название *London Life & General Reinsurance Co Ltd* (финансовые консультации) мотивировано ойконимом *Лондон* и апеллативом *life* ‘жизнь’, что указывает на роскошь, богатство. Оним *Phoenix Web Solutions* (веб-дизайн) образован от лексем *phoenix* ‘образец совершенства, чудо’. В названиях студий дизайна чаще всего содержится указание на стремление соответствовать современным стандартам, элегантность: *Think Contemporary* ‘думай современно’, *Elegant Homes* ‘элегантные дома’. Название клининговой фирмы *Zest Cleaning Servicesz* происходит от апеллатива *zest* ‘то, что придает вкус, пикантность, ‘изюминка’, обращает на себя внимание и графический элемент субстантива *Servicesz* (окончание -z), т. е. первая и последняя буквы в наименовании совпадают и создают симметрию.

Ассоциативно-образные эргонимы мотивированы лексемой *ABC* ‘алфавит’, которая указывает на весь спектр услуг от А до Я: *ABC Cleaning Services* ‘услуги по химчистке от А до Я’, *ABC Fishing Tackle* (магазин для рыбаков) ‘снаряжение для рыбалки от А до Я’. Графический каламбур (обыгрывание внутренней формы слова при помощи графического выделения внутри компонента, имеющего отношение к объекту номинации) зафиксирован в наименовании *ABSolute Pilates* (пилатес) – выделение начальных букв лексем *ABSolute* ассоциируется с апеллативом *ABC* ‘алфавит, от А до Я’.

В эргонимии Дублина зафиксированы и рифмованные единицы. Так, в названии *Man Plus Van* (услуги по переезду) лексема *man* ‘человек’ рифмуется с *van* ‘грузовик’, в ониме *Clown Around Ltd* (услуги аниматоров) лексема *clown* ‘клоун’ сочетается с наречием *around* ‘вокруг’. Эргоним *Hair Affair Unisex Salon* (салон красоты) образован от апеллативов *hair* ‘волосы’ и *affair* ‘любовная связь, роман’, которые в английском языке представляют собой рифму. Единица *Tubs & Suds* соотносится с лексемами *tub* ‘ванна’ и *suds* ‘мыльная пена’. Название магазина цветов *Crazy Daisy Florist* также содержит рифмованное сочетание (*crazy daisy* ‘сумасшедшая маргаритка’).

Ассоциативно-образная номинация выявлена и в наименованиях, мотивированных апеллативами, которые указывают на особенности оказываемых услуг. Эргоним *Cover in a Click* (страховая компания) сообщает об эффективности, скорости оказания услуги (*cover in a click* ‘покрыть, взять в один клик’). Название организации по оказанию услуг связи *Airspeed Telecom* содержит лексему *airspeed* ‘быстрый, как ветер’. Нумеративный компонент в составе эргонима *123.ie Insurance* (финансы и страховка) указывает на простоту и скорость получения услуги (страховка

на раз, два, три). В названии автошкол преобладают лексемы *безопасность, только вперед*: *Safety First Driving School* (безопасность прежде всего), *Straight Ahead School of Motoring* (только вперед). Эргонимы *Giraffe Childcare Harcourt Road* (детский сад), *Little Rainbows Creche* (детский сад) образованы от лексем, которые ассоциируются с миром детства (*giraffe* ‘жираф’, *rainbow* ‘радуга’). Наименование образовательного центра *Optima Training* соотносится с апеллятивом *optimum* ‘наиболее благоприятные условия, оптимальный’, который подразумевает качество. В названии компании по доставке *Chefs at Home* (шеф-повара дома) содержится указание на услуги премиум-класса. Наименование *Snap Printing* (полиграфические услуги) происходит от лексемы *snap* ‘очень быстро, моментальный снимок’. Эргоним *Creative Cakes* (фирма по выпечке тортов) образован от апеллятива *creative* ‘творческий’, указывающего на манеру исполнения. Название магазина одежды *Wear It Again* (надень это снова) предполагает наличие ассортимента для самых разных клиентов. Эргоним *Debt Fix Solutions* (финансовые консультации) происходит от лексем *debt* ‘долг’ и *fix* ‘устранить, починить’, что свидетельствует о качестве услуг компании. Оним *O.K. Motors* (автосервис) включает в себя аббревиатуру *O.K.* ‘исправный’, но не исключено и фиксирование в ней имени и фамилии владельца данной фирмы. Наименование *WellDoneGlazing* (услуга тонировки стекол) сообщает о качестве работы (от апеллятива *well-done* ‘хорошо, удачно сделанный’). Название *NiceWork* (услуги веб-дизайна) также апеллирует к качеству работы (от лексем *nice* ‘хорошая’, *work* ‘работа’). Эргоним *No Win No Fee Ireland* (услуги адвоката) обращает внимание на особенность оказания услуги – при проигрыше дела она не подлежат оплате (*no win no fee* ‘нет победы – нет платы’). Название *Clean Event* (химчистка) содержит апеллятив *event* ‘событие’, уборка, как праздник. Наименование *Clean4less Carpet and Upholstery Cleaning* (химчистка) указывает на стоимость услуг с использованием нумеративного компонента 4, который в разговорном английском языке соответствует предлогу *for*.

Эргонимы, обозначающие услуги курьера и доставки, содержат сведения о месте работы компании (*CityPOST, Citywide Couriers, Global Transport Ltd* – от апеллятивов *city* ‘город’, *global* ‘глобальный’), а также о способе доставки (*ParcelDirect.ie* – от лексем *parcel* ‘посылка’, *direct* ‘прямо, прямо в руки’). В составе эргонимов встречается и апеллятив *vision* ‘видение, мечта’: *VISION Consulting Ltd* (услуги консалтинга), *Catering Vision* (услуги доставки еды), в первом случае использование прописных букв в названии также обращает внимание потребителя. Наименование развлекательного центра *Xtra-vision* образовано от апеллятивов *extra* ‘особый, высшего качества’ и *vision* ‘видение, мечта’. Ассоциативно-образная номинация выявляется в названиях компаний, оказывающих

компьютерные услуги. Так, оним *Green Light Data Systems* происходит от апеллятивов *green light* ‘зеленый свет’, *data systems* ‘системы данных’. Эргоним *Castle Computers*, мотивированный лексемой *castle* ‘замок’, указывает на надежность, уверенность. Единица *Technofutures* представляет собой сочетание апеллятивов *techno* ‘техно’ и *futures* ‘будущее’ во множественном числе. Название *Networked.ie* соотносится с апеллятивом *network* ‘сеть’ с добавлением финали *-ed*, которая используется при образовании времени Past Simple для правильных глаголов. Данный способ номинации эргонимов зафиксирован и в названиях учреждений здравоохранения: *Smiles Orthodontics*, *Smiles Dental Ballsbridge Dublin* (услуги стоматолога) – от лексемы *smile* ‘улыбка’, *Dental Magic* (услуги стоматолога) – от апеллятива *magic* ‘магия, волшебство’. Эта лексема используется также для наименования агентства по оказанию информационных услуг (*Magic Infomedia*), что, на наш взгляд, не является удачным, ведь данный вид деятельности не соотносится с волшебством.

В эргонимии Дублина выявлены единицы, мотивированные другими онимами, реалиями, которые хорошо известны носителям языка. Название театральной студии *Troubadour Productions* (постановки трубадура) мотивировано апеллятивом *troubadour* (*трубадур*) ‘средневековый поэт-певец, автор песен, называемый часто менестрелем’. Наименование агентства по организации праздников *Madison Avenue Event Services* образовано от онима *Мэдисон Авеню* (*Madison Avenue*). Данная улица находится в Нью-Йорке и является олицетворением американской рекламной индустрии, так как исторически на ней располагались офисы основных рекламных агентств США. Оним *Aladdins Corner Creche* (детский сад) соотносится с антропонимом *Aladdin*, героем арабской сказки из “Тысячи и одной ночи”, который был бедняком, но при помощи волшебной лампы разбогател, так как джинн, живущий в ней, выполнил все желания. Название салона красоты *Park Avenue Beauty Clinic* ассоциируется с онимом *Парк-авеню* (*Park Avenue*) – улица в Нью-Йорке, пересекающая Манхеттен с севера на юг. На ней расположена дорогая недвижимость, офисы всемирно известных корпораций (*Citygroup*, *JPMorgan Chase* и *MetLife*).

Таким образом, англоязычные эргонимы, образованные при помощи ассоциативно-образной номинации, мотивированы апеллятивами, которые информируют о качестве услуг, о виде деятельности. В таких наименованиях присутствуют элементы языковой игры, рифмованные сочетания, нумеративные компоненты, прописные буквы, что указывает на особенности национальной культуры, выраженной при помощи языка в данном разряде имен собственных.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Горбаневский, М.В. Русская городская топонимия: проблемы историко-культурного изучения и современного лексикографического описания: автореф. дис. ...д-ра филол. наук: 10.02.01 / М.В. Горбаневский; Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. – М., 1994. – 39 с.
2. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1988. – 199 с.
3. Теория и методика ономастических исследований / А.В. Суперанская [и др.]; под общ. ред. А.П. Непокупного. – М.: Наука, 1986. – 255 с.
4. Dublin City Business Directory [Электронный ресурс]. – Dublin, 2014. – Режим доступа : <http://www.mytown.ie>. – Дата доступа : 19.10.2014.

Л. В. Пузан¹, В. М. Коваленко²

¹кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и МПИЯ МГПУ им. И. П. Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь)

²кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков РВУЗ Крымский инженерно-педагогический университет (Россия)

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ПАРНОСИНОНИМИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Выбор темы предлагаемой работы обусловлен неослабевающим интересом лингвистов к вопросам фразеологии в связи с гетерогенностью объекта исследования и разнообразием подходов к его изучению. В последнее время появляется все больше работ, посвященных изучению стилистического, коммуникативно-прагматического, лингвокультурологического, психолингвистического, лексикографического и других аспектов фразеологизмов на материале германских, славянских и др. языков [1], [2], [3], [4].

Объектом данного исследования послужили парные фразеологизмы (далее ПФ), составляющие довольно обширный пласт немецкой фразеологии. Анализ классификаций фразеологизмов позволяет утверждать, что парные фразеологизмы имеют статус самостоятельного субкласса (с неунифицированной терминологией: парные сцепления (Чернышева И.И.), парные сращения (Едличко М.И., Рубинштейн А.И.), парные слова, парные фразеологизмы, слова-близнецы (Левковская К.А.); *Zwillingsformeln*, *Paarformeln*, *Wortpaare* (Е. Агрикола). ПФ определяются как парные сочетания слов, принадлежащих к одной части речи и соединенных между собой союзами и/или предлогами. Компоненты парных сочетаний находятся, как правило, в синонимических или антонимических отношениях либо дополняют друг друга в рамках одной или разных тематических групп [5], [6].

В центре нашего внимания находятся парные фразеологизмы, компоненты которых являются синонимами.

В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой синонимы определяются как «члены тематической группы, которые: а) принадлежат

к одной и той же части речи и б) настолько близки по значению, что их правильное употребление в речи требует точного знания различающих их семантических оттенков и стилистических свойств» [7, с. 407]. Традиционно различают полные (абсолютные) и неполные синонимы. Неполные, в свою очередь, подразделяются на идеографические и стилистические.

Приведем примеры ПФ из фразеологического словаря Л. Э.Биновича, компоненты которых мы идентифицируем как синонимы:

auf jedem Tritt und Schritt – на каждом шагу; *Lug und Trug* – ложь и обман; *сплошное надувательство*; *das Rühmen und Preisen* – восхваление и превозношение; *Zwist und Hader* – высок. распри, раздор, разлад; *Klatsch und Tratsch* – сплетни и пересуды; *Gewisper und Getuschel* – перешептывание и шушуканье; *mit Kind und Kegel* – со всей семьей, с чадами и домочадцами; *so всем скарбом*; *auf Weg und Steg* – везде и всюду; *Schrecken und Greuel* – ужас и отвращение; *Schimpf und Schande* – стыд и срам; *Schmach und Schande* – стыд и срам, стыд и позор; *vor Angst und Schrecken* – от страха и ужаса; *Grund und Boden* – земля, земельное владение; *das Drängen und Treiben* – сумятица, суматоха; возбуждение, волнение; *Hege und Pflege* – заботливый уход; *gegen Wunsch und Willen* – против воли, вопреки желанию; *j-s Erb und Eigen* – чья-л. исконная собственность; *in Saus und Braus* – в роскоши, в свое удовольствие.

В приведенных выше парных фразеологизмах мы имеем дело с разными видами синонимов в качестве компонентов. Так, в первых двух примерах компоненты ПФ определяются нами на основании данных словаря Г. Варига как полные синонимы. Ср.: *Schritt* – *Vorsetzen eines Fußes* [8, с. 3177] и *Tritt* – *1. das Auftreten mit dem Fuß, Schritt* [8, с. 3621]; *Lug* – *Lüge, Täuschung (nur in der Wendung Lug und Trug)* [8, с. 2525] и *Trug* – *Betrug, Täuschung* [8, с. 3630]; *Zwist* – *Streit, Hader, Uneinigkeit, Feindschaft*; *wir wollen den alten Zwist begraben* [8, с. 4182] и *Hader* – *Zank, Streit, heftige Meinungsverschiedenheit* [8, с. 1618].

Приведем текстовые примеры: *Ich schäme mich bloß von wegen dem ewigen Lug und Trug; immer war es mein Stolz, dass ich nicht lügen könne und nun habe ich doch immer lügen müssen* (Th. Fontane „Effi Briest“) [9, S. 381]; *Verdrossen herabhängende Mundwinkel deuteten auf innerlichen Zwist und Hader* (W. Raabe „Die Gänse von Bützow“) [9, S. 650].

В нижеследующих ПФ в синонимичные отношения вступают существительные, отличающиеся друг от друга оттенками значений вне фразеологического оборота, например: *Den dritten Tag gab es Gewisper und Getuschel in der Schule* (B. Uhse, „Wir Söhne“) [10, S. 300]; *Görners Augen verengten sich: „Wenn es eine Drohung sein soll, dann merken Sie sich eines: Ich bin stärker als Sie und Ihre hysterische Freundin! Ich werde die Polizei alarmieren, und man wird Sie hinter Schloss und Riegel setzen* [11, S. 160].

Ср.: *wispern* – *leise, ohne Stimme sprechen, flüstern* [12, S. 4370] и *tuscheln* – *einander heimlich etw. oft für einen(anwesenden) Dritten etw. zuflüstern; miteinander / mit j-m tuscheln* [12, с. 3821]; *Schloss* – *Vorrichtung*

zum Verschließen [8, S. 3124] u Riegel – Querholz, eine einseitige Verschlussvorrichtung an den Türen – засов [8, S. 2944].

В рамках соответствующих фразеологических оборотов существительные *Gewisper und Getuschel* и *Schloss und Riegel* утрачивают разницу в оттенках значений и сливаются в первом случае в новое общее значение, во втором – в общее переносное (метонимическое) значение.

Идеографическими синонимами являются также компоненты ПФ *Weg u Steg*. Ср.: *Weg – festgetretene od. leicht befestigte Bahn zum Gehen, Pfad (im Unterschied zur Straße), z.B. Feld-, Garten-, Wad-, Spazierweg* [8, S. 3963] и *Steg – eine sehr schmale, einfache Brücke, Brett als Brücke* [8, S. 3405]. Приведем текстовый пример из фразеологического словаря Л.Э. Биновича: *Es ward mir unleidlich. Ich drehte mich um und sprach: „Jetzt steh mir Rede, was folgst du mir auf Weg und Steg hier in der nächtlichen Öde? (H. Heine, „Deutschland. Ein Wintermärchen“)* [10, S. 838].

Устойчивые сочетания, как известно, отличаются своей стабильностью, поскольку живут в языке на протяжении многих веков. Так, например, в выражении *mit Kind und Kegel* лексический архаизм *Kegel (uneheliches Kind – внебрачный ребенок)* встречается только в этом обороте. Слово исчезло из употребления, что затрудняет понимание содержания этого фразеологизма. Два этих слова можно с натяжкой назвать идеографическими синонимами, поскольку в этом случае приходится смешивать синхронный и диахронный уровни исследования лексики. Текстовый пример: *„Ich schmeiß sie raus!“ rief Diederich, „samt und sonders, mit Kind und Kegel“* (H. Mann, „Der Untertan“) [10, S. 415].

За счет объединения одинаковых или сходных по значению слов-компонентов достигается обобщенность и усиление значения приведенных парных фразеологизмов.

Весь корпус анализируемых парносинонимичных фразеологизмов мы делим на субстантивные и адвербиальные.

Субстантивные ПФ коррелируют с именами существительными по категориальному значению и функции. Субстантивные парные фразеологизмы могут употребляться в предложении в функции подлежащего, дополнения, именной части сказуемого, предикативного атрибута.

Так, например, ПФ *Recken und Strecken* (увертки, уловки, ухищрения) и *mit Sack und Pack* (со всеми пожитками, со всем скарбом) выполняют в нижеследующих примерах соответственно функции подлежащего и предикативного атрибута: *Kein Recken und Strecken nützte, auch den Kuss auf beide Wangen empfing er, obwohl mit lautem Zähneknirschen* [10, S. 617]; *Wie sollte er ihr begreiflich machen, warum er hier mit Sack und Pack angereist kam* [10, S. 641].

Целостность значения вышеназванных ПФ возникает в первом случае за счет метафорического переноса наименований бинарного сочетания, во втором – за счет семантической консолидации (термин Чернышевой И.И.) обоих составляющих [13, с. 188].

Адвербиальные (наречные) фразеологизмы коррелируют с наречиями, выполняющими в предложении функцию различного рода обстоятельств, конкретизирующих действие по таким параметрам, как место, время, образ/способ, причина, степень и мера, цель. Адвербиальные ПФ разнообразны по структуре. Сюда относятся, как правило, предложные парные сочетания. Адвербиальные парные сочетания могут иметь следующие значения:

– локальное – *auf allen Schritten und Tritten* – на каждом шагу, везде. Например: *Die geheime Polizei wird mich verfolgen: auf allen meinen Schritten und Tritten sehe ich schlaue, fremde Gesichter* (W. Hauff, „Die Sängerin“ [10, S. 677];

– модальное: *mit Ächzen und Krächzen* – с охами да вздохами; *mit Ach und Krach* – насилу, едва-едва, с грехом пополам; *mit Weh und Ach* – с охами да вздохами, с жалобами, нехотя. Данные ПФ характеризуют людей, у которых отсутствует желание выполнять то или иное действие, то есть содержат негативную оценку;

– финальное: *zu Schutz und Trutz* – для обороны. Например: *...wie wir drei Männer jetzt unter uns die Hände zusammenflechten, redlich, ohne Falsch, so wollen wir drei Länder auch zu Schutz und Trutz zusammen stehn auf Tod und Leben* (F. Schiller, „Wilhelm Tell“) [10, S. 684];

– каузальное: *Und wie sie hineintrat, erkannte sie Schneewitchen, und vor Angst und Schrecken stand sie da und konnte sich nicht regen* [14, S. 236].

Некоторые парносинонимичные фразеологизмы могут развивать многозначность: Ср.: *Grund und Boden* – земельное владение и *in Grund und Boden* – совершенно, окончательно. Например: *Ihr lobt mich in Grund und Boden hinein* (H. Sandermann, „Katzensteg“ [10, S. 317].

Итак, основными семантическими признаками ПФ с синонимическим отношением компонентов являются, равно как и для других подлинных фразеологизмов, смысловая целостность, устойчивость, воспроизводимость. Смысловая целостность возникает вследствие утраты синонимическими компонентами ПФ в рамках определенной структурной модели оттенков значений, которые свойственны им вне фразеологизма и приобретения фразеологизмом нового общего, как правило, усиленного значения (полностью либо частично переосмысленного).

Говоря о семантических особенностях парносинонимических фразеологизмов следует отметить, что часть из них имеют полисемантический характер.

Для парносинонимичных фразеологизмов характерны модальное, локальное, финальное и каузальное значения, обусловленные выполнением ими синтаксической функции обстоятельства. Примеры с темпоральным значением не обнаружены.

Семантика парносинонимических фразеологизмов может предвосхищаться их структурной моделью, в первую очередь наличием в ней определенных предлогов: *aus* *Angst und Schrecken* – каузальное

значение; mit Ächzen und Krächzen – модальное значение; in Grund und Boden – модальное значение (интенсивность действия).

Парносинонимичные фразеологизмы могут выполнять как номинативную функцию (Grund und Boden – земля, земельное владение), так и экспрессивную (sich in Grund und Boden schämen – быть готовым провалиться сквозь землю от стыда; etw. in Grund und Boden stampfen – камня на камне не оставить, сравнять с землей), то есть могут реализовывать свой прагматический потенциал.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ковшова, М. Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект): автореф. дисс. д-ра филол. наук: 10.02.19. – М., 2009. – 42 с.
2. Уразметова, А. В. Лингвокультурологический аспект изучения топонимов в составе фразеологических единиц: на материале английского и французского языков: дисс. канд. филол. наук: 10.02.20. – Уфа, 2006. – 196 с.
3. Dobrovol'skij, D. Idiome im mentalen Lexikon / D. Dobrovol'skij // Ziele und Methoden der kognitivbasierten Phraseologieforschung. – Trier: WVT Wissenschaftlicher Verlag, 1997. – С. 214–224.
4. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: изд-во «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
5. Agtikola, E. Einführung in die Probleme der Redewendungen / E. Agtikola // Wörter und Redewendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. – Leipzig, 1982. – S. 16–35.
6. Ольшанский, И. Г. Лексикология: современный немецкий язык: учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений / И. Г. Ольшанский, А. Е. Гусева. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 416 с.
7. Ахманова, А. С. Словарь лингвистических терминов / А. С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
8. Wahrig, G. Deutsches Wörterbuch / Wahrig G. – Bertelsmann Lexikon-Verlag. – 4185 S.
9. Бинович, Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь под ред. д-ра Малиге-Клаппенбах и К. Агрикола. – М.: изд-во «Русский язык». – 1975. – 657 с.
10. Бинович, Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь / Л. Э. Бинович. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956. – 904 с.
11. Fischer, M.-L. Die verbotene Liebe / M.-L. Fischer. – München: Lichtenbergverlag, 1989. – 176 s.
12. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, hrsg. von R. Klappenbach u. W. Steinitz. – Berlin: Akademie-Verlag, 1967. – Bd. 1. – 631 s.
13. Степанова, М. Д. Лексикология современного немецкого языка: учеб. пособие для студ. лингв. и пед. фак. высш. учеб. заведений / М. Д. Степанова, И. И. Чернышева. – 2-е изд., испр. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 256 с.

И. В. Русецкая¹, Е. А. Каптур²

¹преподаватель кафедры английского языка и МПИЯ
МГПУ им. И. П. Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь)

²студентка 5 курса МГПУ им. И. П. Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ РЕАЛИЙ В ПЕРЕВОДЕ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ТЕЛЕСЕРИАЛА «ТЕОРИЯ БОЛЬШОГО ВЗРЫВА»

Перевод с одного языка на другой приобретает всё большую значимость. Благодаря переводу осуществляется межъязыковая и межкультурная коммуникация. Важным направлением исследований в современном переводоведении является перевод реалий. Эта проблема уже много лет вызывает интерес в связи с расширением культурных связей между различными странами. Реалии представляют собой особый слой лексики – они являются носителями исторического и национального колорита. Чем чаще происходит соприкосновение двух культур, тем чаще встает вопрос о проблематике переноса реалий с одного языка на другой.

Определение понятия «реалия» у разных авторов неоднозначно. Это создает определённые трудности в понимании истинного значения этого термина. Наряду с термином «реалия» широко распространён и термин «безэквивалентная лексика». В лингвистической литературе они не являются взаимозаменяемыми.

Толковый переводоведческий словарь М. Флинта даёт следующее определение понятию «реалия»: «Реалии – это 1) слова или выражения, обозначающие предметы, понятия, ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке; 2) разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой и переводоведением, такие, как государственное устройство данной страны, история и культура данного народа, языковые контакты носителей данного языка и т. п. с точки зрения их отражения в данном языке; 3) слова, обозначающие национально-специфические особенности жизни и быта» [1, с. 178].

В.С. Виноградов называет реалиями «все специфические факты истории и государственного устройства национальной общности, особенности ее географической среды, характерные предметы быта прошлого и настоящего, этнографические и фольклорные понятия, относя их к классу безэквивалентной лексики» [2, с. 37].

С. Влахов и С. Флорин определяют реалии как особую категорию средств выражения, включающую в себя слова и словосочетания, называющие объекты, характерные для жизни, быта, культуры и истории одного народа и чуждые другому. Исследователи отмечают, что реалии требуют при переводе особого подхода, поскольку не имеют точных соответствий в других языках, будучи носителями национального и/или исторического колорита [3, с. 6].

Г.Д. Томахин даёт следующее определение реалии: «Реалии – это названия присущих только определенным нациям и народам предметов материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена национальных и фольклорных героев, мифологических существ и т. п.» [4, с. 5]. Кроме того, ученый выделяет денотативные и

коннотативные реалии. "Денотативные реалии – это такие факты языка, которые обозначают предметы и явления, характерные для данной культуры, не имеющие соответствий в сопоставляемой культуре. Коннотативные реалии, в противоположность денотативным, обозначают предметы, ничем не отличающиеся от аналогичных предметов сопоставляемых культур, но получившие в данной культуре и обслуживающем её языке дополнительные значения, основанные на культурно-исторических ассоциациях, присущих только данной культуре» [4, с. 41–42].

Таким образом, сопоставив приведённые выше определения «реалии», можно сделать вывод, что это понятие включает в себя предметы и понятия, не существующие в культуре людей, говорящих на другом языке, а именно исторические факты, особенности государственного устройства, предметы быта, а также этнографические понятия и фольклор.

В данной работе мы придерживаемся следующего определения понятия «реалия» – специфические исторические факты и особенности государственного устройства национальной общности, ее географической среды, характерные предметы быта прошлого и настоящего, этнографические и фольклорные понятия.

Для рассмотрения способов передачи реалий с английского языка на русский была использована выборка примеров из телесериала «Теория Большого взрыва» [5], общий объем которой составил 300 единиц.

«Теория Большого взрыва» (англ. *The Big Bang Theory*) – американский ситком, созданный Чаком Лорри и Биллом Прэди. Сериал повествует о жизни двух молодых талантливых физиков (Шелдон Купер и Леонард Хофстедтер), их привлекательной соседке по лестничной площадке, официантке и начинающей актрисе (Пенни), а также их друзей – астрофизике Раджеше Кутраппали и инженере Говарде Воловице. Действие сериала происходит в городе Пасадена, штат Калифорния [6].

В результате анализа были выявлены следующие типы реалий:

1. Бытовые реалии: *Japanese puzzle box*, *Heart Smart platter*, *Klingon Boogie*, *beatbox*, *hokey pokey*, *snickerdoodle* (42,3 % от общего количества реалий, составляющих объем исследования). Из них 37,4% единиц – наименования пищи, 15,7% – типы жилищного устройства, 14,1% реалий – названия предметов одежды, 3,6% – обозначения единиц измерения, 4,1% реалий – названия музыкальных инструментов, 15,7% реалий, используемых как обращения, 0,7% – названия танцев.

Преобладание в этой группе реалий, обозначающих наименования пищи, может объясняться бытовым характером сериала и развитием сюжета в условиях реальной жизни. Также этот факт может объясняться глобальной межнациональной интеграцией культуры питания, что в свою очередь способствует возникновению новых как для русского, так и для

американского языка реалий. На втором месте по частоте появления идут реалии жилищного устройства и формулы обращений.

2. Ономастические реалии: *Stephen Hawking, Port-au-Prince, Leonard Hofstadter, Fuddruckers, Euclid Avenue* (36,9% от общего количества реалий, составляющих объем исследования). Из них 40,5% составляют имена литературных персонажей, 23,5% – топонимы, 18% – антропонимы и 18% – названия компаний, музеев, театров, дворцов, ресторанов, магазинов, пляжей, аэропортов. Такое построение внутри ономастической группы реалий объясняется изменением места развития событий внутри одного города, штата, страны.

3. Реалии государственно-административного устройства и общественной жизни: *high-IQ sperm Bank, CostCos, Avocado rancher, shrimper, the Department of water and Power* (9,9% от общего количества реалий, составляющих объем исследования). Из них 36,6% – названия гражданских должностей и профессий, титулов и званий, 30% – реалии основных воинских и полицейских подразделений и чинов, 16,7% – реалии административных единиц и государственных институтов, общественных организаций и партий и 16,7% – реалии промышленных, аграрных и торговых предприятий. Их появление в сериале может объясняться, как и в случае с ономастическими реалиями, изменением места развития сюжета, а также ссылками на различные организации в процессе диалога героев сериала.

4. Этнографические и мифологические реалии: *Hindi, Lord, goblin, Jesus*. (5,6% от общего количества реалий, составляющих объем исследования). Из них 29,4% – названия этнических и социальных общностей (и их представителей) и 70,6% – религиозные термины, сказочные персонажи и легендарные места. Реалии этого вида занимают особое место в сериале, поскольку затрагивают тему вероисповеданий, таких, как христианство, буддизм и иудаизм, и верований, которые представлены в юмористическом ключе и дают яркое представление о культуре в межнациональном аспекте.

5. Реалии мира природы: *labradoodle, bobcat, tapioca, the Gulf region* (5,3% от общего количества реалий, составляющих объем исследования). Из них 81,2% – названия животных, 12,5% – названия растений и 6,3% – типы ландшафта. Небольшое распространение реалий этого вида объясняется тем, что в центре сериала находятся межличностные отношения, а флора и фауна являются фоном, на котором они разворачиваются.

При переводе данного телесериала с английского языка на русский используются следующие приёмы переноса реалий:

1) транскрипция и транслитерация – 43,2% от общего количества исследованной выборки: *Stephen Hawking (Стивен Хокинг), Hugh Grant (Хью Грант), Sandra Bullock (Сандра Баллок), Johnny Winter (Джонни Винтер), Mumbai (Мумбай), Arkansas (Арканзас), Anne Frank (Анна Франк)*.

Из них 83,9% составляет транскрипция: *John Connor (Джон Конор), Terminator (Терминатор), SkyNet (Скайнет), Legolas (Леголас), Bruce*

Banner (Брюс Беннер), *Reed Richards* (Рид Ричардс); и 16,2% случаев использования транслитерации: *dragon* (дракон), *lemonade* (лимонад), *Andromeda* (Андромеда), *Maserati* (Мазерати), *NASA* (НАСА), *SETI* (СЕТИ). Преобладание использования транскрипции над транслитерацией обусловлено тем, что при удачном транскрибировании переводчик может добиться более адекватной передачи смыслового содержания и колорита культуры англоговорящей страны. Использование транскрипции наблюдается в основном при передаче ономастических реалий, таких, как названия улиц, городов, стран и имен собственных.

2) перевод – 53,2% от общего количества исследованной выборки: *closet* (шкаф), *loan* (станок), *couch* (диван), *serape* (шалль), *Green Lantern* (Зеленый Фонарь), *Kuiper Belt* (пояс Койпера), *Stu the Cockatoo* (какаду Стью), *C-3PO* (Ситрупио), *Uggs* (уггу), *Crocs* (кроксы), *Moon Pie* (пирожок), *CostCos* (барахолки).

Из них 53,2% случаев использования неологизмов: *Jew* (еврей), *griffin* (грифон), *dust ruffle* (оборочки для одеяла), *Klinton Boggle* (Клингонский бузл); 46,8% случаев использования приблизительного перевода: *Mortgomery Ward delivery Van* (грузовик доставки), *Sup a'Noodles* (ланша), *pumpernickel bread* (черный хлеб), *Butterscotch scone* (булочка).

На материале исследования не было выявлено ни одного примера использования такого способа перевода, как замена реалии. Это можно объяснить тем, что перед переводчиками стояла задача максимально сохранить культурно-национальный колорит сериала. Переводчиками использованы такие способы перевода реалий, как введение неологизма (53,2%) и функционального аналога (25,1%) с целью сохранения самобытности сериала и передачи его комедийной атмосферы.

Таким образом, перевод реалий является интересным процессом, отражающим национальный колорит, особенности быта, социального и исторического развития определённой культуры.

В исследовании методов перевода реалий до сих пор остается много открытых вопросов. Это связано не только с различными взглядами переводоведов на проблемы перевода, но и с множеством факторов и нюансов, влияющих на их решение. Спорным является само толкование понятия "реалия", а также вопрос классификации реалий и способов их перевода. В ходе исследования было выявлено, что наиболее распространенными в тексте телесериала «Теория Большого взрыва» являются бытовые и ономастические реалии.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Флинт, М. Толковый переводоведческий словарь / М. Флинт, Л.Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. – М.: Наука, 2003. – 162 с.
2. Виноградов, В.С. Введение в переводоведение / В.С. Виноградов. – Москва: ИОСО РАН, 2001. – 224 с.

3. Влахов, С. Непереваемое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Международные отношения, 1980. – 344 с.

4. Томахин, Г. Д. Реалии-американизмы: пособие по страноведению / Г.Д.Томахин. – М.: Высш. шк., 1988. – 239 с.

5. Сериал Теория Большого взрыва [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://bigbangtv.ru/>. – Дата доступа: 20.02.2015.

6. Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/>. – Дата доступа: 20.02.2015.

В. Н. Сергей

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
МГПУ им. И. П. Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь)

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗНОСТИ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ КОЛИЧЕСТВА ВО ФРАНЦУЗСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Проблемам перевода фразеологизмов посвящено множество теоретических работ, в которых рассматриваются различные методы и способы перевода. Однако однозначного, унифицированного подхода к адекватной интерпретации того или иного фразеологизма на другом языке до сих пор не выработано. Существует целый ряд фразеологических двуязычных словарей, однако даже при наличии равноценного фразеологического соответствия, приведенного в словаре, часто прибегают к поиску иных способов перевода, поскольку не каждый эквивалент подходит для цитируемого контекста. В одних работах предлагается для перевода пословицы находить соответствующий эквивалент в другом языке, в других – использовать подстановку или кальку, прибегать к описательному переводу. Мы будем опираться в нашей работе на классификацию Т.А. Казаковой [1], которая предлагает следующие способы перевода фразеологизмов:

- поиск идентичной фразеологической единицы в переводящем языке;

- поиск аналогичной единицы, имеющей общее с исходным значением, но построенной на иной словеснообразной основе;

- калькирование, т.е. пословный перевод;

- двойной или параллельный перевод фразеологизмов, когда в одной фразе сочетается калькирование фразеологической единицы и объяснение ее переносного значения в возможно более кратком виде;

- перевод-объяснение переносного значения фразеологизма, т.е. трансформация устойчивого словосочетания в свободное.

Отбор фразеологизмов для анализа осуществлялся методом сплошной выборки из словарей (Русско-немецкий словарь (основной): ок. 53000 слов: под ред. К. Лейна / изд.10, испр. и доп. – М.: Русский язык,

1989. – 736 с.; Ганшина, К.А. Французско-русский словарь: 51000 слов / К.А.Ганшина. – Изд. 7-е, стереотип / К.А. Ганшина. – М.: Русский язык. – 912 с.).

Проиллюстрируем примерами способы перевода некоторых фразеологизмов на французский и немецкий языки, предложенные Т.А. Казаковой.

1. Идентичные или эквивалентные фразеологические единицы:

– *Отпустить на все четыре стороны. Donner la clef des champs. In alle vier Winde entlassen.*

– *Ходить взад и вперед. Aller de long en large=Faire les cent pas. Auf und nieder gehen.*

– *Клин клином вышибают. Un clou chasse l'autre (букв.: «один гвоздь выгоняет другой»). Keil keilförmig ausschlagen.*

– *Делать из мухи слона. Faire d'une mouche un éléphant. Aus einer Mücke einen Elefanten machen.*

– *Капля в море. Une goutte d'eau dans la mer. Ein Tropfen im Meer.*

При использовании фразеологических идентичных единиц (эквивалентов) сохраняются все значения переводимого фразеологизма. Во французском и немецком языках образные фразеологизмы соответствуют практически по всем аспектам фразеологическим единицам языка-оригинала. В этой связи С.И. Влахов отмечает, что «перевод фразеологического единства должен, по возможности, быть образным», а перевод фразеологического сращения «осуществляется преимущественно приемом целостного преобразования» [2, с. 187]. С.И. Влахов предлагает два способа перевода – фразеологический и не фразеологический – и делит их на подгруппы, опираясь при этом на следующее требование – «фразеологизм переводят фразеологизмом» [2, с. 187–188].

На первый взгляд кажется, что это оптимальное решение проблемы для переводчика. В анализируемых языках имеется достаточно идентичных или эквивалентных фразеологических оборотов. Однако число таких соответствий ограничено, и некоторые фразеологизмы, кажущиеся идентичными, могут иметь отличия на идиоматическом, коннотативном или семантическом уровнях. Примером может послужить перевод первого и второго фразеологизмов на французский и немецкий языки (буквально): *Дать ключ от полей (фр.) и Отпустить на все четыре ветра (нем.)*, т. е. *не задерживать*; *2. Ходить вдоль и вишь = Делать сто шагов (фр.), Ходить вверх и вниз (нем) – ходить бесцельно.* Идентичность фразеологизмов в разных языках – это следствие общности логики и процессов мышления различных народов. Определённые образно-ассоциативные обороты возникли на основе сходных наблюдений и взглядов, образов жизни и мышления, опыта различных народов. Эквивалентные образные единицы появились независимо друг от друга в неродственных и типологически далёких языках, не имеющих между

собой тесных контактов (в нашем случае славянские, романские и германские языки).

Аналогичные единицы имеют общее с исходным значением, но построены на другой словесной стилистически окрашенной основе. Необходимо, однако, принимать во внимание тот факт, что если происходит замена референта, то существует вероятность искажения или неполной передачи смысла переводчиком:

– У семи нянек дитя без глаза. *Plus il y a de cuisiniers moins la soupe est bonne. Viele Köche verderben den Brei.*

– Мастер на все руки. *Der Tausendkünstler. L'homme savant tout faire.*

– Ум хорошо, а два – лучше. *Toute la sagesse n'est pas enfermée dans une tête. Vier Augen sehen mehr als zwei или Doppelt genäht, hält besser* (буквально: Четыре глаза видят лучше (больше) двух = Прошитый дважды, держит лучше).

При отсутствии непосредственных соответствий фразеологизм языка-оригинала переводится с помощью аналогичной фразеологической единицы, но он строится на иной словесно-образной основе: *Чем больше кухарок, тем менее вкусный суп (фр.). Много поваров портят кашу (нем.)*. Варианты русского, французского и немецкого языков очень близки с точки зрения семантики: уход за ребенком требует одних рук, как и приготовление пищи.

Данный тип фразеологических соответствий предполагает подбор в языках перевода фразеологизмов с таким же переносным значением, но этот фразеологизм основывается на ином словесно-стилистическом образе или нескольких образах: *Ум хорошо, а два – лучше. Toute la sagesse n'est pas enfermée dans une tête* (буквально: Вся мудрость не содержится в одной голове). *Vier Augen sehen mehr als zwei или Doppelt genäht, hält besser* (буквально: Четыре глаза видят лучше (больше) двух = Прошитый дважды, держит лучше).

Калькирование (пословный перевод). Это менее экспрессивный и эффективный, но вполне допустимый способ при переводе фразеологизмов на разные, даже совершенно неродственные или неблизкородственные языки, каковыми являются русский, французский и немецкий языки.

– Ясно как дважды два – четыре. *Clairement, comme deux et deux font quatre* (Хотя есть и выражение «*C' est claire comme bon jour*»). *Klar, wie zweimal zwei – vier (ist)*.

– Тысяча извинений. *Mille excuses. Tausend Entschuldigungen.*

– Семь пятниц на неделе. *Sept vendredi la semaine. Sieben Freitage in der Woche.*

– Капля в море. *Une goutte d'eau dans la mer. Ein Tropfen im Meer.*

– Бесконечное множество. *La multitude infinie = Des milles est des cents. Eine unendliche Menge.*

Конечно, не всегда просто определить, в каком из языков родилось данное словосочетание, и каким образом оно стало употребляться в других

языках. Важно проанализировать условия и культурную среду общества данных стран, где возникли предпосылки для возникновения того или иного фразеологизма.

Калькирование фразеологических русских единиц может быть применено лишь в том случае, когда в результате читатель сможет легко воспринять смысл и образность перевода на французском и немецком языках, и при этом у него не появится впечатление неестественности или несоответствия общепринятым нормам переводящих языков.

Калькирование является не самым удачным способом перевода фразеологизмов. И хотя переводчик в рамках своей языковой компетенции сохраняет идиоматичность словосочетания или целой фразы, однако сама суть фразеологической единицы может быть непонятна адресату, не владеющему иностранным языком. Часто особенности референта могут не совпадать в разных языках. Например: *Бесконечное множество. La multitude infinie = Des milles est des cents (Тысячи и сотни). Eine unendliche Menge.* Немецкое *Menge* (здесь *множество*) имеет значения – *объём, масса, толпа людей, куча, грудa, рой, стая.* Важным для переводящего является контекстуальное окружение данного фразеологизма.

Двойной (или параллельный) перевод фразеологизмов. В данном случае сохраняется сам фразеологизм в калькированном, эквивалентном или аналоговом виде и одновременно даётся несложное, короткое объяснение его переносного значения.

Один в поле не воин. L'union fait la force = Se réunissant on reçoit le résultat le plus vite possible. Einer ist keiner = Allein kann nicht viel erledigen.

Семь раз отмерь - один раз отрежь. Il faut tourner dix fois la langue dans la bouche avant de parler = Il faut bien réfléchir avant de faire quelque chose. Erst wägen, dann wägen = Man wagt nicht, ohne gut zu überlegen.

Этот способ трансляции фразеологических единиц на другие языки является предпочтительным: до адресата доносится суть словосочетания или целостной фразеологической единицы и сохраняется идиоматичность без искажения смысла. Данный способ может показаться недостаточным из-за сложности и объёма словесной структуры, которую необходимо переводить.

Перевод-объяснение применяется в случае отсутствия эквивалента фразеологической единицы в переводящих языках, а также в случае невозможности калькирования, невозможности передачи переносного значения фразеологизма на другой язык. В данном случае устойчивое словосочетание трансформируется в свободное:

- *Несметно (неслыханно) богатый. Très riche. Unerhört reich.*
- *Белая ворона. Un mouton à cinq pattes (букв.: «баран на пяти ногах» - une exclusion rare). Der weiße Rabe - eine seltene Ausnahme.*
- *Довольно! Пора кончать! Assez! Il est temps de finir! Genug! Es ist höchste Zeit, zu beendigen!*

В данных примерах смысл фраз передается без существенных искажений, однако, с другой стороны, фразеологизм теряет свои образно-ассоциативные свойства [3, с. 19–21].

Таким образом, в разных языках в основном закрепляются и фразеологизируются те аспекты, которые ассоциируются с национальными и культурными стереотипами, символами и эталонами. При этом фразеологизмы сами становятся культурными эталонами и стереотипами. Фразеологизмы прямо (в языке оригинала) и опосредованно (через соотнесенность ассоциативно-образного основания с эталонами, символами, стереотипами других национальных культур) содержат информацию о национальностях, их мировоззрении, о социумах. Они сохраняют и воспроизводят менталитет народа, его культуру из поколения в поколение. В них сохраняются представления народов о мифах, обычаях, обрядах, ритуалах, привычках, морали, поведении и т. д. Большинство русских фразеологизмов связано с повседневной жизнью человека, со всевозможными бытовыми хлопотами, с восприятием мира. Это жизнь и труд народа, его грамотность и книжность, его ремесла и ритуалы, его своеобразные образы и т. д. В этом отношении фразеологизмы представляют собой особый интерес, так как зачастую несут в себе дополнительное значение, обладают яркой национальной окраской и национально-культурной спецификой. В.Н. Телия подчеркивает, что интерпретация фразеологизмов происходит на основе бессознательного или осознанного соотнесения их значения в конкретной речевой ситуации с известными говорящему культурными установками [4, с. 64].

Так, при интерпретации русского фразеологизма «У семи нянек дитя без глаза» на французском «*Plus il y a de cuisiniers moins la soupe est bonne*» и немецком языках «*Viele Köche verderben den Brei*» видно, что в то время, как на Руси, проживая в скромности, всем миром пытались заботиться о потомстве, во Франции и в Германии были совсем другие установки и условия, связанные с бытом. «Чем больше кухарок, тем менее вкусный суп» (фр.) и «Много поваров портят кашу» (нем.). Всем известны пристрастия французов и немцев к вкусной пище.

Не всегда русский фразеологизм при интерпретации на других языках сохраняет числительные, либо последние могут не совпадать:

– Мастер на все руки. *Der Tausendkünstler* (букв.: художник, выполняющий тысячу дел). *L'homme savant tout faire* (букв.: человек, умеющий всё делать.)

– Ум хорошо, а два – лучше. *Toute la sagesse n'est pas enfermée dans une tête* (буквально: Вся мудрость не хранится в одной голове). *Vier Augen sehen mehr als zwei* или *Doppelt genäht, hält besser* (буквально: Четыре глаза видят лучше (больше) двух = Прошитый дважды держит лучше).

Очевидно, что подобные фразеологические единицы представляют собой особую трудность для адекватной передачи на другие языки. Они сами по себе трудно поддаются переводу в связи с проблемой восприятия, понимания распознанной единицы, отражения ее экспрессивно-стилистической функции. А перевод становится еще сложнее в тех случаях, когда фразеологизм отличается национально-культурным своеобразием.

Специфика лингвокультурологии, дисциплины, которая занимается изучением и описанием связей, соответствий языка и культуры в синхронном взаимодействии, проявляется в единстве языкового и внеязыкового содержания с ориентацией не только «на социальные и общечеловеческие, но и на национальные приоритеты» [5, с. 57]. Лингвокультурология рассматривает взаимообусловленность языковых и культурно-исторических значений слова или фразеологизма. Таким образом, фразеологизмы, обладающие национально-культурной спецификой, могут формироваться на основе не только таких понятий, как метафора, символ, образ, но и на основе стереотипа (в том числе языкового), эталона, штампа речевого поведения, речевого этикета или культурной ассоциации.

Решение проблемы интерпретации русских фразеологических единиц на других языках не исчерпывается совершенствованием навыков работы со словарями. Чтобы найти адекватное соответствие тому или иному фразеологизму, необходимо четко представлять себе внеязыковую ситуацию как внутри страны языка-оригинала, так и в странах, на языках которых интерпретируются фразеологизмы. Именно национальная и социальная специфика приводит к конкретному семантическому переосмыслению при интерпретации образности в других языках.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Казакова, Т.А. Практические основы перевода / Т.А. Казакова. – СПб.: изд-во Союз, 2001. – 320 с.
2. Влахов, С.И. Непереводимое в переводе / С.И. Влахов, С.П. Флорин. – Изд. 4-е. – М.: Р. Валент, 2009. – 360 с.
3. Потапова, С.Ю. Лексикология для переводчиков: учебно-методический комплекс; Международный институт бизнеса и новых технологий / С.Ю. Потапова. – Ярославль: РИЦ МУБиНТ, 2012. – 191 с.
4. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
5. Воробьев, В.В. Лингвокультурология / В.В. Воробьев. – М.:РУДН, 1997. – 331 с.

М. Г. Старовойт
магистр филологических наук,

старший преподаватель кафедры английского языка и МПИЯ
УО МГПУ им. И. П. Шамякина

ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИЗАЦИИ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ СОВОКУПНОСТЕЙ В РУССКОМ, БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Поле неопределенно большого и малого количества в русском, белорусском и английском языках представляет собой реализацию поля оценочного выражения неопределенного количества. Поэтому в семемах, представляющих классы и подклассы образов неопределенно большого и малого количества (размер, число, мера, вместительность, время, площадь, совокупность и т.д.) сема 'количество' является основным элементом в формировании структуры поля неопределенно большого и малого количества. В семемах большинства анализируемых нами слов сема «количество» присутствует как потенциальная, не манифестированная в толковании, однако часто актуализирующаяся в контекстах иллюстративной части словарей. При отборе практического материала мы опирались не только на сущность самого понятия *количество*, но и на образность языковых явлений. Организация лексики в систему строилась на основе ассоциативно-номинационного принципа, который определяет пути номинационной системы языка, привычные для носителей языка способы мотивации слов с оценочно-количественными значениями. В данном случае лексические единицы группируются вокруг языковых образов, лежащих в основе семантических переносов, реализация которых определяется нормой и узусом.

Анализ уровневой организации категории неопределенного количества позволяет выделить в структуре два уровня: выражение прямого и переносного значения. При выражении неопределенно большого и малого количества в прямом значении отсутствует образность. При структурировании лексических единиц с переносным значением неопределенно большого количества можно выделить классы образов большого, образы больших/ интенсивных природных явлений, образы совокупностей, образы движущихся совокупностей и др. Подобная классификация языковых единиц, обозначающих неопределенно большое и неопределенно малое количество ранее была представлена в работе В.В. Акуленко [1, 254].

Большую часть поля неопределенно большого количества в белорусском, русском и английском языках образуют лексемы, выражающие количество в переносном значении и входящие в периферийные семантические ряды. Преобладание этих средств в выражении понятия неопределенного количества в сопоставляемых языках естественно, если учесть относительный характер понятия неопределенного количества и значение его в человеческой деятельности. Это образы большого размера (бел. *працяг, пашырэнне, велічыня, мноства*,

чрезмерность, рус. протяжение, расширение, большой размер, обильность, чрезмерность англ. *extent, expansion, largeness, profusion*), большого числа (бел. *тузін, сотні, тысячы, мільёны*, рус. *дюжина, сотни, тысячи, миллионы* англ. *dozen, hundreds, thousands, millions*), большого вместилища (бел. *свіран, рэзервуар, сховішча*, рус. *амбар, резервуар, хранилище, ангар* англ. *barn, container, depository, hangar*), большой совокупности (бел. *згуртаванне, збіранне, патомкі, гарэм, гледачы, насельніцтва*, рус. *сообщество, скопление, потомки, гарем, зрители, население* англ. *congregation, descendants, harem, audience, population*), интенсивных природных явлений (бел. *прыток, вадаспад, моцны лівень, наводка, вывяржэнне, успышка*, рус. *приток, водопад, сильный ливень, наводнение, извержение, вспышка* англ. *affluence, cascade, cataract, spate, outbreak*), и др. Процесс переноса заключается в том, что семы НБК в составе означаемого слова, которое употребляется для вторичного наименования НБК, становятся второстепенными, что сопровождается преобразованием семантической структуры слова. Так, ядерная сема, имеющаяся в прямом номинативном значении слова, приглушается; семы, являющиеся основанием для переноса, выдвигаются на передний план. Многие переносные употребления слов со значением НБК настолько прочно вошли в язык, что фиксируются в словарях [1, 135].

Пути формирования переносного значения НБК в белорусском, русском и английском языках примерно одинаковы. Часто используются сходные ассоциации с природными явлениями, вместилищами, совокупностями и др.; количество лексических единиц в каждом ряду различное, что обусловлено особенностями строения и развития языка.

Важное место в полях НБК занимают слова и выражения, в основе которых лежит образ совокупности. Компонентный анализ показывает, что кроме архисемы «совокупность», в семантический состав входят также дифференциальные семы «упорядоченность/ неупорядоченность» «люди/ животные/ предметы», «разнообразие» и др. Однако не все лексемы со значением совокупности одинаково развивают переносное значение НБК. Так, в семантический состав лексем, являющихся названиями воинских подразделений и коллективов, объединенных одной целью, и употребляемых в строго терминологическом смысле, входят семы неопределенного количества (не НБК), но при выходе из терминологического употребления названия воинских частей развивают перенос: англ. *battalion of pupils* (батальон учеников), *army of cockroaches* (армия тараканов), рус. *батальон школьников, армия крыс*. Слова типа англ. *group* (группа), *team* (команда), *brigade* (бригада), рус. *группа, бригада* не употребляются в переносном значении.

Легко развивают переносное значение НБК лексемы, обозначающие совокупности животных. При употреблении они обладают яркой эмоциональной окраской. В их семантическом составе присутствуют коннотативные семы, отражающие ассоциации с признаками, характерными для определенных совокупностей животных: бел. *зграя буржуазных пісак*,

рус. *свора мальчишек*, англ. *noisy flock of tourists* (*шумная толпа туристов*) [3].

Лексемы со значением упорядоченной совокупности предметов образуют переносное значение НБК сочетанием с существительными, обозначающими животных и предметы, совокупности которых имеют особые названия: англ. *flotilla of grey ducks*, рус. *эскадрильи журавлей*. Часто такие лексемы являются интернациональными, что и объясняет сходство состава английского и русского рядов.

Сема НБК входит в означаемое лексем со значением беспорядочной совокупности лиц или предметов как в прямом, так и в переносном значении, например, англ. *crowd of tourists*, рус. *толпа туристов*, бел. *папрадкі* (*сбор женщин в какой-либо хате для прядения кудели*) – выражено прямое значение НБК. В примере англ. *rabble of thoughts* (*куча мыслей*), рус. *толпа сомнительных интрижек* выражено переносное значение НБК. Наиболее употребительными лексемами в исследуемых языках являются бел. *натоўп*, *куча*, *стос*, рус. *толпа*, *куча*, *груда*, *куча*, *ворох* [2] англ. *Crowd* (*толпа*), *heap* (*куча*), *pile* (*куча, пачка*), *throng* (*толпа*).

В образовании переносного значения НБК участвуют также лексем со значением движущихся совокупностей: англ. *Caravan* (*караван*), *cortège* (*кортеж*), *escort* (*эскорт*), *string* (*караван*), *train* (*кортеж*), рус. *караван*, *свита*, *эскорт* [2]. Их сочетаемость определяется спецификой семантики. В белорусском языке лексем со значением движущихся совокупностей малоупотребительны.

Лексем, обозначающие в основном своем значении совокупность, возникшую путем накопления, определяют при переносе НБК неодушевленных исчисляемых и неисчисляемых предметов: рус. *заряд смелости*, *багаж медалей*, англ. *fund of will* (*запас энергии*), *a stock of books* (*ассортимент книг*). Национально-специфическим является здесь словосочетание *king's ransom* (*огромная сумма, большой куш*) [3], означающее громадную сумму денег и белорусские лексические единицы *асяніна* (*осенняя оплата труда пастуха*), *працэнтаўка* (*начисление зарплаты процентной частью от выполненного в виде денег или натурой*), *фундуш* (*щедрое пожертвование на нужды церкви или костела*), которые также обозначают большую сумму денег.

Лексема со значением геометрических фигур, переносно обозначающая НБК предметов *circle* (*круг, область*) употребляется в сочетаниях типа *circle of eyes* (*область глаз*), что недопустимо с точки зрения норм русского и белорусского языков при выражении неопределенного количества. В данных языках лексема *круг* в основном определяет неопределенное количество обязанностей, забот, интересов.

В целом частотность употребления лексем со значением совокупности в переносном значении НБК не одинакова, в каждом языке есть свои излюбленные средства. Достаточно употребительны в исследуемых языках существительные, обозначающие воинские

подразделения, особенно, бел. *армія, узвод, легіён, арда*, рус. *армия, взвод, легион, орда* англ. *army (армия), battalion (батальон), horde (орда)*. Реже употребляются рус. *эскадрон, дивизия*. Среди существительных, обозначающих совокупности животных в английском языке частотными являются *flock (стадо, стая), herd (стадо, гурт), pack (свора, стая: wolf pack (стая волков)*, в белорусском языке – *вырай, чарада, згряя, рой, статак, табун*, в русском языке – *стая, свора, рой, стадо, табун* [2].

На фоне обширного класса совокупностей, лежащих в основе мотивировки слов, передающих идею НБК, образы малых совокупностей слабо используются в сопоставляемых языках для передачи НМК. Это связано с сущностью понятия «совокупность», включающего признак множественности объектов.

Класс мелких совокупностей представлен в пяти слабо разработанных подклассах. Противостоят друг другу наименования малых беспорядочных совокупностей и малых совокупностей, объединенных в одно целое. Это уменьшительные существительные (характерны для белорусского и русского языков), образованные от компонентов аналогичных разрядов поля НБК: бел. *групка, кучка, букецік, пакецік, вяночак, стосік, сцірта*, рус. *групка, кучка, букетик, пакетик, веночек, стопочка*. Примерами в английском языке могут послужить *rosy (маленький букет цветов), posegay (букетик цветов), slew (клубок ниток)*. В русском языке наиболее широкой сочетаемостью обладает существительное *кучка*. Существительные типа *букетик, пакетик* имеют ограниченную сочетаемость, хотя допускается *венки сонетов*.

Слабо реализован в белорусском, русском и английском языках образ малого количества собранного: бел. *нястача, недахоп, беднасць, неураджай, няурод*, рус. *нехватка, недостаток, скудность, неурожай*, англ. *deficiency (нехватка), penury (недостаток), scarcity (недостаточное количество)* [3].

Таким образом, анализ структуры полей неопределенно большого и неопределенно малого количества белорусского, русского и английского языков дает основание утверждать, что пути образования лексических знаков являются в основном сходными в исследуемых языках. Выделенные в полях неопределенно большого и малого количества семантические ряды русского, белорусского и английского языков со значением совокупности различаются по наполнению и количественному составу. Это объясняется структуральными различиями языков, а также экстралингвистическими факторами.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Категория количества в современных европейских языках / В.В. Акуленко, С.А. Швачко, Е.И. Букреева [и др.]; под общ. ред. В.В. Акуленко. – Киев, 1990. – 284 с.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 21. 12. 2014.
3. АBBYYLingvo x3 // АBBYYLingvo.Pro [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://lingvopro.abbyonline.com/ru>. – Дата доступа: 20. 12. 2014.

О. Г. Яблонская
преподаватель кафедры английского языка и МПИЯ
МГПУ им. И. П. Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь)

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ЗООНИМИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ

Существует несколько точек зрения относительно объёма фразеологии. Это объясняется тем, что разные авторы рассматривают понятие фразеологической единицы (ФЕ) с точки зрения семантического значения, структурного состава или эмоционально-экспрессивных характеристик данных единиц. Нами рассмотрены классификации, предложенные несколькими авторами, и произведен сравнительный структурно-семантический анализ ФЕ с зоонимическим компонентом в русском и английском языках.

Практический материал исследования, в котором присутствует зоонимический компонент, составил в русском языке 630 фразеологических единиц, в английском языке – 715 единиц. Отбор осуществлялся преимущественно из «Большого толково-фразеологического словаря русского языка Михельсона» [1] и «Фразеологического словаря русского языка» А.И. Молоткова [2], а также из «Англо-русского фразеологического словаря» А.В. Кунина [3]. В материал исследования мы включили также пословицы, поскольку они экспрессивны, оценочны, выражают наблюдения о человеке и о мире в иносказательной форме. Такой объём выборки позволил определить структурно-семантические особенности фразеологических единиц современного русского и английского языков.

Академик В.В. Виноградов предложил классифицировать фразеологизмы с точки зрения семантической слитности компонентов на три группы [4]: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания. Рассмотрим данную классификацию применительно к фразеологизмам с компонентами-зоонимами.

Фразеологические сращения – семантически неделимые обороты, общее значение которых вытекает из семантического взаимодействия их компонентов: *собаку съест на чем-то, в чем-то* (о том, кто является знатоком чего-либо, имеет богатый опыт в чем-либо); *bring one's hogs (или pigs) to a bad market* [приносить чьих-либо свиней на плохой рынок] – (потерпеть неудачу, просчитаться, провалить).

Фразеологические единства – фразеологизмы, общее значение которых вытекает из семантического взаимодействия компонентов. Подавляющее их большинство образовалось в результате метафорического переосмысления свободных словосочетаний: *серая мышь* (о тихом, незаметном человеке); *dark horse* [темная лошадь] (неизвестная лошадь на скачках), „тёмная лошадка” (*перен.* малоизвестная личность).

Фразеологические сочетания – воспроизводимые сочетания, состоящие из двух знаменательных слов, одно из которых имеет свободное, а другое – связанное значение. В составе фразеологического сочетания не все слова наделены одинаковой семантической полноценностью. Существуют фразеологические сочетания, в составе которых слово со связанным значением не соотносится с системой значений производящего слова: *буриданов осел* (о крайне нерешительном человеке, колеблющемся в выборе между двумя равноценными решениями); *козел отпущения* (о человеке, на которого постоянно сваливают ответственность за ошибки, проступки, грехи других); *milch cow* [молочная корова] („дойная корова”, неистощимый источник дохода); *dog-in-the-manger policy* [политика собаки в яслях] (как собака на сене, ни себе ни людям).

Проблема классификации фразеологических единиц в наше время остаётся одной из важнейших проблем современной фразеологии. Взгляды на проблему В.В. Виноградова вызывают критические замечания ряда учёных. Н.М. Шанский к трём типам фразеологических единиц добавил ещё один – фразеологические выражения [5].

Фразеологические выражения – устойчивые в своём составе и употреблении обороты, которые не только являются семантически членимыми, но и целиком состоят из слов со свободным значением. Например: *священная корова* (то, что высоко ценится, почитается); *волков бояться – в лес не ходить* (если страшиться предстоящих трудностей, то нечего и браться за дело); *a dog's death* [собачья смерть] (собачья смерть, позорная смерть); *a big fish in a small pond* [большая рыба в маленьком пруду] (большая рыба в маленьком пруду; местный туз, заправила).

Фразеологические выражения – это только обороты с буквальным значением компонентов. Включение образных пословиц в состав фразеологических выражений Н.М. Шанский считал нецелесообразным, так как в таком случае состав фразеологических выражений будет таким же разнородным, как и состав фразеологических единств.

А.И. Смирницкий различает фразеологические единицы и идиомы [6].

Фразеологические единицы – это обороты типа *железный конь* (велосипед); *cat o'nine tails* (тж. *cat-o'-nine-tails*) [кошка девяти хвостов] (плеть из девяти ремней, расходящихся на конце („кошка-девятихвостка”)).

Идиомы основаны на переносе значения, метафоре, ясно осознающейся говорящим. Их характерной чертой является яркая стилистическая окраска, отход от обычного нейтрального стиля. Например: *медвежья услуга* (неумелая, неловкая услуга, приносящая вместо помощи вред, неприятность), *cat-and-dog life* [кошка и собака жизнь] (живут) как кошка с собакой, вечные ссоры (обыкн. употр. с глаголом *to lead*)).

Фразеологические сращения, фразеологические сочетания и фразеологические единства в классификацию А.И. Смирницкого не вошли.

В структурном отношении А.И. Смирницкий делит фразеологизмы на одновершинные, двухвершинные и многовершинные в зависимости от числа знаменательных слов. Классификацию А.И. Смирницкого можно назвать эскизной, а также отметить, что она основана на стилистическом критерии.

Н.Н. Амосова выделила два типа фразеологических единиц: фраземы и идиомы [7], [8]. *Фразема* – это единица постоянного контекста, в котором указательный минимум, требуемый для актуализации значения семантически реализуемого слова, является единственно возможным, не варьируемым, то есть постоянным: *мартышкин труд* (бестолковый процесс работы, бесполезные усилия, напрасные старания); *beef tea* [говяжий чай] (крепкий мясной бульон). Второй компонент приведенных фразеологических единиц является обязательным для первого. Однако единичная сочетаемость слов во фраземах часто неустойчива и они легко переходят в переменные сочетания слов. *Идиомы*, в отличие от фразем, это единицы постоянного контекста, в которых указательный минимум и семантически реализуемый элемент составляют тождество, и оба представлены общим лексическим составом словосочетания. Идиомы характеризуются целостным значением: *стреляный воробей* (опытный бывалый, продувной человек); *it rains cats and dogs* [идет дождь кошками и собаками] (лёт, как из ведра, идёт проливной дождь).

Н.Н. Амосова выделяет *частично предикативные фразеологизмы* – обороты, в которых содержится грамматически ведущий член (антецедент) и зависящая от него предикативная единица. При этом такая структура выступает как присущее данному фразеологизму формальное свойство, а не результат каких-либо преобразований: *заживет как на собаке* (очень быстро, без особых осложнений); *follow like sheep* [следовать как овца] (слепо следовать за кем-л.).

Широко понимает объём фразеологии и С.Г. Гаврин, подходящий к фразеологической системе с точки зрения функционально–семантической компликативности (осложнённости) [9]. С.Г. Гаврин включает в состав фразеологии все устойчивые и переменнo-устойчивые сочетания слов, удовлетворяющие критериям «семантической компликативности». Аналогичного мнения придерживался и А.И. Кунин [10]. Он исходил из широкого понимания объёма фразеологии, объектом которой являются все устойчивые сочетания слов с осложнённым значением. По мнению А.В. Кунина, нижняя граница фразеологизма – двусложное образование. При этом один из компонентов может быть служебным словом. Например: *(быть) на коне* (чувствовать себя победителем); *a dead bird* [мертвая птица] (дело верное, верняк). Верхняя граница – сложное предложение. Фразеологизмами со структурой сложного предложения могут быть только пословицы: *рыба ищет, где глубже, а человек где лучше*; *dogs that put up many hares kill none* (собака, которая кидается за несколькими зайцами, ни одного не убьёт).

Образования, выходящие за пределы сложного предложения,

единицами языка не являются и поэтому не могут быть фразеологизмами. В данном исследовании мы придерживались именно этой точки зрения.

Согласно классификации А.В. Кунина [10, с. 26] фразеология состоит из трёх разделов: идиоматика, идиофразеоматика и фразеоматика.

1. К идиоматике причисляются фразеологические единицы, т. е. устойчивые сочетания лексем с полностью или частично переосмысленным значением, при условии высокого удельного веса коннотативного аспекта, т. е. его экспрессивно-оценочных, эмотивных, образных и других компонентов. В выборке доля идиоматических единиц русского/английского языка с зоонимами составила 70,95% и 58,7% соответственно от общего числа примеров, что обусловлено довольно высокой образностью фразеологизмов с зоонимами. Например: *конь еще не валялся* (ничего еще не сделано, до начала дела еще далеко); *зablудшая овца* (о человеке, оторвавшемся от своего круга, общества, семьи и т. п., сбившемся с правильного жизненного пути); *every dog is a lion at home* [каждая собака дома лев] (всяк кулик в своём болоте велик); *put the plough before the oxen* [поставить плуг перед быками] (начинать не с того конца; делать что-л. шиворот-навыворот).

2. К идиофразеоматике причисляются идиофразеоматические единицы, т. е. устойчивые словосочетания, у первых фразеоматических вариантов которых компоненты имеют буквальные, но осложнённые значения, а у вторых, идиоматических вариантов – полностью переосмысленные.

В выборке доля русских / английских идиофразеоматических единиц с зоонимами составила 7,15% / 5,6% соответственно от общего числа рассматриваемых фразеологических единиц. Например: *баранье стадо* (бессмысленные подражатели); *дойная корова* (о человеке, ведомстве, кого эксплуатируют, из кого извлекают всевозможную пользу); *the black dog* [черная собака] (плохое настроение, уныние, хандра, ипохондрия); *call off the dogs* [отвлекать собак] (сменить неприятную тему разговора).

3. К фразеоматике причисляются фразеоматические единицы, или единицы неидиоматического характера. Их доля в выборке составила 21,9% из числа русских фразеологизмов и 35,7% из числа английских фразеологизмов. В них не присутствует переосмысленное значение, а лишь имеется необразное его преобразование. Например: *железный конь* (велосипед); *как кошка с собакой* (враждую); *a dog's death* [собачья смерть] (собачья смерть, позорная смерть); *bull's eye* [бычий глаз] (яблоко мишени).

Данные сравнительного семантического анализа ФЕ с компонентами-зоонимами в русском и английском языках представлены в таблице 1.

Таблица 1. Семантический анализ фразеологических единиц с компонентами зоонимами в русском и английском языках

	Идиоматика	Идиофразеоматика	Фразеоматика
ФЕ			
с зоонимами	447 (70,95%)	45 (7,15%)	138 (21,9%)
рус. язык/ англ. язык	125 (58,7%)	12 (5,6%)	76 (35,7%)

Структурный анализ фразеологических единиц направлен на определение синтаксических конструкций, которые используются во фразеологизмах, и выявление параллелей в русском и английском языках. Обе системы ФЕ используют следующие типы синтаксических конструкций – словосочетание, простое предложение, сложносочинённое предложение, сложноподчинённое предложение.

МГПУ им. И.П.Шамякина

В словосочетаниях на русском языке выявлено 263 (41,7%) единицы с компонентом-зоонимом, на английском языке 448 (62,7%). Отличий в синтаксических структурах практически не наблюдается: *волчий закон* (беззаконие, основанное на грубом насилии); *газетная утка* (выдумка); *a dog in manger* [собака в яслях] = *собака на сене*; *barber's cat* [кот парикмахера] (болтун, трепло).

В простых предложениях на русском языке выявлены в ходе анализа 243 (38,6%) единицы с компонентом-зоонимом, на материале английского языка 125 (17,5%) единицы: *Одна паршивая овца все стадо портит* (один недобросовестный, безнравственный человек позорит весь коллектив); *Слона-то я и не приметил* (главное-то ускользнуло от внимания); *Every bird likes its own nest* [каждая птица любит своё гнездо] (всякая птица своё гнездо любит); *The bird is (или has) flown* [птичка улетела] (птичка улетела, его (её) и след простыл).

Из категории простого предложения особо можно выделить:

1) Конструкции с формой повелительного наклонения, например: *Не пугай сокола вороной* (о неуместном запугивании или стращении); *Don't look a gift horse in the mouth* [не смотри дареному коню в рот] (дареному коню не смотри в рот).

2) Конструкции с использованием инфинитива, например: *Гоняться (или гнаться, погнаться) за двумя зайцами* (стремиться выполнить одновременно два разных дела, достичь двух различных целей); *To live cat-and-dog life* [жить жизнью кошки и собаки] (жить как кошка с собакой (вечно ссориться)).

3) Конструкции в форме вопроса, риторического вопроса, например: *Какая муха укусила?* (спрашивают того, кто не в духе); *Can the leopard change his spots?* [Может леопард изменить свои пятна?] (Разве может леопард избавиться от пятен?).

В сложносочинённых предложениях на русском языке выявлено 48 исследуемых единиц (7,6%), в предложениях на английском языке – 8 (1,1%): *Видит (слышит) собака молоко, да рыло коротко / да в кувшине глубоко* (и хотелось бы иметь что-либо, да оно не доступно); *И волки сыты и овцы целы* (обе стороны удовлетворены, всем хорошо); *The dogs bark, but the caravan goes on* [собака лает, но караван продолжает идти] (собака лает – ветер носит); *Strain at a gnat and swallow a camel* [отцеживать комара и проглотить верблюда] (отцеживать комара и проглотить верблюда; обращать внимание на мелочи, а не на главное).

Анализ сложноподчинённых предложений позволил выявить 20 единиц с зоонимами (3,2%) (русский язык) и 38 единиц (5,3%) (английский язык): *Куда конь с копытом, туда и рак с клешней* (о том, кто пытается сравняться в каком-нибудь деле с тем, кто умнее (важнее, сильнее)); *Как волка ни корми, он все в лес глядит* (ненадежен, не прочен (на месте)); *Don't count your chickens before they are hatched* [не считай своих цыплят, пока их не высидели] (цыплят по осени считают); *Catch the bear before you sell his skin* [поймай медведя до того, как продавать его шкуру] (не убив медведя, шкуры не продавай).

В категории сложноподчинённых предложений можно выделить

следующие основные конструкции:

1) Предложения с условными придаточными конструкциями, например: 'За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь'; *If you run after two hares, you will catch neither* (если ты побежишь за двумя зайцами, то не поймаешь ни одного).

2) Предложения с подчиненными конструкциями, содержащими обстоятельства места и времени, например: *He суйся в волки, когда хвост телкин* (не берись за дело, на которое ты не способен); *When the cat is away, the mice will play* [когда кота нет, мыши играют] (когда кота нет поблизости, мыши резвятся).

3) Конструкции, содержащие придаточные предложения с функцией прямого дополнения к глаголу в главном предложении, например: *Ждать, чтоб жареные голуби в рот летали*; *The old cow thinks she was never a calf* [старая корова думает, что она никогда не была теленком] (старой корове кажется, что она и теленком не была).

Для английского языка также характерны предложения с подчиненными конструкциями, вводимыми относительными местоимениями, например: *He, who hunts two hares leaves one and loses another* (тот, кто охотится за двумя зайцами, оставляет одного и теряет другого; за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь); *It is an ill bird that fouls its own nest* (плоха та птица, которая пачкает собственное гнездо).

Следующая анализируемая группа – сравнительные обороты (19 единиц с зоонимами (3%) в русском языке и 96 единиц с зоонимами (13,4%) в английском языке) представлена на материале исследования следующими синтаксическими конструкциями:

1) Конструкции с союзными словами *как, словно, какой ... такой, as...as, so...as, like*, например: *идет, как корове седло* (совершенно не идет); *точно сорока на колу вертеться* (не сидеть спокойно); *packed like herrings (in a barrel)* (переполненный как сельди в бочке – как сельди в бочке; битком набитый); *as busy as a bee* (трудолюбивый, как пчела); *the lion is not so fierce as he is painted* (лев не так свиреп, как его рисуют; не так страшен чёрт, как его малюют).

2) Конструкции с союзными словами *лучше... чем, better...than*, например: *Лучше маленькая рыбка, чем большой таракан* (лучше немного полезного, чем много, но никому не нужного, бесполезного); *Better an egg today than a hen to-morrow* (лучше яйцо сегодня, чем курица завтра).

Английская конструкция со сравнительными оборотами (СО) в русском варианте в некоторых случаях имеет форму простого предложения (ПП), например: *As mad as a March hare* [бешеный как мартовский заяц] (СО) – *Ошалел как заяц в марте* (ПП).

Конструкция сложного бессоюзного предложения представлена только в русском языке: *Ранняя птичка носок прочищает (наевшись), поздняя глаза продирает; Собака лает, ветер носит*.

При рассмотрении одного и того же фразеологизма в русской версии чаще употребляется либо простое предложение с однородными членами,

либо сложное бессоюзное (СБ). Например: *When cat is away, the mice will play* [Когда кота нет, мыши играют] (СПП) – *Без кота мышам раздолье* (ПП); *If the sky falls, we shall catch larks* [Если небо упадет, мы поймем жаворонков] (СПП) – *Если бы да кабы, во рту выросли грибы* (СБ).

То же можно сказать и о конструкции сложносочиненного предложения, где также наблюдается расхождение при определении одних и тех же фразеологических единиц (в пределах отобранного нами количества), например: *Cats hide their claws* [Коты прячут свои когти] (ПП) – *Гладко стелет, да жестко спатъ* (ССП).

Данные сравнительного анализа синтаксических конструкций фразеологизмов с компонентами зоонимами в двух языках представлены в таблице 2 в порядке убывания.

Таблица 2. Структурный анализ фразеологических единиц с компонентами-зоонимами в русском и английском языках

ФЕ с зоонимами русского языка		ФЕ с зоонимами английского языка	
1. Словосочетание	263 (41,7%)	1. Словосочетание	448 (62,7%)
2. Простое предложение	243 (38,6%)	2. Простое предложение	125 (17,5%)
3. Сложносочиненное предложение	48 (7,6%)	3. Сравнительный оборот	96 (13,4%)
4. Бессоюзное предложение	37 (5,9%)	4. Сложноподчиненное предложение	38 (5,3%)
5. Сложноподчиненное предложение	20 (3,2%)	5. Сложносочиненное предложение	8 (1,1%)
6. Сравнительный оборот	19 (3%)		

Таким образом, мы можем сделать вывод, что ФЕ русского и английского языков имеют схожие черты по семантической структуре и синтаксическим конструкциям. Подавляющее большинство рассматриваемых фразеологических единиц (как в русском, так и в английском языках) относится к идиоматике, затем следуют фразеоматические выражения, и небольшое количество единиц составляет группу идеофразеоматических единиц. Такое соотношение рассматриваемых фразеологизмов в двух языках говорит о схожести восприятия, осмысления и отражения разными народами окружающей действительности посредством языка. Носители русского и английского языков стремятся образно охарактеризовать свою деятельность, живо и ярко описать окружающий их мир.

Анализ синтаксических конструкций с фразеологизмами показал, что в русском и английском языках активно используются словосочетание и

простое предложение для описания предметов живой природы. Они также употребляются в речи для характеристики человека и его деятельности. Конструкции сравнительного оборота и сложноподчиненного предложения в английских фразеологизмах встречаются чаще, чем в русских, в то время как сложносочиненное предложение в русских фразеологизмах используется значительно чаще, чем в английских. Кроме того, в русском языке используется конструкция сложного бессоюзного предложения. Следует добавить, что использование риторического вопроса более характерно для английской фразеологии. Таким образом, можно сделать вывод, что различия в выборе синтаксических структур зависят как от ментальности этноса, так и от строя языка (аналитический у английского, синтетический у русского).

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Михельсон, М.И. Большой толково-фразеологический словарь русского языка Михельсона [Электронный ресурс] / М.И.Михельсон. – ETS Publishing house, 2004. – 2208 с. (CD-ROM)
2. Молотков, А.И. Фразеологический словарь русского языка / А.И. Молотков. – М. : "Русский язык", 1986. – 544 с.
3. Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин. Около 20 тыс. фразеологических единиц. Изд -е. 4-е, перераб. и доп. – М.: «Русский язык», 1984. – 944 с.
4. Виноградов, В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В.В.Виноградов // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. – Л.: Наука, 1946. – 78 с.
5. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1985. – 192 с.
6. Смирницкий, А.И. Лексикология английского языка / А.И. Смирницкий. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. – 309 с.
7. Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии / Н.Н. Амосова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. – 208 с.
8. Амосова, Н.Н. Фраземы как разновидность фразеологических единиц английского языка / Н.Н.Амосова // Проблемы фразеологии: исследования и материалы: под ред. А.М. Бабкина. – Л.: Наука, 1964. – 139 с.
9. Гаврин, С.Г. Фразеология современного русского языка / С.Г. Гаврин. – Пермь: Пермск. гос. пед.ин-т, 1974. – 146 с.
10. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. – Изд 2., перераб., М.: Высш. шк., 1996. – 381 с.

РАЗДЕЛ II

ЯЗЫК И ДИСКУРС: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н. С. Кот

преподаватель кафедры немецкого языка и МПИЯ
МГПУ им. И. П. Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь)

ПЕРЕДАЧА НА РУССКИЙ ЯЗЫК ОККАЗИОНАЛЬНЫХ МОДИФИКАЦИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В НЕМЕЦКИХ ТЕКСТАХ

К предмету фразеологии, представляющей собой отдельный раздел лексикологии, относится изучение происхождения, функционирования и значения устойчивых словосочетаний. В настоящее время наблюдается тенденция к выделению фразеологии в самостоятельную лингвистическую дисциплину. В европейских языках среди источников фразеологических единиц особое место занимает Библия. Этот факт позволяет говорить об отдельном пласте устойчивых единиц в составе всей фразеологии того или иного языкового образования, отличающихся яркой выразительностью, образностью и эмоциональностью и образующих строгую микросистему, определяемую как библейская фразеология.

В переводах Библии на другие, в том числе и европейские, языки отражается национальная культура народов, языковые нормы и реалии. Этот неповторимый благодатный материал нашел свое отражение во фразеологии разных языков. Фразеологизмы библейского происхождения, или библейские фразеологические единицы (БФЕ), успешно функционируют в речи в силу своей яркой образности, выразительности и афористичности. Большинство БФЕ представляют собой национальные образования, возникшие на базе отдельного языка с привлечением одного общего источника [1].

Под *библейской фразеологической единицей* в данной статье понимается устойчивое сочетание слов, созданное на основе библейских прототипов, и соотносимое по своей структуре как со словосочетанием (номинативная единица), так и с предложением (предикативная единица). В свою очередь, с понятием *библейского прототипа* связывается тот отрезок библейского текста, на основе которого образуется соответствующий фразеологизм [2].

В речи БФЕ употребляются и как окказионализмы, что является эффективным средством прагматического воздействия на адресата, а также одним из видов перспективного развития и обогащения не только самих БФЕ, но и всей фразеологической системы в целом. В зависимости от интенций говорящего одна и та же БФЕ может быть использована с различными оценками и оттенками значения, которые необходимо учитывать для адекватной передачи смысла высказывания при переводе

современных немецких текстов на русский язык. На основе примеров, отобранных из современных немецкоязычных текстов в открытом доступе сети Интернет, рассмотрим особенности передачи на русский язык окказиональных модификаций фразеологизмов библейского происхождения.

Статья М. Хельда „*Alles zu seiner Zeit und an seinem Ort. Überlegungen zu einer anderen Zeitkultur*“ затрагивает весьма актуальный вопрос современного общества, касающийся феномена времени. Заголовком данной статьи стал библейский афоризм, автором которого является непревзойденный в мудрости библейский царь Соломон: „*Alles zu seiner Zeit und an seinem Ort*“. Его русский эквивалент достаточно узуален: «*Всему свое время и место*». В тексте данная БФЕ подвергается окказиональной модификации, приобретая противоположное значение: „*Alles zu jeder Zeit und überall*“.

При переводе подобного рода авторские фраземы представляют собой определенную сложность в связи с тем, что, наряду с адекватной передачей смысла, необходимо сохранить такую форму устойчивой единицы, которая была бы максимально приближена к исходной, немодифицированной единице, и отсылала бы к ней адресата сообщения.

Для адекватной передачи рассматриваемой авторской БФЕ следует прибегнуть к логическому развитию контекста, при этом узнаваемость модифицируемой ФЕ обеспечивается тем фактором, что обе фраземы употреблены в рамках одного и того же синтаксического целого. В этой связи вариант перевода может быть следующим: *Gemeinsam ermöglichen sie den Abschied von der biblischen Maxime "Alles zu seiner Zeit und an seinem Ort". An deren Stelle tritt das Motto: "Alles zu jeder Zeit und überall"; und dies sofort und möglichst beliebig oft [3]* (Благодаря им, вместе взятым, можно распрощаться с библейской максимой «*Всему свое время и место*». На смену ей приходит девиз: «*Все всегда и везде*»; причем сразу и сколь угодно часто).

Авторский вариант БФЕ зафиксирован также в интервью с главным режиссёром театра Альтенбург-Гера М.Ольдагом. Афоризм, произнесенный Христом в нагорной проповеди, „*wer sucht, der findet*“, будучи модифицированным, приобретает противоположный смысл: „*Nur wer sucht, findet nichts*“. Эквивалентом исходной БФЕ в русском языке является «*Ищите и обряцете / найдете*». Несмотря на то, что библейский контекст, ставший источником обоих фразеологизмов один и тот же: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят» (Евангелие от Матфея 7, 7–8), их форма нетождественна. В таком случае за эквивалент следует принять цитату, легшую в основу немецкой БФЕ: «ищущий находит» для достижения эквивалентности синтаксических структур в обоих языках, что позволяет при пословном переводе рассматриваемого окказионального афоризма достичь смысловой адекватности: „*Wer weiß? Panta rhei – alles fließt. Oder wie die Schriftstellerin*

Angela Krauß mal zu mir gesagt hat: „Nur wer sucht, findet nichts“ (Как дальше пойдет? *Panta rhei* – всё течет. Или, как однажды сказала мне писательница Ангела Краус, «Лишь ищущий ничего не находит»).

Рассмотрим ряд окказиональных модификаций библеизма *babylonische Sprachverwirrung / babylonisches Sprachengewirr* со значением 'множество языков, звучащих в одном месте, чаще в большом городе'. В процессе коммуникации может быть произведена замена первого компонента сложного слова: **Ein babylonisches Geldgewirr**, von dem nur wenige profitierten: Kaufleute, die sich auskannten, konnten Geld sparen oder - als Geldwechsler – viel verdienen [4] (Вавилонское смешение *денег*, от которого мало кто выиграл: нерастерявшиеся коммерсанты смогли поднакопить средств или же заработать на обменных операциях).

Кроме того, заменяться может также и определяемый компонент, выраженный существительным: Die spezifische Erfahrung von zwei Dutzend Ländern, multipliziert mit einem Dutzend Einzelaspekten, multipliziert mit der Zahl der Forschungsansätze und terminologischen Schulen ergibt **ein babylonisches Durcheinander** [4] (Особый опыт, который имеют два десятка стран, умноженный на десяток отдельных аспектов, умноженных на число исследовательских подходов и терминологических школ, равен **вавилонской неразберихе**).

При переводе окказиональных вариантов БФЕ для передачи коммуникативной значимости и прагматического эффекта структурно-семантических изменений исходной БФЕ можно также использовать прямой перевод или ситуативную и трансформационно-семантическую модели перевода по Комиссарову [5]:

1) Was mit drei wichtigen Oscars honoriert wurde: Adrien Brody wurde als bester Schauspieler ausgezeichnet, Ronald Harwood für das beste adaptierte Drehbuch – und Polanski, *Hollywoods* verlorener Sohn, bekam in Abwesenheit den Regie-Oscar [4] (Трех самых важных Оскаров были удостоены: Адриэн Броуди как лучший актер, Рональд Харвуд за лучший адаптированный сценарий, а также Полански, блудный сын *Голливуда*, получивший Оскара в свое отсутствие за лучшую режиссуру).

2) *Manchen fällt es wie Schuppen von den Augen*. Den meisten jedoch rieseln sie nur aus den Haaren. Lästig und für viele peinlich: *Kopfschuppen!* [4] (У многих чешуя спадает с глаз. У многих тем не менее она осыпается только с волос. Она мешает и приносит неприятности – это *чешуйки перхоти*).

Несмотря на структурно-семантическую завершенность предикативных БФЕ, они, будучи включаемы в структуру конкретного текста, могут так же, как и номинативные, подвергаться определенным авторским изменениям и преобразованиям. При переводе такого рода модификаций можно использовать смысловое развитие, а также прием пословного перевода. При этом следует учитывать аспект узнаваемости исходного фразеологизма:

1) **Der Mensch denkt sich seinen Weg, aber Gott lenkt seinen Schritt** [6]. (Человек предполагает, что встретит на своем пути, но Бог располагает, как ему идти).

2) Jemand sagte mir neulich, er träfe nicht mehr solche gute alte Männer an, wie wir in unsrer Jugend zu kennen pflegten, und ich sagte ihm, die Männer wären eben so gut, aber wir wären jetzt unter ihnen und hätten deshalb weniger von der abergläubischen Ehrfurcht unsrer Jugend, und fügte hinzu, daß ich selber erstaunt sei, sie so gut zu finden, wie sie sind, nun wir sie so viel näher und so viel kühner anblicken. **Kein Prophet gilt etwas in seinem Vaterlande oder unter den Menschen seines eignen Zeitalters** [7] (Недавно кто-то сказал мне, что ему больше не встречаются такие добрые пожилые мужчины, каких мы обычно знавали в пору нашей юности, и я сказал ему, что эти мужчины были бы такими же добрыми, но теперь бы мы находились среди них, и у нас осталось бы поэтому меньше от их суеверного благоговения перед нашей юностью, и добавил: я сам бы удивился, найдя их такими же добрыми, каковые они есть, теперь мы рассматриваем их поближе и намного смелее. **Нет пророка в своем отечестве или среди людей его времени**).

Рассмотренные выше примеры окказиональных модификаций БФЕ в немецкоязычных текстах дают основание утверждать, что в процессе языкового функционирования может происходить преобразование фразеологизма в соответствии с нуждами конкретного речевого акта. Для адекватной передачи окказионально модифицированных БФЕ при переводе следует определить их структурные отличия от исходной ФЕ, степень возникших при этом изменений в семантике, потенциальные оценочные коннотации, стилистику и прагматику контекста, в рамках которого употребляется данная единица. Выбор переводческих приемов должен быть при этом направлен на максимальное воссоздание прагматического воздействия фразеологического варианта на адресата, при этом безусловную важность имеет также обеспечение узнаваемости базового фразеологизма.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Латышев, Л.К. Трудности перевода: учеб. пособие / Л.К. Латышев. – М.: Высш. шк. – 2000. – 178 с.

2. Прокофьева, Е.В. Библийские фразеологизмы и их контекстная реализация / Е.В. Прокофьева // Полилог; редкол.: Ф. Г. Богушевич [и др.]. – Минск, 1998. – Вып. 1. С. 55–58.

3. Hartz, Th. Allgemeine Wirkungen / Th. Hartz // Spiegel Online. – 2005. – Mode of access: <http://gutenberg.spiegel.de/hoffmanh/salzloch/salzlo5.htm>. – Date of access: 07.11.2005.

4. Bergau, G. Der Stein des Anstoßes in Davids Schleuder gegen den Riesen – Goliath / G. Bergau; Niederzier – Oberzier, 2003. – Mode of access: http://www.abekra.de/Neue%20Buecher%20zum%20Thema/Besprechungen_Teil%20I/berga u.pdf. – Date of access: 20.10.2005.

5. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В.Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк. – 1990. – 296 с.

6. Mpilo Tutu, D. Verlasst uns nicht. Gedanken zum Thema / D. Mpilo Tutu; Kompakt – 2000. – Mode of access: http://www.emw-d.de/fix/files/04-2005_kompakt.pdf. – Date of access: 20.10.2005.

7. Zahrnt, H. Ein Kräutlein, das duftet – die Bibel / H. Zahrnt Vortrag im Haus am Dom zur Eröffnung zur Bibelausstellung im Dom zu Minden am 6. März 2003 zum Jahr der Bibel; Theologie, Ideenbörse – Minden, 2005. – Mode of access: <http://www.kirchenkreis-minden.de/50336996290ead92f/50336996290eb2732/50336995110f5b807/>. – Date of access: 07.11.2005.

С. Б. Кураш

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка,
МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, Республика Беларусь

**СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ "МЕТАФОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ"
И ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ МИНИМАЛЬНОГО
КОНТЕКСТА МЕТАФОРЫ
(аналитический обзор)**

Один из основных путей изучения художественной метафоры – анализ языковых контекстов, в которых данный троп получает своё выражение.

Метафорический контекст может пониматься как традиционно (начиная от минимальных синтаксических конструкций, способных реализовать метафору, до целого поэтического текста), так и в расширенном значении, когда то или иное стилистическое явление, в частности метафора, исследуется в пределах таких контекстов, как идиостиль, совокупность идиостилей (например, принадлежащих к одному литературному направлению, жанру), наконец, целая литературная эпоха, национальный стиль, интертекст.

К настоящему времени имеется множество исследований метафоры со стороны контекстно оформляющих её языковых единиц – словосочетаний, предложений, сложных синтаксических целых, текстов и пр.

Наиболее детально изучены минимально протяжённые метафорические контексты – бинарные метафорические словосочетания, выступавшие предметом исследования в работах Н.А. Басилая [4], А.В. Бельского [5], А.С. Галстян [6], А.И. Лашкевича [12], Ю.И. Левина [13; 14], Ю.Л. Лясоты [15], В.И. Одиноквой [18], Р.А. Орловой [19], Л.Е. Пустовит [23], Л.Н. Рынькова [24], Л.Ф. Тарасова [28], Хоанга Лая [32], И.В. Шенько [35] и др.

В связи с изучением метафорических словосочетаний в работах ряда исследователей прежде всего был поставлен вопрос о минимальной языковой единице, способной выступать в качестве контекста метафоры.

Большинством названных учёных разделяется мысль, что как о минимальных метафорах можно говорить лишь в отношении двучленных (как минимум) конструкций – метафорических бинармах (Н.А. Басилая, Ю.Л. Лясота, Л.Е. Пустовит, Л.Н. Рыньков, С.А. Фридрих, Хоанг Лай). Отношения между компонентами подобных метафорических бинарм при этом характеризуются как метафоризируемые и метафоризирующие, т.е. один компонент является собственно метафоричным, метафоризируется, другой его метафоризирует (Н.А. Басилая, Л.Е. Пустовит, Хоанг Лай).

К минимальным метафорическим контекстам применялись различные терминологические определения. Например, Ю.Л. Лясота оперирует термином "метафорическая группа" [15]. М. Блэк для обозначения слова, обнаруживающего отклонение от прямого употребления, применяет термин "фокус", а весь контекст метафоры он называет термином "рамка" ("фрейм"), в который, помимо "фокуса", входят слова, выявляющие метафорический сдвиг [37, с. 39–40]. Так, например, в метафорическом словосочетании *лунный* *лук* метафоризируемым является слово *лунный*, метафоризирующим ("фокусом" в терминологии М. Блэка) – слово *лук*.

Заметим, что в специальной литературе нередко можно встретить и термин "однословная (одночленная) метафора" (К.А. Долинин и И.В. Шенько [7], Ю.И. Левин [13], Е.Г. Петрова [20; 21]), В.П. Москвин [16]. Речь здесь идёт не о контексте тропа, равном одному слову, что в принципе невозможно [31, с. 20], а об одночленности в смысловом плане (*весёлый ветер*, *шёпот лесов*). Однако правомерность применения данного термина наряду с понятием двучленных и многочленных метафор, как это принято в работах названных авторов, представляется спорной, так как в любом случае это лишь один из подвидов смысловых отношений между метафоризируемым и метафоризирующим элементами в бинарных (как минимум) метафорических конструкциях.

В специальных исследованиях встречаются различные классификации метафорических словосочетаний, в основу которых кладутся те или иные характеристики составляющих их компонентов и / или взаимоотношения между ними.

Так, с точки зрения принадлежности компонентов метафор к тем или иным семантическим полям известны классификации метафор по сферам семантического переноса (А.С. Галстян [6], Л.Н. Рыньков [24], Г.Н. Складневская [26], С. Ульман [29]), например, конкретное – абстрактное, живое – неживое, синестетические переносы и т. д. Детально анализировались и переносы в отдельных сферах, например, в сфере форм человеческой практики – в работе Т.Ф. Кияненко [8] и др.

С грамматической точки зрения, т.е. относительно способов частеречного выражения метафоризируемого и метафоризирующего элементов, метафорические словосочетания изучались в работах Ю.Л. Лясоты [15], Л.Е. Пустовит [23], Л.Н. Рынькова [24], Е.Т. Черкасовой [33] и др.

Исследования метафорических бинарм в данном аспекте предпринимались и в рамках конкретных их классов: генитивных метафор (А.В. Бельский [5], Н.А. Кожевникова [9], А.И. Лашкевич [12], В.В. Образцова [17] и др.), атрибутивных метафор (Ф.С. Шакирова [34]), субстантивных метафор (Р.А. Орлова [19], Т.А. Фёдорова [30]). Различные классы метафорических бинарм исследовались и со стороны семасиологических отношений между их компонентами (Н.А. Базилая [4], В.И. Одинокова [18] и др.).

Ряд исследований выполнен на стыке грамматического и семантического подходов к метафоризации (см., например, работы В.Д. Старичёнка [27], О.Ю. Шиманской [36], Т.В. Рябовой [25] и др.).

Известна также логико-синтаксическая классификация метафор, предложенная Н.Д. Арутюновой [1; 2; 3]. В рамках этой классификации метафоры делятся на идентифицирующие (выполняют функцию номинации предмета речи, соответствуют теме) и предикативные (выполняют функцию предикации, соответствуют реме). На материале поэтической речи такие типы метафор исследовались также О.В. Платоновой [22].

Особый интерес представляют те классификации, в которых разные типы метафор выделяются с учётом их свойств именно как компаративных тропов, фиксирующих уподобление двух объектов друг другу и/или – более широко – сталкивание двух семантически разных, подчас довольно далеко отстоящих друг от друга, понятийных областей, что и рождает в итоге необычный, неожиданный, яркий образ.

Так, Ю.И. Левин выделяет три типа метафор в зависимости от способа реализации ими "принципа сравнения", по которому строится любой компаративный троп: 1) метафоры-сравнения, в которых описываемый объект прямо сопоставляется с другим объектом (*колоннада роши*); 2) метафоры-загадки, в которых описываемый объект замещён другим объектом (*били копыта по клавишам мёрзлым*, где *мёрзлые клавиши* = булыжник; *ковёр зимы* = снег); 3) метафоры, приписывающие описываемому объекту свойства другого объекта (*ядовитый взгляд*, *жизнь сгорела*) [13, с. 293].

Метафоры (1) типа отличаются от метафор типа (2) и (3) тем, что в последних назван лишь какой-либо один из сопоставляемых объектов. Заметим, что типы (2) и (3) – это как раз те метафоры, которые иногда трактуются как одночленные или однословные.

Сходная классификация, построенная на более широких критериях, – характере отношений между прямым и переносным значением и некоторых условиях контекстной реализации метафор – предложена Л.Ф. Тарасовым [28], который выделил четыре типа тропов: 1) собственно метафора (*В огне облака. В дали рассыпаны хаты*), соответствует типу (3) метафор по классификации Ю.И. Левина; 2) метафора-сравнение (*вечерней зари окровавленный нож*), соответствует типу (1) у Ю.И. Левина; 3) метафора-перифраз (*колокол синий* = небо), соответствует типу метафор

(2) в классификации Ю.И.Левина; 4) метафора-символ (*Розу белую с чёрной жабою / Я хотел на земле повенчать*) (в классификации Ю.И. Левина отсутствует).

Как видно, обе классификации принципиально сходны¹. Обобщение представленного в них материала позволяет говорить о трёх типах метафор:

1) конструкции, в которых А-элемент не назван, а замещён метафорическим словом или перифразой (В). Этим конструкциям соответствуют типы метафор (2) у Ю.И. Левина и (3) у Л.Ф. Тарасова;

2) метафоры, представляющие собой «конструкции идентификации» [10], т.е. такие, в которых назван и А-элемент, и В-элемент уподобления, соответствующие формуле $A \text{ comp } B$. Им соответствуют типы (1) у Ю.И. Левина и (2) у Л.Ф. Тарасова;

3) конструкции, которые отражают предикацию свойств одного предмета (В) другому (А), соответствующие компонентному составу $A + B^{comp}$, где А – метафоризируемый элемент, B^{comp} – показатель метафорического осмысления А.

Последние два типа метафор выделяются в классификации Д. Бувро (данная классификация приведена в работе И.В. Шенько [35]), причём третий тип минимальных метафор получает дополнительное членение в зависимости от способов грамматического выражения элементов бинармы, в результате чего обнаруживаются подтипы метафор, выраженных: а) приложением; б) обращением (его функцию выполняет элемент В, относящийся к подразумеваемому или имеющемуся в контексте А); в) предикативной конструкцией, где А – подлежащее, а В входит в именную часть сказуемого; г) именным словосочетанием, в котором А – именное определение В.

В числе фундаментальных работ, опубликованных в последние годы, следует особо отметить монографию В.П. Москвина, в которой обобщается ряд подходов к классификации метафорических конструкций (при этом автор в ряде случаев следует за упомянутыми выше учёными и их терминологией), причём исследователем, с одной стороны, признаётся правомерность оперирования понятием «простая» («одночленная», «однословная») метафора, а с другой – утверждается, что микроконтекст метафоры предполагает наличие «ключевого слова», т.е. такого, «с помощью которого возможна расшифровка метафоры» [16, с. 138]. Т.е. опять же мы приходим к тому, что «однословная» метафора – это одновременно и факт возможный (обычно противопоставляемый метафоре «развёрнутой», «неоднословной», «сложной»), но и в то же время своего рода фантом, т.к. даже для микроконтекста требуется ещё как минимум одно слово, называемое В.П. Москвиным «ключевым».

¹ Вызывает возражение причисление к метафорическим тропам последнего из выделяемых Л.Ф. Тарасовым типов метафор. На наш взгляд, здесь мы имеем дело с классическим символом.

Таким образом, можно говорить о двух основных сложившихся к настоящему времени в лингвистике подходах к трактовке метафоры в её минимальной протяжённости: 1) минимальная метафора – это метафоризируемое (т. е. меняющее своё исходное значение на переносное) слово в окружении неметафоричных слов; 2) минимальная метафора – это как минимум бинарное словосочетание, в котором так или иначе отражается когнитивная ситуация взаимодействия двух понятийных областей, и эту ситуацию отражает вся конструкция в целом. Первый из этих подходов является основой для лексикологического (семасиологического) и лексико-грамматического исследования метафоры; второй более продуктивен при изучении метафоры как тропа, как контекста, который способен разрастаться до охвата объёма всего текста и даже выходить в интертекстовое пространство [11].

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Арутюнова, Н.Д. Синтаксические функции метафоры / Н.Д. Арутюнова // Изв. Акад. наук СССР. Отд. лит. и яз. – 1978. – Т. 37. – № 3. – С. 251–262.
2. Арутюнова, Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры / Н.Д. Арутюнова // Изв. Акад. наук СССР. Сер. лит. и яз. – 1978. – Т. 37. – № 4. – С. 333–343.
3. Арутюнова, Н.Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) / Н.Д. Арутюнова // Лингвистика и поэтика; отв. ред. В.П. Григорьев. – М.: Наука, 1979. – С. 147–174.
4. Басилая, Н.А. Семасиологический анализ бинарных метафорических словосочетаний / Н.А. Басилая. – Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1971. – 78 с.
5. Бельский, А.В. Метафорическое употребление существительных (к вопросу о генитивных конструкциях) // Экспериментальная фонетика и психология речи. Уч. зап. 1-го МГПИИЯ. – Т. 8. – М.: Изд-во МГУ, 1954. – С. 279–298.
6. Галстян, А.С. Психолингвистический анализ процесса метафоризации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19; Ин-т языкозн. Акад. наук АрмССР / А.С. Галстян. – Ереван, 1985. – 19 с.
7. Долинин, К.А. Индивидуальная образность / К.А. Долинин, И.В. Шенько // Долинин К.А. Стилистика французского языка: учеб. пособие. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1987. – Гл. IV. – С. 129–146.
8. Кияненко, Т.Ф. О некоторых принципах классификации метафор (на материале французского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 664; Ленингр. гос. пед. ин-т / Т.Ф. Кияненко. – Л., 1969. – 18 с.
9. Кожевникова, Н.А. Тропы и грамматические структуры / Н.А. Кожевникова // Очерки истории языка русской поэзии XX века: Грамматические категории. Синтаксис текста. – М.: Наука, 1993. – С. 172–203.
10. Косогова, Л.И. Развёрнутая метафора как средство усиления речевого воздействия в английской буржуазной пропаганде / Л.И. Косогова // Вестник МГУ. Сер. 10, Журналистика. – № 6. – 1984. – С. 66–75.
11. Кураш, С.Б. Метафора и её пределы: микроконтекст – текст – интертекст: монография / С.Б. Кураш. – Мозырь: МозГПИ, 2001. – 118 с.
12. Лашкевич, А.И. Генитивные конструкции со значением метафорического количества в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01; Бел. гос. ун-т / А.И. Лашкевич. – Минск, 1976. – 21 с.
13. Левин, Ю.И. Структура русской метафоры / Ю.И. Левин // Труды по знаковым системам. Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. – Т. 2. – Вып. 181. – Тарту, 1965. – С. 293–299.

14. Левин, Ю.И. Русская метафора: синтез, семантика, трансформация / Ю.И. Левин // Труды по знаковым системам. Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. – Т. 4. – Вып. 236. – Тарту, 1969. – С. 290–305.
15. Лясота, Ю.Л. Понятие о контекстуальной (метафорической) группе / Ю.Л. Лясота // Уч. зап. Дальневосточного гос. ун-та. – Вып. 5. Сер. филол. – Владивосток, 1962. – С. 93–98.
16. Москвин, В.П. Русская метафора. Очерк семиотической теории. – 2-е изд., перераб. и доп. / В.П. Москвин. – М.: ЛЕНАНД, 2006. – 184 с.
17. Образцова, В.В. Генитивная метафора в поэзии / В.В. Образцова // Проблемы экспрессивной стилистики: Сборник. Вып. 2. Отв. ред. Т.Г. Хазагеров. – Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1992. – С. 98–103.
18. Одинокова, В.И. Семантическая структура слова в связи с комбинаторикой компонентов бинарной метафорической модели $N_1 + de + N_2$ / В.И. Одинокова // Вестник Харьковского ун-та. Лингвистические и дидактические аспекты исследования германских и романских языков. – 1986. – № 290. – С. 68–71.
19. Орлова, Р.А. Субстантивные синтаксически нечленимые словосочетания метафорического характера / Р.А. Орлова // Вопросы синтаксиса и лексики современного русского языка: сб. трудов; редколл.: проф. Л.Ю. Максимов (отв. ред.) [и др.]. – М.: Изд-во МГПИ им. В.И. Ленина, 1973. – С. 148–167.
20. Петрова, Е.Г. Опыт выделения некоторых структурных типов развёрнутой метафоры / Е.Г. Петрова // Иностранные языки в вузах Узбекистана: сб. науч. тр. / Ташк. гос. ун-т. – № 566. – Ташкент, 1978. – С. 80–87.
21. Петрова, Е.Г. Языковая природа стилистического приёма "развёрнутая метафора" и её роль в создании целостности художественного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. / Е.Г. Петрова. – М., 1982. – 25 с.
22. Платонова, О.В. Референциальный аспект метафорической номинации (на материале поэтического языка XX века): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01; Моск. гос. ун-т / О.В. Платонова. – М., 1992. – 24 с.
23. Пустовит, Л.Е. Лексико-семантическая структура метафоры (на материале украинской советской поэзии): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02; Акад. наук УССР, Ин-т языковед. / Л.Е. Пустовит. – Киев, 1979. – 26 с.
24. Рыньков, Л.Н. Именные метафорические словосочетания в языке художественной литературы XIX в. (Послепушкинский период): монография / Л.Н. Рыньков. – Челябинск: Юж. - Уральск. кн. изд-во, 1975. – 182 с.
25. Рябова, Т.Н. Вторичные качественные номинации в русском и белорусском языках: типология, функционирование: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Т.Н. Рябова. – Минск, 2013. – 270 л.
26. Складневская, Г.Н. Языковая метафора как объект лексикологии и лексикографии: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01; Акад. наук СССР, Ленингр. отд-ние ин-та языковед. / Г.Н. Складневская. – Л., 1989. – 37 с.
27. Старычонок, В. Д. Метафара ў беларускай мове: на матэрыяле субстантываў / В. Д. Старычонок. – Мінск: БДПУ, 2007. – 190 с.
28. Тарасов, Л.Ф. К вопросу о лингвистической природе метафоры / Л.Ф. Тарасов // Рус. язык в школе. – 1980. – № 4. – С. 64–67.
29. Ульман, С. Семантические универсалии / С. Ульман // Новое в лингвистике. – Вып. 5. Языковые универсалии. – М.: Прогресс, 1970. – С. 250–299.
30. Фёдорова, Т.А. Семантический анализ субстантивной метафоры (на материале прозы XX века): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01; Ун-т дружбы народов / Т.А. Фёдорова. – М., 1985. – 16 с.

31. Фридрих, С.А. Метафора в системе тропов (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 663; Калинин. гос. ун-т. – Калинин, 1971. – 24 с.
32. Хоанг Лай. Лингвистическая природа бинарных метафорических словосочетаний: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01; Ленингр. гос. ун-т / Хоанг Лай. – Л., 1977. – 24 с.
33. Черкасова, Е.Т. О метафорическом употреблении слов (по материалам произведений Л. Леонова и М. Шолохова) / Е.Т. Черкасова // Исследования по языку советских писателей: сборник статей. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 5–89.
34. Шакирова, Ф.С. Сочетаемость прилагательных и существительных как основа метафоры: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. / Ф.С. Шакирова. – М., 1974. – 26 с.
35. Шенько, И.В. К вопросу об отношениях между компаративными тропами (сравнением и метафорой) / И.В. Шенько // Стилистика романо-германских языков (материалы семинара). Уч. зап. ЛГПИ. – Т. 491. – Л., 1972. – С. 151–165.
36. Шыманская, В. Ю. Метафарычная рэпрэзентацыя псіхалагічнай сферы чалавека ў беларускай і англійскай мовах (на матэрыяле субстантываў): аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук: 10.02.20; ГрДУ імя Я. Купалы / В. Ю. Шыманская. – Гродна, 2009. – 21 с.
37. Black, M. Models and Metaphors: Studies in Language and Philosophy / M. Black. – Ithaca; New York.: Cornell UP, 1962. – 162 p.

І. М. Мацвеенка

выкладчык кафедры замежных моў
МДПУ ім. І. П. Шамякіна (г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь)

АКТУАЛІЗАТАР: ЯГО СТРУКТУРА І РОЛЯ Ў СЕМАНТЫЗАЦЫІ ІНДЫВІДУАЛЬНА-АЎТАРСКІХ НЕАЛАГІЗМАЎ

З’яўленне новых слоў у паэзіі абумоўлена прагматычнымі патрабаваннямі: паэт выбірае з багатага лексічнага матэрыялу тое, што найбольш ярка, змястоўна і выразна перадае яго думкі і пачуцці. Калі такога слова няма, аўтар змяняе вядомае слова ці ўтварае новае. Новаўтварэнне дапамагае ажыццявіць пэўныя камунікатыўныя намеры: дакладна перадаць думку (узуючы слова можа быць недастаткова), скараціць словазлучэнне ці сказ, падкрэсліць свае адносіны да прадмета гаворкі, даць яму сваю ацэнку, характарыстыку, прыцягнуць увагу чытача, пазбегнуць паўтору, выразіць складаны вобраз, забяспечыць рыфму. Даволі часта ўзнікненне неалагізма вызываецца не адной, а некалькімі прычынамі.

«Прадуктам» словатворчасці паэтаў з’яўляюцца індывідуальна-аўтарскія неалагізмы (ІАН), якія называюцца даследчыкамі па-рознаму: індывідуальныя словы, стылістычныя, індывідуальна-стылістычныя неалагізмы, неалагізмы кантэксту, літаратурныя неалагізмы, паэтычныя неалагізмы, аўтарскія новаўтварэнні і г. д. Мы разумеем пад гэтым паняццем маўленчыя наватворы, якія ўпершыню сустраліся на старонках

пісьмовага тэксту і не адзначаны ў слоўніках нацыянальнай мовы, жывуць толькі ў тэксе і валодаюць прыметай незвычайнасці.

Адной з прымет аказіяналізма з’яўляецца яго цесная сувязь з кантэкстам. На гэта звяртаў увагу яшчэ А. Лыкаў, які пісаў, што залежнасць ад кантэксту ў аказіянальных слоў значна большая, чым у узуальных, па-за кантэкстам аказіяналізмы не існуюць. Без апоры на кантэкст даволі цяжка зразумець іх сэнс [1, с. 12].

У сучасных даследаваннях устаноўлены розныя ступені залежнасці індывідуальна-аўтарскіх неалагізмаў ад кантэксту, якія маюць прамую сувязь са ступенню складанасці семантычнай і словаўтваральнай структуры аказіяналізма. Для семантызацыі аказіяналізмаў, утвораных па прадуктыўных словаўтваральных мадэлях, кантэкст не патрэбен, таму што значэнне слова праяўляецца праз яго ўнутраную форму. Па класіфікацыі Н. Бабенка [2, с. 14] такі кантэкст называецца «нулявым». Сапраўды, лёгка можна зразумець сэнс індывідуальна-аўтарскіх неалагізмаў *пухавісты*, *далмаціністы*, *асенне-жоўты*, не звяртаючыся да кантэксту: *пухавісты* – падобны на пух, *далмаціністы* – плямісты, як далмацін, *асенне-жоўты* – жоўты, як ліст восенню. Кантэкст вершаў падцвярджае, што мы правільна зразумелі гэтыя словы: *Зноў навакола лёг Наш «белы бог». Нарэшце – пухавісты – прычкалі* [3, 230], *Лістабой і снегапад. Пад завяў хіт-парад Далмаціністы асфальт Крокам мераць буду* [3, с. 87], *На ўзлессі тым глынулі ветры Асенне-жоўтае лісцё* [4, с. 47]. Такія аказіянальныя адзінкі, якія патрабуюць нулявога кантэксту, даследчыкі называюць аказіяналізмамі I ступені (Н. Бабенка) [2], прагмалексемамі (І. Краснікава) [5], аказіяналізмамі I ступені складанасці (Р. Намітокава) [6].

Семантызацыя слоў, утвораных з парушэннем стандарту (па малапрадуктыўных ці непрадуктыўных мадэлях), патрабуе звароту да мікракантэксту – кантэксту стракі, сказу, штрафы. Напрыклад, *Чабаровая паляна – Меднагора блішчуць сосны* [7, с. 149]. Аказіяналізм *меднагора* ўтвораны складаннем асноў прыметніка *медны* і назоўніка *кара* з суфіксацыяй, сцісла перадае параўнанне – сосны ў сонечных промнях блішчуць так ярка, як бышцам кара іх з медзі – чырвона-жоўтага колеру.

Макракантэкст (кантэкст твора) патрэбен для семантызацыі слоў, утвораных непрадуктыўнымі ці аказіянальнымі спосабамі. Напрыклад, аказіяналізм *лэсасека* ўтвораны шляхам накладання першага слова *лэс* на пачатак другога слова *лесасека*: *лэсасека* ← *лэс* + *л(е)сасека*. У значэнні гэтай аказіянальнай адзінкі цесна перапляліся значэнні абодвух слоў: *лэсасека* – гэта месца, дзе на лесараспрацоўках (Сібір, ГУЛАГ) “секліся” лёсы людзей: *Шлях другі ў Сібір панёс Хмарамі ГУЛАГа. Дзе такі пазычыў лэс хутар, бедалага? Высякаў, як лес той, час Люд сякерай здэку. Вось такая, брат, у нас Выйшла лэсасека* [3, с. 84].

Словы, семантызацыя якіх патрабуе звароту да міні- ці макракантэксту, называюць аказіяналізмамі 2 і 3 ступені (Н. Бабенка), кантэкстуальнымі прагмемамі (І. Краснікава), аказіяналізмамі 2 і 3 ступені складанасці (Р. Намітокава). Аналіз індывідуальна-аўтарскіх неалагізмаў у творах сучаснай беларускай паэзіі паказвае, што гэта самая шматлікая група слоў.

Побач з гэтымі групамі аказіянальных адзінак вылучаецца яшчэ адна група слоў, якія І. Краснікава называе «аказіянальнымі культурэмамі». Гэтыя наватворы цяжка зразумець без «вертыкальнага» (культурна-гістарычнага) кантэксту, калі не валодаеш пэўнай затэкставай інфармацыяй. Інтэрпрэтацыя гэтых аказіяналізмаў залежыць ад энцыклапедычных, агульных ці сітуацыйных ведаў чытача. Да такіх слоў можна аднесці, напрыклад, слова «бугравоз»: *Бугравозы сяржантам к кювету прычалены, Чорны лак прыцярушан крытычным сняжком...* [8, с. 23]. Сэнс гэтага слова цяжка зразумець таму, хто не ведае, што ў мінулым стагоддзі жаргонным словам *бугор* называлі начальніка. Значыць, *бугравоз* – гэта іранічная назва машыны, на якой возяць начальніка, «бугра» (жарг.).

У сваім даследаванні мы разгледзім сувязь індывідуальна-аўтарскіх неалагізмаў сучасных беларускіх паэтаў з кантэкстам. Актуалізацыі семантычнай і словаўтваральнай структуры аказіяналізма ў кантэксце дапамагаюць узуальныя словы, якія даследчыкі называюць актуалізатарамі (М. Петрычэнка), апорнымі словамі (А. Міхайлін), стымуламі (В. Габінская), арыенцірамі або індыкатарамі (Т. Ганчарэнка, Р. Кісялёва).

Р. Намітокава сістэмазавала ўсе выпадкі актуалізацыі аказіяналізма і размежавала актуалізацыю лексічнай адзінкай у тэксце (лексічныя актуалізатары) і актуалізацыю зместам тэксту (тэкставыя актуалізатары) [6, с. 23].

Лексічныя актуалізатары ў сваю чаргу падзяляюцца на каранёвыя і структурныя. Каранёвыя актуалізатары – аднакарэнныя ўзуальныя словы, ужытыя з індывідуальна-аўтарскім неалагізмам у адным кантэксце: *І крышку прыцішку гамана Ў цішыні пазычыць да ночы...* [9, с. 356]. У гэтым кантэксце слова *цішыня* з’яўляецца адзінкавым лексічным актуалізатарам наватвора *прыцішак*. Сустракаецца ў паэтаў і такі прыём актуалізацыі аказіяналізма, як ужыванне некалькіх аднакарэнных узуальных слоў побач з новаўтварэннем (ланцуговы каранёвы актуалізатар): *Быў сусед да цябе прысуседзіўся, Адсуседзіла ты яго* [10, с. 53]; *Рыжыкаў рыжань Алёнку зрыжэла заве Ў рыжую замець. Хоча Алёнка на рыжа-збуялай траве Рыжа буяніць* [3, с. 222]. Дарэчы, у апошнім вершы на 39 слоў прыходзіцца 12 з корнем *рыж-*. Трэба адзначыць, што адзінкавыя каранёвыя актуалізатары могуць знаходзіцца ў прэпазіцыі ў адносінах да індывідуальна-аўтарскага неалагізма (прэпазіцыйныя актуалізатары), як, напрыклад, у наступным кантэксце: *Жыццё – адзіны валадар І радасці, і слёз, і мрояў. Геройскі ўчынак негероя – Не прапусціць чарговы ўдар* [3, с. 24], *Няхай маўчым, Няхай крычым – Душу зняверыць боль-зняверца* [9, с. 407]. Постпазіцыйныя актуалізатары займаюць постпазіцыю ў адносінах да наватвора: “*Ты белы воўк*”, – *Сказала мне Да незабыту незабытая* [9, с. 256].

Даволі распаўсюджаным у беларускай паэзіі з’яўляецца такі прыём актуалізацыі семантыкі наватвора, як ужыванне побач з аказіяналізмам аднаструктурных узуальных слоў (лексічныя структурныя актуалізатары).

У адным кантэксце могуць аб'ядноўвацца індывідуальна-аўтарскі неалагізм з узуальным словам той жа структуры (поўныя структурныя актуалізатары): *І голасам тугі У бяскрылли, і ў бяссілли Старэчыя Багі Са мною гаварылі* [4, с. 274], *Спазнаў у войску дзедаўшчыну, Жаніўся – зведаў бабаўшчыну* [11, с. 57]. *Бяскрылле* і *бяссілле* маюць аднолькавую структуру, утвораны ад назоўнікаў прэфіксальна-суфіксальным спосабам. *Бяссілле* – гэта адсутнасць фізічных сіл, значыць, *бяскрылле* – адсутнасць крыл (у пераносным значэнні, таму што гаворка ідзе аб людзях). У другім прыкладзе аказіяналізм *бабаўшчына* ўтвораны суфіксальным спосабам па аналогіі са словам *дзедаўшчына* (у арміі – парушэнне ў статутных адносінах старэйшымі салдатамі да малодшых). Значыць, *бабаўшчына* – гэта «перавышэнне паўнамоцтваў» з боку жонкі ў адносінах да мужа.

Індывідуальна-аўтарскі неалагізм і узуальнае слова могуць аб'ядноўвацца частковым структурным актуалізатарам – аднолькавым афіксам, напрыклад, *Ранак – туман, і апоўдзень – туман. Зябкасць, цямранасць, глухая зацятасць...* [12, с. 109]. Цікавым з'яўляецца выкарыстанне «каскада» (тэрмін А. Земскай) аказіяналізмаў, якія часта ўтвораны аднолькавым спосабам і маюць той жа набор афіксаў, што і структурны актуалізатар: *І маем толькі тое, што хацелі мець: Раздрай, разбой, разгрыз, размежаванне, – Усё для большага для выжывання, Нягледзячы на кроў і смерць* [13, с. 137]; *Базар жыцця адгуў, адгаманіў, Адшчодрыўся, адніўся, адкупіўся, Адганіў, адзайдрасціў, адманіў, Адхарахорыўся, адчапурыўся* [14, с. 168]. Такая паўтаральнасць у адным кантэксце структурных актуалізатараў і аказіяналізмаў прыводзіць да ўтварэння ў тэксце рытмадынамічнага малюнка, нагнавання пэўнага эмацыянальна-экспрэсіўнага зместу.

Пры тэкставай актуалізацыі кантэкст дапамагае праясніць семантыку індывідуальна-аўтарскіх неалагізмаў. Кантэкст можа непасрэдна (з дапамогай спецыяльных памет) указваць на структуру аказіяналізма, а можа самім зместам дапамагаць праясненню значэння новаўтварэння. Непасрэдныя тэкставыя актуалізатары падзяляюцца на графічныя (незвычайнае напісанне слова) і інтэрпрэтуючыя (аўтар паясняе сэнс аказіяналізма). Напрыклад, агаліць унутраную форму слова *сілас-офія* дапамагае яго напісанне праз злучок: *У крыкліўца свая філасофія, А ў каровы свая сілас-офія: Будзе сілас, дык дам малака* [15, с. 105]. У кантэксце таксама прысутнічае слова *філасофія*, па аналогіі з якім і ўтварыўся аказіяналізм: *сілас-офія* ← *сілас* + *філасофія*. Так утвараецца каламбур: *сілас-офія* – гэта філасофія каровы. Слова *ЛеГальна* на слых успрымаецца як узуальнае *легальна* ('па закону'). Аднак напісанне слова сведчыць пра тое, што гэта аказіяналізм, утвораны ад абрэвіятуры *ЛеГал*. Сам аўтар паясняе, хто гэта, у пачатку верша: *ЛеГал* (Леанід Галубовіч). Значыць, *ЛеГальна* – гэта па Леаніду Галубовічу: *Аднак законна ўсё, ЛеГальна – Няма ў тым справы крымінальнай* [3, с. 299]. У гэтым прыкладзе спалучаюцца графічная і інтэрпрэтуючая актуалізацыі. Інтэрпрэтацыя семантыкі наватвораў адбываецца і ў наступных прыкладах:

Лісеем, брат, лісеем (лісеем ад слова “ліс”) [16, с. 258]; *І нашым мы і вашым. Маўляў, такое жыццё; З цялячай радасцю ў кароўнік Бег алканаўт Сухі Кузьма (Чытач, не варта лезці ў слоўнік – Такого слова там няма). Пра алканаўтаў я зазначу, Маўчыць, як рыба, слоўнік наш. Таму адразу растлумачу, Што гэта тое, што алкаш* [11, с. 72].

Апасрэдаваным тэкставым актуалізатарам з’яўляецца змест верша. Напрыклад, для семантызацыі слова *стракоззе* дастаткова сказа: *Тут, бачу, дзяўчо пралятае У чорным стракоззі павек* [18, с. 124]. Дзяўчына так нафарбавала павекі, што яны сталі падобныя на крылы страказы. Семантызацыі новаўтварэння *вінакардыя* дапаможа кантэкст штрафы: *У забягайлаўцы зімой Максім сханіў вінакардыю. І з той пары згубіў спакой, І ходзіць быццам сам не свой, І ад хваробы злосна вые. Лячэння вернага няма... – Не выцягнуць з запойнага ярма* [17, с. 62]. Аказіяналізм утвораны нетыповым спосабам немарфемнага скарачэння і складання стылістычна разнародных элементаў па аналогіі са словам *стэнакардыя* і мае значэнне ‘хвароба п’янства’.

Вылучаецца таксама група актуалізатараў за тэкстам, калі для семантызацыі індывідуальна-аўтарскага неалагізма патрэбен вертыкальны кантэкст (кантэкст культуры, фонавыя веды носьбітаў мовы). Аналіз новаўтварэнняў, ужытых у творах сучаснай беларускай паэзіі, паказвае, што такіх аказіянальных адзінак нямнога, але яны ёсць. Напрыклад, ІАН *цыцэронія* матываваны прозвішчам рымскага палітычнага дзеяча, аратара, філосафа, пісьменніка Марка Тулія Цыцэрона (106–43 гг. да н.э.), які меў рэпутацыю лепшага аратара свайго часу і займаўся тэорыяй красамоўства. Значыць, *цыцэронія* – гэта сінонім красамоўства: *Аратары – аратыя Не новай цаліны, Вы марамі багатыя, І вам няма цаны... І ваша цыцэронія, Як залаты запас, Як нашых дзён іронія, Праславіць вас і час* [13, с. 38].

Трэба адзначыць, што лексічныя і структурныя актуалізатары існуюць у тэкстах не ізалявана, а ў комплексе. Такое аб’яднанне ўтварае найлепшыя ўмовы актуалізацыі індывідуальна-аўтарскіх неалагізмаў. Напрыклад, у штрафе *Правалы памяці – Хвароба вырачэнцаў: Як ні круці – Усё сядзе на клін. Людзей – сланечнікаў-паварачэнцаў – зашмат, а сонца не хапае ім* [19, с. 24] выяўлена два індывідуальна-аўтарскія неалагізмы *вырачэнец* і *паварачэнец*. Сэнс першага зразумець можна і без кантэксту: *вырачэнец* – той, хто выракаецца, адмаўляецца ад чаго-небудзь. Выявіць семантыку другога аказіяналізма дапамагаюць некалькі актуалізатараў: частковы структурны актуалізатар *вырачэнец – паварачэнец*, змест кантэксту (апасрэдаваны тэкставы актуалізатар). *Людзі-паварачэнцы* параўноўваюцца са сланечнікам, які паварочваецца за сонцам. Значыць, *паварачэнец* – гэта чалавек, які, каб атрымаць сваю выгаду, каб падняцца крыху вышэй, да сонца, гатовы адрачыся ад чаго-небудзь.

Такім чынам, актуалізатары індывідуальна-аўтарскіх неалагізмаў дапамагаюць зразумець, як утворана слова, праясняюць яго лексічнае значэнне, указваюць на мэту словатворчасці паэта, раскрываюць узаемазвязь з іншымі словамі ў кантэксце.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Лыков, А. Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово) / А. Г. Лыков. – М.: Высш. шк., 1976. – 119 с.
2. Бабенко, Н.Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ: уч. пособие / Н. Г. Бабенко. – Калининград: Изд-во Калининградского гос. ун-та, 1997. – 81 с.
3. Дзень паэзіі-2005 / уклад. В. Шніпа. – Мінск: Маст. літ., 2005. – 318 с.
4. Мятліцкі, М. Палескі смутак: Вершы і паэма / Мікола Мятліцкі. – Мінск: Маст. літ., 1991. – 287 с.
5. Красникова, И. Р. Прагматика окказиональных антрополексем в современном русском языке: автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / И. Р. Красникова; Рост. гос. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2004. – 31 с.
6. Намитокова, Р. Ю. Авторские новообразования: структура и функционирование (на материале современной поэзии): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Р. Ю. Намитокова, Адыгейский гос. пед. ин-т. – Майкоп, 1989. – 33 л.
7. Мятліцкі, М. Замкнёны дом: вершы, паэмы / Мікола Мятліцкі. – Мінск: Маст. літ., 2005. – 316 с.
8. Верамейчык, У. Ліхаўня / У. Верамейчык. – Мінск: Маст. літ., 1997. – 80 с.
9. Барадулін, Р. Ксты: – Рыгор Барадулін. – 2-е дапоўн. выд. – Мінск: Рым.-катал. парафія св. Сымона і Алены, 2006. – 528 с.
10. Камейша, К. Я з пушчы: кніга лірыкі / К. Камейша. – Мінск: Маст. літ., 1995. – 254 с.
11. Ермалаеў, У. Радком па кумпалу: Гумарыстычныя, сатырычныя вершы, літаратурныя пародыі / У. Ермалаеў. – Мн.: Маст. літ., 1998. – 111 с.
12. Шах, С. “Нябёс высокая лагода...”; Сон: вершы / С. Шах // Полымя. – 2000. – № 7. – С. 108–109.
13. Тармола-Мірскі, Р. Прычасце: Паэзія / Р. Тармола-Мірскі. – Мінск: Маст. літ., 2000. – 288 с.
14. Барадулін, Р. Калі рукаюцца душы. Паэзія з прозай. З Васілём Быкавым. – Мн.: ГА БТ “Кніга”, 2003. – 344 с.
15. Камейша, К. Лінія лёсу: Вершы / К. Камейша. – Мінск: Маст. літ., 1996. – 126 с.
16. Вярцінскі, А. Хлопчык глядзіць...: Выбр. вершы і паэмы / Маст. І. Сытчанка / А. Вярцінскі. – Мн.: Маст. літ., 1992. – 318 с.
17. Верамейчык, У. Магарыч: Сатырычныя вершы і байкі / У. Верамейчык. – Мінск: Маст. літ., 1994. – 94 с.
18. Камейша, К. Паэма / К. Камейша // Маладосць. – 2001. – № 7. – С. 124.
19. Масарэнка, А. Вершы / А. Масарэнка // Полымя. – 2007. – № 4. – С. 24.
20. Глумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: больш за 65000 слоў / пад рэд. М. Р. Судніка. – Мінск: БелЭн, 1996. – 784 с.

Н. К. Молош

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
Белорусского государственного медицинского университета
(г. Минск, Республика Беларусь)

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ПОЯСНЯЮЩИХ ПРИСОЕДИНЕНИЯХ

Многочисленные поясняющие присоединения относятся к разряду лексически нейтральных:

– *Hier soir, Valerie arborait à son doigt un solitaire aux facettes scintillantes. Sa bague de fiançailles* [1, 101].

– *La solitude était profonde. Pas une voile dans la baie, pas un paysan dans la champagne* [2, p. 82].

В комплексе с поясняющими присоединениями референт / объект получает обозначение уже в базовом предложении. Однако говорящий в целях определенного воздействия на адресата считает необходимым дать – выборочно – дополнительные пояснения, намеренно обратив внимание собеседника на определенную информацию.

Пояснение может реализоваться по-разному: основное сообщение уточняется, интерпретируется, характеризуется и т. д.

Средства детерминации, избираемые в том или ином поясняющем присоединении, зависят от того, что и как поясняется. Данное положение следует понимать таким образом: в базовом предложении находит свою номинацию общее предметное понятие, общее признаковое понятие, действие (состояние, ситуация), оценка объекта или ситуации или конкретное лицо (имя собственное). Присоединение же призвано пояснить антецедент со стороны его предметной, качественной или другой характеристики (внутренней или внешней).

Активность говорящего субъекта проявляется, прежде всего, в выборе аспекта [что] и способа [как] пояснения. Устанавливаемые корреляции можно свести к следующим:

1. «Антецедент – обозначение предметного понятия как количественно-качественной определенности и присоединение – его конкретизация через составляющие: содержание, существенные для субъекта качественные и количественные характеристики». Ср.: *J'aime les enfants. Les petites filles. Et les petits garçons* [3, p. 46]. Определенная множественность может конкретизироваться через определенную количественность (*mes – une, deux*): *Puisque je vous dis qu'on m'a volé mes enfants. Une petite fille et deux petits garçons* [2, p. 281]. Неопределенная множественность (бесчисленное количество) находит свою конкретизацию в единице неопределенной количественности: *Des allumettes craquèrent, l'une après l'autre. Une dizaine* [1, p. 7] или качественности: *Il y a des soldats qui viennent. Des Américains et des Français* [4, p. 389], где «des soldats» конкретизируются не количественно, а качественно – через национальность.

В комплексе: *Les Sages composèrent donc un codex, George, reprit-il à l'adresse de Smiley. Un catalogue des pratiques proscrites* [5, p. 65]. Качественная определенность понятия „un codex“ (некоторый свод законов, правил) конкретизируется через его содержание (каталог, составленный в определенном порядке перечень этих правил, законов)

[6, p. 270]. А качественная определенность в комплексах: *Elle tentait de lui expliquer. Comment sa vie avait brusquement pris la forme d'une vie, par sa simple decision, à ce moment où elle s'était plongée dans le monde compliqué ... des professions féminines. Les démarches, les ennuis matériels, les sourires, les silences* [7, p. 165] конкретизируется через „*les démarches*“, „*les ennuis*“, „*les sourires*“, „*les silences*“. Определенный артикль множественного числа способствует передаче повторяемости конкретных физических проявлений-составляющих „*le monde compliqué ... des professions féminines*“.

Конкретизация реализуется также как дескрипция, количественно-качественная характеристика. Дескрипция зачастую рассматривается в аспекте рациональной оценки [8, p. 28]. Однако поскольку она базируется на естественных свойствах объекта, не подверженных субъективным разногласиям, считаем возможным расценивать дескриптивные присоединения как представляющие новую объективную информацию и на этом основании включить их в разряд поясняющих. Ср.: *Une cliente de Path voulait absolument qu'elle s'occupait de son appartement. Une Américaine, assez riche* [7, p. 16], где присоединение „*assez riche*“ конкретизирует antecedent „*une cliente de Path*“ по признаку национальности и материального положения.

К конкретизирующим можно отнести и повторы, т. е. присоединения, лексически повторяющие antecedent. Ср.: *J' aime une Française. Une Française de France* [9, p. 37]. Именная группа конкретизирует antecedent со стороны качества (француженка из Франции). В следующем комплексе: *De toute façon c'était l'hiver, tout le monde toussait. Un hiver sans neige, humide et froid, coulé de vent* [10, p. 125]. Присоединение конкретизирует признаки введенного в базовом предложении понятия, что особенно подчеркивается оформлением antecedent /*l'hiver*/ определенным артиклем, а повтора /*Un hiver sans neige... /* – неопределенным артиклем (выделительная функция).

Итак, в конкретизирующем присоединении определенность / неопределенность зависит от того, какой аспект antecedent выделяется говорящим. Тот факт, что antecedent вводит референт, количественно и качественно определенный или неопределенный, а присоединение выборочно конкретизирует одну из его сторон (его составляющие, содержание, количественность, качественность), свидетельствует о выделительной функции детерминатива перед присоединительной именной группой. Выделительная функция артикля состоит, прежде всего, в реализации сигнификативного компонента именного присоединения, а отсюда и преимущественное использование неопределенного артикля. Определенный артикль используется тогда, когда выделяются составляющие определенного предметного понятия (*les enfants – les petites filles et les petits garçons*).

2. Следующую корреляцию можно представить как: «антецедент – общее признаковое понятие или оценка и присоединение – его уточнение через признак соответствующей предметно-логической основы».

Например: *Il y avait une odeur curieuse mais agréable. Une mélange de café au lait et de fumée de bois* [4, p. 45]. Антецедент, обозначающий неопределенный признак (странный, но приятный запах), уточняется через признак конкретной субстанции (*un mélange de café .. et de fumée*).

Je pais un type qui m'attend en bas. Un détective privé [7, p. 182]. В уточнении неопределенный артикль выполняет выделительную функцию: он свидетельствует прежде всего о реализации сигнификативного компонента имени.

Иногда общая оценка уточняется как вполне идентифицированное событие: *Un duel inouï commença. Le duel du désarmé et du blessé*. Тогда появляется определенный артикль. Отличие данного присоединения от „*Un mélange de café au lait et de fumée de bois*“ состоит в том, что оно, обозначая событие, полностью реализует свою семантическую структуру (денотативный и сигнификативный компонент) – дуэль безоружного и раненого (человека), а в комплексе „*Un mélange de café... de fumée*“ присоединение реализует прежде всего сигнификативный компонент. О реализации различных объемов семантики свидетельствует и различное оформление этих именных групп артиклем.

Рассмотрим следующий комплекс: *Il y avait des siècles que je n'avait pas chialé. Un an* [11, p. 60]. В базовом предложении бесконечное множество „*Il y avait des siècles*“ предопределяет его оценочный (гипербола) характер, а присоединение контрастивно уточняет „*Un an*“. Неопределенный артикль выполняет выделительную функцию (количественности).

3. Можно описать корреляцию «антецедент – обозначение конкретного лица, т. е. имя собственное, и присоединение, интерпретирующее, раскрывающее его». Ср.: ...*Turmeau et Cimourdain. Un prêtre blanc et un prêtre bleu* [2, p. 278]. *C'est Alicia, expliqua-t-il. Une copine du cours* [1, p. 75]. В присоединении используется в своей выделительной функции неопределенный артикль: интерпретируется качественная сторона самого индивида или его имени – *Lea, infirmière belge, cherche dans son registre: L'enfant se nomme Sahara Gedi Omar. Un nom de fiction*.

Итак, артикль в поясняющих присоединениях выполняет, прежде всего, выделительную функцию. Причем выделительная сила неопределенного артикля настолько велика, что он может появляться перед именем собственным: *Mariana morte. Mariana mutilée. Mariana perdue dans les ruines... Une Mariana effrayante à force de douleur, à force mystère* [4, p. 77].

Имя собственное входит в группу предметных монофункциональных. Автор же, стремясь усилить впечатление от описания признаков (*effrayante à force de douleur, à force mystère*), оформляет существительное неопределенным артиклем, сигнализирующим о реализации сигнификативного компонента семантики. В результате „*Une Mariana*“ не столько соотносится с лицом, сколько с понятием о нем. Прагматическое

использование неопределенного артикля рассматривается как указание-действие говорящего.

4. Имеется еще одна возможная корреляция «антецедент – действие / состояние – присоединение, уточняющее его внутреннюю характеристику». Например: *C'est vrai, il a été abattu, reconnu Smiley. Un coup de feu en plein visage* [5, p. 82]. *Le silence est là. Il va se déchirer d'un coup. Une rafale bien serrée* [4, p. 365]. *La solitude était profonde. Pas une voile dans la baie, pas un paysan dans la champagne* [2, p. 82].

Действие конкретизируется способом протекания, что представляет его внутреннюю характеристику. Так, в первом примере уточняется, как был убит человек – выстрелом в лицо. Во втором примере присоединение „Une rafale bien serrée“ характеризует изнутри обстановку как чрезвычайно напряженную. В отличие от первого комплекса это присоединение передает и впечатление говорящего, его оценку. В третьем примере базовое предложение репрезентирует состояние природы (полная тишина), а присоединение уточняет – „Не было ни одного паруса в заливе, ни одного крестьянина в деревне“.

Поясняющее (характеризующее) именное присоединение оформлено неопределенным артиклем – выделительная функция, и не нарушает логической соотнесенности: действие (состояние) – его уточнение (внутренняя характеристика). Пропозитивные существительные „un coup“, „une rafale“ семантически согласуются с глаголами „abattre“, „se déchirer“. Состояние-атмосфера (la solitude) допускает описание окружающей обстановки (предметные имена „une voile“, „un paysan“).

В следующих комплексах эта логичность нарушается:

Elle accompagna chaque jour ses enfants à l'école, et après Andrea va à l'Académie de musique. Les gestes quotidiens.

Tout ça buvait, évidemment, ou même, se droguait; moi, je faisais de la figuration. Le chauffeur [10, p. 262].

Оформление присоединения „Le chauffeur“ определенным артиклем свидетельствует о том, что семантическая структура имени реализуется в полном объеме, а денотативный компонент составляет основу этой реализации. В первом комплексе присоединение „Les gestes quotidiennes“ по своей семантике может быть квалифицировано как пропозитивное имя, но эта семантика прежде всего соотносится с человеком. Кроме того, в данном случае присоединительное имя употребляется во множественном числе, что, как известно, конкретизирует его семантику. Таким образом, оба присоединения исключают внутреннюю характеристику. Подобный семантический разрыв является результатом коммуникативно-прагматической установки: субъект уточняет свою роль в массовке (во втором случае он высказывает свое отношение к ситуации, обобщая ее). В этом плане присоединение „Les gestes quotidiennes“ сближается с присоединением „Une rafale bien serrée“. Отличие состоит в том, что первое передает нейтральную констатацию факта, а второе, отчасти сохраняя связь с внутренней характеристикой, передает констатацию факта более заинтересованно, экспрессивно, что сближает это присоединение с оценочным.

В следующем комплексе: Il haussa les épaules. Je ne risquais rien. La preuve [12, p. 103] присоединение „La preuve“ (Ce qui sert à établir qu'une chose est vraie) также передает констатацию, но как положительную оценку ситуации «Я ничем не рисковал». Семантический разрыв между антецедентом и присоединением увеличивается.

Ср. также: Il palpa les billets, les huma (odeur suave et indéfinissable de cire, de couleur, de papier fin) et les rangea dans son portefeuille. Avec cette compresse sur le coeur, il se sentait mieux. L'équivalent de trois mois de salaire [13, p. 23], где присоединение обобщает всю описанную ранее ситуацию и используется как констатация / вывод.

Итак, выделительная функция неопределенного артикля в поясняющих присоединениях связана с частичной реализацией семантического объема имени, преимущественно сигнификативного компонента.

Пояснение как коммуникативно-прагматическая установка дифференцируется в зависимости от цели говорящего: уточняются, конкретизируются качественные, количественные признаки; содержание общего понятия (неопределенный артикль); его составляющие (определенный артикль). В линейном построении сохраняется логическая последовательность: первичность субстанции – вторичность качества. В случае же нарушения этой соотнесенности или семантического разрыва (действие / состояние – его внутренняя характеристика) присоединения передают более ярко субъективность пояснения / вмешательства говорящего – от констатации, выделения факта, признака до их имплицитной оценки. И в этом случае определенный артикль в присоединениях прагматически более значим, чем неопределенный.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Troyat, H. Les Eygletière / H. Troyat. – М. : Vyssaja Škola, 1981. – 181 p.
2. Hugo, V. Quatrevingt-treize / V. Hugo. – P. : Garnier – Flammarion, 1965. – 380 p.
3. Queneau, R. Zazie dans le métro / R. Queneau. – P. : Gallimard, 1990. – 189 p.
4. Clavel, B. L'Espagnol / D. Clavel. – P. : J'ai lu, 1978. – 437 p.
5. Carré Le, J. Les gens de Smiley / J. Le Carré. – P. : Laffont, 1980, 444 p.
6. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1991. – 916 с.
7. Sagan, F. Aimez-vous Brahms ... / F. Sagan. – P. : Julliard, 1976. – 179 p.
8. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М.: Наука, 1985. – 228 с.
9. Conchon, G. L'Amour en face / G. Conchon. – P. : Albin Michel, 1976. – 380 p.
10. Rochefort, Ch. Le repos de guerrier / Ch. Rochefort. – P. : Bernard Grasset, 1981. – 286 p.
11. Rochefort, Ch. Printemps au parking / Ch. Rochefort. – P. : Bernard Grasset, 1979. – 220 p.
12. Durand, L. Jaraf / L. Durant. – P. : Deroël, 1980. – 602 p.
13. Troyat, H. Le front dans les nuages / H. Troyat. – P. : J'ai lu, 1985. – 192 p.

А. В. Сытько¹, Н. Н. Лукашевич²

¹кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики немецкого языка Минского государственного лингвистического университета (г. Минск, Республика Беларусь)

²преподаватель-стажёр кафедры немецкого языка и МПИЯ МГПУ им. И. П. Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь)

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИНТЕНЦИИ «ОБЕЩАНИЕ» В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема речевых актов исследуется в современной лингвистике с неослабевающим интересом, в первую очередь потому, что в основе своей является проблемой межличностного общения. В этом общении основной упор делается на речевую деятельность коммуникантов, их социальный статус, ситуации, в которых протекает общение, цели, преследуемые коммуникатами, и еще очень многие факторы, влияющие на успешность или неуспешность коммуникации. В работах Дж. Остина (Austin, 1962), Дж. Серля (Searle, 1968) процесс человеческого общения стал основным предметом исследования с позиции теории речевых актов, у которой нашлись многочисленные последователи и продолжатели. Речевая деятельность является объектом изучения функциональной прагмалингвистики в отличие от речевого поведения, являющегося предметом изучения скрытой прагмалингвистики. В центре внимания обеих дисциплин находится речевой акт как условие реализации речевой деятельности.

Речевой акт понимается в лингвистике как целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе, т. е. единица

нормативного социоречевого поведения, рассматриваемая в рамках прагматической ситуации. Речевой акт является многомерным так как имеет внутреннюю и внешнюю структуру. Внешние характеристики речевого акта – это отправитель текста, получатель текста, сам текст, код, канал связи и контекст. Среди речевых актов выделяются следующие: репрезентативы, директивы, экспрессивы, декларации, комиссивы [1, с. 180]. Именно последним посвящена данная статья.

Комиссивы – это акты обязательства, к которым относятся *гарантии, заверения, клятвы, согласия, подтверждения, поручительства, участие* и т. п. Основными семантическими критериями отнесения иллокутивного типа к классу комиссивов являются: а) сема направленности действия на будущее время; б) сема говорящего как единственного агента будущего действия; в) сема взятия говорящим на себя обязательства [2, с. 5]. Речевые акты обещания, или промиссивы, представляют собой класс речевых актов, иллокутивной целью которых является принятие адресантом искреннего обязательства совершить или не совершать определенное действие в интересах адресата, в его пользу. Промиссив является, таким образом, разновидностью комиссивов.

Целью данной статьи является выявление прагматических, семантических, синтаксических и просодических особенностей немецких промиссивов. Материалом послужили 250 диалогических контекстов с интенцией обещания, извлеченные методом сплошной выборки из художественных произведений немецких писателей. Для выявления просодических характеристик речевого акта обещания были использованы 20 фраз, которые были записаны на цифровой носитель 3 носителями немецкого языка; в результате записи было получено 60 реализаций, которые подверглись дальнейшему анализу просодических средств, участвующих в выражении речевых актов обещания.

Речевой акт обещание представляет собой принятие адресантом искреннего обязательства, поэтому во всех случаях контекст содержит формулу, состоящую из местоимения в первом лице *ich* (68%), что способствует экспликации соответствующей интенции, напр.: «*Zum Nachmittagsunterricht bin ich wieder da*», *verspreche ich* [3, с. 124]. В 24% случаев говорящий снимает ответственность непосредственно с себя, прибегая к тактике генерализации, и использует местоимение *wir*, напр.: «*Wir geben unser Bestes*», *antwortet Boggs* [3, с. 51]. Перформативная формула с глаголом класса промиссивов отмечается 5,6%, при этом он занимает всегда инициальную позицию.

Речевой акт обещания имеет три типичных и три нетипичных реализации. К типичным отнесем направленность на «своего равного», «своего вышестоящего» и «чужого вышестоящего»,

отмечая сущностное различие между первыми двумя и последним случаем: если тематика первых находится в личной области, то второго – в общественно-правовой, если первые преследуют цель эмоциональной поддержки со стороны адресата, иногда вкупе с действенным вмешательством, то второй – только цель действенного вмешательства, если первые позволяют выстраивать высказывание по законам разговорного стиля с эмоциональными вкраплениями, то второй требует официально-делового стиля, если первые характеризуются напряженным эмоциональным состоянием говорящего, то второй чаще всего – ненапряженным. Кроме того, РА обещание может иметь три нетипичных интенциональных направленности – к «своему нижестоящему», «чужому равному» и «чужому нижестоящему» – но при этом обязательно наблюдается переход адресата из одного социально-психологического ранга в другой и временное или постоянное изменение межличностных отношений коммуникантов. В нашем материале наиболее частотна направленность на «своего равного» (92%), поскольку в обиходном дискурсе в основном участвуют коммуниканты одного ранга и из одного круга, напр.: *«Du wirst nach Hause kommen. Ich verspreche es»*, sagt er und beugt sich vor, um mich zu küssen [4, с. 157], направленность же на «чужого равного» отмечена лишь спорадически (0,8%), напр., *«Wo sind die Schlittschuhe?» fragte Hagedorn. «Hören Sie auf!» bat Schulze. «Erinnern Sie mich nicht an meinen Hinterkopf! Ich hatte völlig vergessen, wie hart so eine Eisbahn sein kann. Als Schlittschuhläufer werde ich nicht mehr auftreten.» «Und Sie hatten sich so darauf gefreut», sagte Hagedorn mitleidig. «Das ist nicht weiter schlimm», erklärte Schulze. «Ich hatte mich vorübergehend in meinem Alter geirrt.» Er lächelte freundlich [5, с. 88].* Остальные виды направленностей отмечены крайне редко: направленность на «своего нижестоящего» в 3,2%: *«Aber solange ich etwas zu sagen habe, wird das nicht passieren, Soldat Everdeen. Ich habe ein langes Leben für dich geplant»* [3, с. 138]; направленность на «своего вышестоящего» в 1,6%: *«Morgen früh beginnt die erste Trainingseinheit. Beim Frühstück werde ich euch genau erklären, wie ihr sie angehen sollt»*, sagt Haymitch zu Peeta und mir. *«Und jetzt geht schlafen, während sich die Erwachsenen unterhalten»* [4, с. 42], направленность на «чужого вышестоящего» – 2,4% *«Bei der Tour der Sieger wird es so sein wie immer. Ich werde genauso in ihn verliebt sein wie vorher»*, sage ich. *«Wie jetzt»*, verbessert **Präsident Snow** mich [6, с. 13].

Интенции «обещание» могут быть реализованы различными речевыми средствами как по степени эксплицитности, т.е. с точки зрения интенциональной силы, так и по степени распространенности. В результате этого можно выделить различные прагматические микрополя обещания: обещание-гарантия (заверение, ручательство), обещание-зарок, обещание-клятва, обещание-прогноз, обещание-обязательство, которые характеризуются как “минимальные интенционально-прагматические объединения с единством формы и содержания” [7, с. 26]. При этом важно отметить, что тип микрополя определяется не семантикой соответствующего иллокутивного глагола, а коммуникативной ситуацией.

Наиболее частотным в выборке оказалось микрополе гарантия или заверение, составившее 43,2 % (см. таблицу).

Микрополя РА обещания	Относительное количество (%)
Обещание-клятва	3,6%
Обещание-зарок	7,2%
Обещание-обязательство	22,8%
Обещание-прогноз	23,2%
Обещание-гарантия	43,2%

Высокая частотность заверений объясняется экстралингвистическими характеристиками обиходной речи, обуславливающими формирование обиходного стиля: конкретно-предметный способ мышления и конкретный характер содержания, в состав которого, наряду с содержательной информацией, входит эмоциональная, субъектно-оценочная и модально-информативная информация. Кроме того, общаясь друг с другом каждый день, мы время от времени стараемся навязать собеседнику нашу точку зрения на ту или иную проблему, способы ее решения, свое отношение к какому-либо вопросу или человеку. Так, микрополе обещание-гарантия можно охарактеризовать как обнадёживающее уверение, при котором создаётся уверенность в осуществлении, исполнении чего-либо. Оно создаёт уверенность в осуществлении, исполнении чего-либо, заверение, внушить убеждение своим сообщением [8], напр.: «*Wir werden sie nicht aufwecken*», *sagte sie*. «*Wir werden ganz, ganz, ganz leise sein. Ich verspreche es Ihnen*» [5, с. 49].

Частотность обещаний-прогнозов обусловлена тем, что в бытовом общении человек как правило обобщает опыт познания окружающего мира с позиции своего частного опыта. Это речевой акт, при котором предвидится развитие и исход каких-либо событий, явлений на основании имеющихся данных [8], напр.: «*Aber keine Sorge*», *sagt Venia*. «*Wenn Cinna erst mit dir fertig ist, wirst du absolut hinreißend aussehen!*» [4, с. 33].

Обещание-обязательство – это собственно обещание, которое предусматривает безусловное выполнение действия [8], напр.: «*Natürlich. Und ich werde dafür sorgen, dass er von den Spielen erfährt.*» – «*Danke*», *sage ich* [3, с. 195]. Таким образом, обещания данного типа являются воздействующими, или суггестивными, поскольку они сопровождаются интенцией: воздействовать на психику, чувства, волю и разум человека и снизить степень сознательности, аналитичности и критичности при восприятии внушаемой информации.

Наименее частотными в диалогической речи оказались зарок и клятва, что объясняется их семантикой. Обещание-зарок – это негативный речевой акт с обещанием не делать чего-либо [8], напр.: «**Ich werde euch doch nicht im Stich lassen. Außerdem bin ich viel zu neugierig, was ihr jetzt machen werdet**» [9, с. 230]. Обещание-клятва (бытовая) – это торжественное уверение в чём-либо, подкреплённое упоминанием чего-либо священного для того, кто уверяет, обещает [5], напр.: «**Ich schwöre euch, bei der Liebe zu meiner Heimat, dass ich nicht eher in den Schoß meiner Familie und unter das Dach meines Hauses zurückkehren werde, bis ich auch den letzten Feind von unserem Heimatboden vertrieben habe...**» [9, с. 133]. Их материальность имеет разный срок длительности: «исчезая» вместе с произнесением, бытовая клятва и бытовой зарок начинают существовать в необязательном режиме памяти. Зарок и клятва имеют большую экспрессивную стилистическую окрашенность, напр.: «**Ich schieße bis an mein Lebensende keine Ente mehr und kein Reh mehr und überhaupt nichts mehr!**» [10, с. 14]. Обещание-клятва отличается от других микрополей силой, с которой эта иллокутивная цель подаётся, напр.: «**Du musst gewinnen**», sagt sie. «**Das werde ich. Für uns beide werde ich jetzt gewinnen**», verspreche ich [4, с. 125].

Речевые акты обещания всех микрополей реализуются следующими лексико-грамматическими средствами: перформативными глаголами (*versprechen* ‘обещать’, *versichern* ‘уверять’), временными наречиями (*jetzt* ‘теперь’, *morgen* ‘завтра’, *bald* ‘скоро’, *heute* ‘сегодня’, *wieder* ‘снова’, *rechtzeitig* ‘своевременно’), модальными словами (*bestimmt* ‘определённо’, *natürlich* ‘конечно’, *selbstverständlich* ‘само собой разумеется, конечно’). Также используются будущее и настоящее времена, устойчивые выражения, но в каждом микрополе они отмечены различной частотностью. Отмечаются также языковые средства, типичные для определённого микрополя речевого акта обещания.

Наиболее частотные обещания – гарантия и обязательство – передаются нейтральной повествовательной конструкцией, поскольку в них анонсируется факт принятия обязательства. Например, «**Mir geht's gut**», sage ich. **Aber die Wahrheit ist, dass ich erschöpft bin. «Schlaf du jetzt. Ich halte Wache»** [3, с. 141]. В микрополе “обещание-гарантия” самыми частотными средствами являются модальные слова, передающие высокую степень уверенности, которые отмечаются в 1/5 выборки данных микрополей. Не менее частотны темпоральные наречия, указывающие на короткий промежуток времени выполнения чего-либо (*bald* ‘скоро’, *gleich* ‘сейчас’, *heute* ‘сегодня’), которые указывают слушающему на то, что говорящий выполнит обещание в самом ближайшем будущем. Перформативный глагол *versprechen* ‘обещать’ встречается не так часто, лишь в 7,4 % (как в прямой речи, так и в словах автора). Перформативный глагол *versichern* ‘уверять’, однако, отмечен лишь спорадически (1,9%). В контекстах, которые относятся к данному микрополю, в более половине случаев (56,5%) отмечено будущее время. Футуральный презенс встречается в 40%, поскольку передает меньшую степень уверенности,

напр.: «*Was werden wir denn jetzt nur machen?*», fragte ich sie beim Weinen. «*Du wirst hier bei mir bleiben*», entgegnete sie, «*und ich werde mich um dich kümmern*» [11, с. 5].

МГПУ им. И.П.Шамякина

В микрополе „обещание-обязательство“ почти в 1/5 выборки (17,5 %) зафиксирован перформативный глагол *versprechen* ‘обещать’. Характерным (17,5%) для данного микрополя являются также модальные слова *natürlich* ‘конечно’, *bestimmt* ‘определённо’. Наречия времени *morgen* ‘завтра’, *sofort* ‘немедленно’, *rechtzeitig* ‘своевременно’, отмечены в 19,3% контекстов. Они дают адресату понять, что говорящий выполнит данное им обязательство в ближайшем будущем, сразу же, без промедления и без задержки. В контекстах данного микрополя преобладает будущее время в 52,6%, а настоящее время отмечается несколько реже, в 47,4%. «*Du musst essen. Damit du zu Kräften kommst. Ich werde dir eine Suppe machen*», *sage ich. Mach kein Feuer*», *erwidert er. «Das ist es nicht wert». – «Wir werden sehen*», *sage ich* [3, с. 142].

Обещание-прогноз соприкасается с семантикой неуверенности или предположения. В данном микрополе частотны сложноподчиненные структуры с придаточными времени (22,4%), напр.: «*Keine Sorge. Wenn sie mit mir fertig sind, wirst du mich nicht wiedererkennen*», *sage ich. «Gut*», *sagt er* [6, с. 6] и придаточными условия (39,7%), напр.: «*Ich werde bestimmt nur kommen, wenn niemand auf dem Korridor ist*» – *versprach er* [5, с. 16], поскольку в данном случае реализация обещания не может быть стопроцентной, а вероятность его исполнения ограничена условиям. В 1/3 контекстов с семантикой обещания-прогноза отмечены темпоральные наречия *wieder* ‘снова’, *morgen* ‘завтра’ только в составе придаточных условия. Данные наречия указывают на время выполнения обещания, но при этом его реализация возможна только при исполнении или наличии определённого условия, напр.: «*Die Klassen sind zu groß, das wisst ihr doch auch. Siebenunddreißig! Es wird euch viel besser gehen, wenn ihr weniger seid. Also, überlegt es euch und redet mal darüber. Morgen machen wir eine Diskussionsstunde, falls es Schwierigkeiten gibt*» [12, с. 140]. Перформативные глаголы и модальные слова встречаются спорадически (3,5%). Настоящее время со значением футуральности отмечено здесь в 55,17%. При этом в контекстах, относящихся к данному микрополю, присутствует указание о запланированном действии (напр., *zum Abendessen* ‘к ужину’, *morgen* ‘завтра’). Будущее время используется в 43,10%, напр.: «*Laß gut sein, Artusch. Wir werden von jetzt ab gute Freunde sein. Ich hab's mir schon lange gewünscht*» [9, с. 259].

Зарок и клятва отмечаются в обиходно-бытовой речи нечастотно, в нашем материале они встречаются лишь в 7,2% и 3,6% соответственно. Их языковое оформление обусловлено соотношением стандартного и личностного компонентов клятвы и зарока. Личностная оценка возникает в процессе произнесения и создается стандартными языковыми средствами, такими, как лексико-синтаксические интенсификаторы воздействия (убеждения) и перформативная формула.

Так, в контекстах микрополя “обещание-зарок” отмечаются такие наречия времени, как *nie* ‘никогда’, *niemals* ‘никогда’ (33%) напр.: «*Nie wieder werd ich mich baden*», *schwor ich* [11, с. 13]. Обещание-зарок характеризуется высокой степенью эмоциональности и категоричности.

Именно поэтому используются отрицания, которые помогают усилить воздействие на адресата, акцентируя его внимание на качественном или временном факторе и на процессе выполнения обещания (т.е. того, что говорящий решительно обещает не выполнять). В некоторых контекстах различные формы отрицания для усиления дублируют друг друга: «*Das werd ich **nie und nimmer erlauben***» [3, с. 89]. С отрицанием в 17% используются наречие *mehr* ‘уже не, больше не, более не’ (в 39%) и частица *doch* ‘ведь, же, уж’. Ее довольно частотное использование обусловлено стремлением говорящего убедить собеседника в чём-либо, частица *doch* при этом выполняет усилительную функцию, т.е. говорящий пытается увеличить свое воздействие на слушающего, напр.: «*Ich kann es ja lassen*», *sagte er*, «*ich werde euch **nichts mehr** erzählen, wenn ihr mir **doch** nicht traut...*» [9, с. 59]; «*Wir werden hier **doch** nicht bis zum Abend sitzen*», *rief er schließlich und sprang vor* [9, с. 245]. Перформативные глаголы отмечены лишь в 5,6%. В контекстах, относящихся к микрополю «обещание-зарок», указание на время используется редко, поэтому футуральный презенс не типичен для данного микрополя. Будущее время встречается в нём более чем в 3 раза чаще, чем настоящее (22%).

Обещание-клятва (бытовая клятва) сопровождается изредка – в 0,1 выборки, указанием на моментальное выполнение при помощи темпорального наречия *jetzt* ‘теперь’, напр.: «*Du musst gewinnen*», *sagt sie*. – «*Das werde ich. Für uns beide werde ich **jetzt** gewinnen*», *verspreche ich* [3, с. 125]. В микрополе “обещание-клятва” в 1/3 случаев отмечается глагол *schwören* ‘клясться’, напр.: «*Ich **schwöre** es. Bei meinem Leben*» [3, с. 134], спорадически используется и перформативный глагол *versprechen* ‘обещать’. В контекстах данного микрополя зафиксированы существительные с концептами *Leben* ‘жизнь’, *Familie* ‘семья’, *Kinder* ‘дети’, *Heimat* ‘родина’, напр.: «*Ach, ihr meine Guten! Mein **Leben** geb' ich her für eure Liedchen, für eure süßen goldenen Waben!*» [9, с. 110]. Нужно также отметить, что с точки зрения синтаксической структуры большинство контекстов в данном микрополе являются простыми (78%). Настоящее и будущее времена отмечены в 44%. Устойчивые выражения (11%) не типичны для предложений микрополя “обещание – клятва”, напр.: «*Mein großes **Ehrenwort***», *sagte Emil* [13, с. 26].

Несмотря на достаточно четкое выделение языковых средств, участвующих в оформлении различных микрополей обещания, соотнесение носителями языка письменных контекстов с определенными микрополями сопряжено с некоторой сложностью. Так, испытуемым, 5 носителям немецкого языка, было предложено соотнести письменные фразы с одним из предложенных

интенциональных типов обещания, а именно, с собственно обещанием, клятвой, прогнозом, заверением и обязательством. Кроме того, информантов попросили указать маркер, на который они ориентировались в письменном тексте при отнесении фраз к соответствующему интенциональному типу. Эксперимент показал, что речевой акт обещание (без уточнения интенции) в изъятом из контекста высказывании определяется лишь в 3/4 случаев.

Наиболее четко идентифицируется, почти в половине случаев, обещание-заверение/гарантия. Вероятно, потому, что данная сема входит в иллокутивную цель всех промиссивов – принятие говорящим искреннего обязательства совершать или не совершать определенное действие в интересах адресата, в его пользу. Обещание-гарантия имеет место тогда, когда говорящий несёт ответственность за выполнение действия самостоятельно. Именно этот аспект очень сложно определить в отсутствии широкого контекста или речевой ситуации. Информанты отмечали, что при опознании данной интенции они ориентировались либо на будущее время в предложении, либо на наличие модального слова *bestimmt* ‘определённо’.

Обещание-клятва, идентифицированное почти в 1/5 случаев, определялась информантами стилистическим наполнением текста («*Wenn seine Schädeldecke eines Tages zu dünn werden sollte, häkle ich ihm eine neue*») [14, с. 238].

Наименее четко, лишь в 12%, идентифицируется интенциональный смысл – обязательство, что, очевидно, связано со схожестью семантик данных понятий. Обещание-прогноз опознаётся информантами почти в 20%, так в предложениях присутствует указание на развитие или исход событий. В основном будущее время и союз *wenn* ‘когда, если’ помогают идентифицировать контексты как обещание-прогноз.

Логично предположить, что исследуемые промиссивные микрополя отличаются не только внутренней структурой, лексико-грамматическими средствами, но и просодическим оформлением. Поэтому для описания их просодической организации и был проведён фонетический эксперимент. В качестве экспериментального материала для проведения фонетического анализа были отобраны 20 фраз, изъятых из диалогов, относящихся к стилю обиходно-бытовой речи немецкого языка и уже соотнесенных с исследуемыми ситуациями интенции обещания, а именно с 5 микрополями: гарантия, зарок, клятва, прогноз и обязательство. Для каждого из микрополей была использована фраза с одинаковым вербальным наполнением, но погруженная в разные речевые ситуации, из которых выводился ее интенциональный смысл. Экспериментальные контексты были записаны на цифровой носитель 3 испытуемыми. В роли испытуемых выступили носители языка, постоянно проживающие на территории Германии. Экспериментальные диалоги при записи были

предоставлены испытуемым в случайном порядке. После предварительного ознакомления с микротекстами испытуемым было предложено естественно прочесть их перед микрофоном. Полученные реализации экспериментальных диалогов составили эмпирическую базу для анализа просодических средств, участвующих в выражении речевых актов обещания. Данный материал был подвергнут аудитивному анализу, задачами которого стало: определение воспринимаемых просодических характеристик экспериментальных фраз: определение ритмической организации фраз (распределение фразовых ударений), характеристик интенсивности звучания, темпоральных и мелодических особенностей (характер движения мелодии на главноударном слоге), отличающих интенциональные смыслы обещания. Количество предъявлений материала при этом не ограничивалось.

Так, анализ показал, что фразы всех прагматических типов обещания звучат некатегорично. На просодическом уровне это проявляется в терминальной реализации фраз с обещанием, но с неполным достижением тоном нижней границы шкалы. Особенно четко это воспринимается в микрополе обещание-прогноз, что, очевидно, связано с тем, что в семантику данной интенции входит модальный компонент – предположение. С другой стороны, мелодическое завершение обещания-зарока имеет усиленное терминальное направление для того, чтобы контрастивно выделить то, что говорящий обещает не выполнять.

Движение мелодии на главноударном слоге имеет во всех микрополях сложную восходяще-нисходящую конфигурацию. В данных фразах воспринимается большая скорость подъёма и падения мелодики. Однако во фразах с обещанием-зароком конфигурация тональных изменений на ядерном слоге, как правило, крутая. При этом в обещаниях-гарантиях и обязательствах, которые достаточно близки по интенциональному наполнению, отмечается достаточно плавное изменение тона. Неожиданным явилось то, что при реализации обещания-клятвы изменения на главноударном слоге носят ровный характер.

Восприятие длительности и корреляция данного перцептивного параметра с акустическими (темпоральными) характеристиками главноударного слога выявило различия в оформлении различных типов обещания. Так, обещание-прогноз характеризуется наибольшей длительностью ядерного слога среди всех микрополей. Наименьшей длительностью характеризуется обещание-гарантия, что, видимо, связано с внутренней структурой данных интенций.

Средняя длительность произнесения фраз в различных

микрополях обещания существенно не отличается. Так, фразы из микрополей обещание-гарантия, обещание-зарок произносятся в среднем со скоростью 6,4 и 6,5 сл./сек, прогноз реализуется с чуть меньшим темпом – 6,25 сл./сек, а клятва и обязательство с еще меньшим – 6,08 и 6,05. При этом лишь фразы с интенцией обещания-обязательства характеризуются несколько бóльшим коэффициентом вариации по сравнению с остальными микрополями (ср.: 12% к 7%).

Аудиторы отмечают, что ударный слог в обещании-зароке и клятве более интенсивный и расположен на более высоком уровне, вследствие чего фраза реализуется с большим интервалом падения тона, этим достигается контраст акцента. Другие ударные слоги, которые в нейтральной речи воспринимаются как мелодически немаркированные, в данных фразах становятся различимыми, напр.: *Und Sie finden einen 'großen' "Vorteil darin*, что подчеркивается еще и дополнительным удлинением долгих гласных.

Прагматически маркированным оказался также такой просодический параметр, как длительность затакта. Так, наименьшими усредненными показателями характеризуются фразы микрополя гарантия и обязательство (0,2–0,21 сек), наибольшие усредненные показатели выявлены для зарока и прогноза (0,44 сек). Резкое понижение высоты тона и динамика произнесения в затакте обусловлены в обещании-зароке его эмоциональностью и категоричностью. В обещание-прогнозе говорящий акцентно маркирует либо условие, при котором обещание будет выполнимо, либо темпоральное указание.

Таким образом, в центре макрополя «собственно обещания» находятся такие микрополя, как «обещание-гарантия-заверение-ручательство», «обещание-прогноз» и «обязательство», а на периферии размещаются микрополя «обещание-зарок» и «обещание-клятва». Каждое микрополе характеризуется своим лексико-грамматическим и стилистическим наполнением.

Самыми частотными средствами в микрополе обещание-гарантия являются модальные слова, содержащие убежденность, перформативный глагол *versprechen* ‘обещать’, временные наречия такие, как *bald* ‘скоро’, *gleich* ‘сейчас’, *heute* ‘сегодня’, которые указывают адресату на то, что говорящий выполнит обещание в самом ближайшем будущем.

Для микрополя обещание-обязательство характерно использование перформативных глаголов *versprechen* ‘обещать’, *versichern* ‘уверять’, а также модальных слов *natürlich* ‘конечно’, *bestimmt* ‘определенно’, наречий времени – *morgen* ‘завтра’, *sofort* ‘немедленно’, *rechtzeitig* ‘своевременно’, которые указывают на то, что обещание будет выполнено в ближайшем будущем, сразу же.

В микрополе «обещание-прогноз» часто встречаются сложные предложения с придаточными времени и условия, а также наречия времени (частотными оказались следующие наречия – *wieder* ‘снова’, *morgen*

‘завтра’). Их отличие от темпоральных наречий, которые встречаются в других микрополях, заключается в том, что данные наречия также указывают на время выполнения обещания, но его реализация возможна только при исполнении или наличии определённого условия.

В микрополе «обещание-клятва» часто используется глагол *schwören* ‘клясться’, а перформативный глагол *versprechen* ‘обещать’ используется лишь спорадически. В примерах данного микрополя упоминаются также существительные с концептами *Leben* ‘жизнь’, *Familie* ‘семья’, *Kinder* ‘дети’ и др., и большинство предложений в данном микрополе по синтаксической структуре являются простыми.

Характерным для микрополя «обещание – зарок» является использование отрицания, с которым встречается наречие *mehr* – уже не, больше не, более не и частица *doch* ‘ведь, же, уж’.

Что касается временных форм, то в микрополях «обещание-зарок», «обещание-гарантия», «обещание-обязательство» будущее время преобладает над настоящим. В микрополе «обещание-прогноз» футуральный презенс используется чаще, чем будущее время.

Как показал проведённый эксперимент по опознанию письменных контекстов с промиссивами, их выявление достаточно сложно. Перформативная формула, будучи нечастотной, не всегда позволяет четко идентифицировать интенциональный тип, так как семантика понятий собственно обещания, клятвы, прогноза, заверения и обязательства очень схожа. Однозначным маркером может служить будущее время и модальное слово *bestimmt* ‘определённо’.

Идентифицировать семантику интенций обещания в устной речи помогают воспринимаемые просодические характеристики, выступая для надежной дифференциации в комплексе. К ним относятся: направление движения мелодии в завершении, изменение движения мелодии на главноударном слоге, интенсивность звучания, темп.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Серль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль, Б.Ю. Городецкий // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17 : Теория речевых актов : сб. научн. ст. – М., 1986. – С. 170–194.
2. Филимонова, Е.В. Прототипическая картина класса комиссивов : на материале английского и русского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 01.04.2003 / Е.В. Филимонова. – Уфа, 2004. – 24 с.
3. Collins, S. Die Tribute von Panem. Flammender Zorn / S. Collins. – Hamburg : Oetinger Verlag, 2011. – 206 s.

4. Collins, S. Die Tribute von Panem. Tödliche Spiele / S. Collins. – Hamburg : Oetinger Verlag, 2009. – 200 s.
5. Kästner, E. Drei Männer im Schnee / E. Kästner. – Hamburg : Cecilie Dressler Verlag, 1998. – 99 s.
6. Collins, S. Die Tribute von Panem. Gefährliche Liebe / S. Collins. – Hamburg : Oetinger Verlag, 2010. – 253 s.
7. Галлямова, Н.Ш. Речевой акт «обещание, клятва» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический, функционально–прагматический аспекты / Н.Ш. Галлямова // Язык и культура. – 2010. – № 3 – С. 16–32.
8. Толковый словарь. [Electronic resource]. Режим доступа : <http://tolslovar.ru>. – Дата доступа : 23.09.2013.
9. Ananjan, W. Am Ufer des Sewan / W. Ananjan. – Zürich : Altrium Verlag, 1988. – 281 s.
10. Dahl, R. Der Zauberfinger / R. Dahl. – Zürich : Altrium Verlag, 1997. – 17 s.
11. Dahl, R. Hexen hexen / R. Dahl. – Zürich : Altrium Verlag, 1994. – 108 s.
12. Pressler, M. Bitterschokolade / M. Pressler. – Weinheim und Basel : Batz Verlag, 1980. – 174 s.
13. Kästner, E. Emil und Detektive / E. Kästner. – Hamburg : Cecilie Dressler Verlag, 1994. – 137 s.
14. Kästner, E. Der kleine Mann und der kleine Miss / E. Kästner. – Wien : Buchgemeinschaft Donauland, 1949. – 255 s.

Т. Н. Галецкая¹, М. А. Костюкевич²

¹кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и МПИЯ МГПУ им. И.П.Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь)

²студентка 5 курса филологического факультета МГПУ им. И.П.Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь)

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ГАЛЛИЦИЗМОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Лингвистическая прагматика продолжает оставаться одним из наиболее перспективных направлений современного языкознания [1, с. 3]. Прагматика изучает «использование языка в коммуникативном процессе» [2, с. 42]. Говорение неразрывно связано с личностью, проявления которой в речи всегда индивидуальны, как и она сама [3, с. 13]. Прагматика начинается там, где у говорящего есть выбор сказать так или иначе. В прагматических целях он использует то или иное языковое средство для более эффективного воздействия на адресата. Как правило, говорящий субъект всегда рассчитывает на достижение определённого прагматического эффекта, т. е. дополнительного смысла, касающегося его самого и того, к кому он обращается. В данной статье речь пойдёт о том, какие дополнительные смыслы говорящий вкладывает в свою речь, используя лексику, заимствованную из французского языка. Вначале обратимся к вопросу о лингвистических причинах заимствования.

Лингвистическими причинами функционирования заимствованной лексики в принявшем её языке традиционно считаются следующие [4, с. 131–132]:

– дополнение, расширение семантической системы заимствующего языка, если в ней имеются какие-либо «пробелы» (Lücken), «пустоты» (Leerstellen). Так, лексико-семантическая группа немецких обозначений цвета в своё время была расширена и дифференцирована благодаря французским заимствованиям (*lila, beige, orange, violett, azurn, cognac* и др.). Лексико-семантическая группа «одежда» была дополнена и уточнена галлицизмами „*Garderobe*“ (gesamte Oberbekleidung) – франц. *garde-robe*, „*Toilette*“ (Damenkleidung, besonders für festliche Anlässe) – франц. *toilette*, „*Kostüm*“ (weiblicher Anzug) – франц. *costume*;

– необходимость в постоянном обновлении экспрессивной лексики (в том числе за счёт синонимов из других языков), поскольку в процессе функционирования экспрессивная лексика быстро «блекнет», утрачивает свою выразительность. Так, из французского языка в немецкий пришли и стали успешно использоваться следующие слова – *Fete* (франц. *fête*) вместо нем. *Fest, Präferenz* (франц. *préférence*) вместо нем. *Vorliebe*, *Faible* (франц. *faible*) вместо нем. *Schwäche / Vorliebe*, *charmant* (франц. *charmant*) вместо нем. *anziehend*, *miserabel* (франц. *misérable*) вместо нем. *sehr schlecht*, *Maleur* (франц. *malheur*) вместо нем. *Unglück / Unfall* и т. д.;

– заимствования покрывают необходимость в эвфемистической лексике. За счёт того, что заимствования для большинства носителей языка являются семантически немотивированными, они выполняют в коммуникации двойную функцию. С одной стороны, они являются более дипломатичными, семантически завуалированными языковыми средствами, с другой – более благозвучными и вежливыми в плане выражения коммуникативными единицами, чем соответствующие единицы в заимствующем языке. Так, один из героев Т. Фонтане (alter Stechlin) говорит, что он не любит заимствованные слова, но иногда они просто благословение – „Wenn ich so zwischen *Wassersucht* und *Hydropsie* die Wahl habe, bin ich immer für *Hydropsie*. *Wassersucht* hat so was kolossal Anschauliches“ [5, с. 105]. Благоприятное воздействие заимствованного слова на больного человека („Das fremde Wortkleid wird von Vielen nicht verstanden“) проявляется в том, что оно оказывает «анестезирующее», притупляющее действие, т.е. маскирует серьёзность ситуации (напр., *Tumor* вместо *Geschwür*). В этой связи Л.Макензен называет их „semantische Gespenster“ [5, с. 85].

Кроме того заимствования (в данном случае галлицизмы) расширяют словарь специальной терминологической лексики (например, в области косметики, гастрономии, медицины); делают речь более лаконичной и краткой (*Branche* – *Geschäftszweig*, *Lampion* – *Papierlaterne*, *Brosche* – *Anstecknadel*, *Lupe* – *Vergrößerungsglas*, *Kosmetik* – *Schönheitspflege*); позволяют говорящему, который не может или не хочет высказаться точнее, выражаться неопределённо (часто такой приём используется в политике для манипулирования аудиторией), либо заимствования могут

быть использованы в качестве «языкового барьера» против тех, кого намеренно хотят исключить из общения определенного круга людей. В немецких салонах XVIII в. модной считалась языковая игра (*spielerisches Sprechen*), в которой галлицизм отводилась роль так называемых «драгоценных камней» (*Edelsteine*) – „*Wer im Salon eine Rolle spielen wollte, musste die Kunst des Gespräches beherrschen. In ihr ließ sich mit dem Fremdwort dies oder das andeuten, was der Partner nicht nur schnell verstehen, sondern auch möglichst wiederum in geistreich andeutendem Halbverstecken erwidern musste*“ [5, с. 47–48]. В XIX в. модными в немецких салонах были галлицизмы – *Allüren, Amusement, goutieren, charmieren, exaltiert, graziös, pompös, kapriziös* и др.). Что касается функции заимствований в рекламе, то Л.Макензен отводит последним роль так называемых „*Zauberwörter des Verkaufs*“: „*Dem Käufer schmeichelt es mehr, Besitzer eines Pyjamas als eines Schlafanzuges zu werden, am Kiosk ein Souvenir zu erwerben als ein simples Andenken und wer Schmerzen hat, fühlt sich durch ein Medikament eher getröstet als durch eine Arznei*“ [5, с. 96].

Таким образом, причинами заимствований являются не только семантические, но и прагматические факторы, неразрывно связанные друг с другом. Прагматическая картина функционирования заимствований (в частности, галлицизмов) в немецком языке очень интересна и разнообразна, но пока недостаточно широко описана в лингвистике. На основе контекстов, отобранных из произведений современной художественной литературы на немецком языке, нами выявлены некоторые наиболее распространённые прагматические причины использования галлицизмов.

1. *Желание говорящего подчеркнуть свое превосходство над адресатом, стремление блеснуть высоким уровнем образованности, повысить свой социальный статус или статус адресата.*

Французский язык всегда считался благородным, особенно в высшем свете, где его использовали, чтобы подчеркнуть своё привилегированное положение. В своё время Фридрих I говорил: «По-немецки я разговариваю только со своим конюхом» [4, с. 129], принижая тем самым достоинства немецкого языка перед французским. Использование галлицизмов в этой прагматической функции до сих пор актуально для немецкого языка. С их помощью говорящий создаёт вокруг себя своеобразную интеллектуальную ауру, акцентируя свою образованность и привлекая к своей речи внимание окружающих, чем, однако, может вызвать у них негативную реакцию.

Например:

„Wenn jemand von Ihnen in Versuchung geraten wäre, wegzulaufen oder nach einer Waffe zu greifen, hätte man Sie erschossen. Und diese peinliche *Eventualität* wollten wir Ihnen ersparen.“

„Peinliche *Eventualität*?“ murmelte Pryce zu Considine gewandt. „Jetzt gibt er wieder mit seiner Harvardbildung an.“

„Bockmist“, flüsterte Considine [6, S. 704].

Оба адресата (Pryce и Considine) про себя возмущаются напыщенностью речи собеседника – „*Jetzt gibt er wieder mit seiner Harvardbildung an*“, „*Bockmist*“.

В некоторых случаях говорящий пытается выдать желаемое за действительное, неоправданно и не к месту вставляя в свою речь заимствованные слова, чтобы создать у окружающих видимость высокой образованности. В отношении таких высокомерных, тщеславных людей в немецком языке с иронией используют «слово» „*Etepetete*“ (от франц. *peut-être*). *Etepetete* (humorvolle Wortkünstelei) означает „*zimperlich, prüde, reinlich ordentlich*“ [7, с. 215], в переносном смысле – „*mehr Schein als Sein*“.

Но если заимствование используется в речи людей одного социального уровня, то оно не является препятствием для адекватного общения. Например:

„*Ich hatte immer das Gefühl, dass Sie irgendwie das Missfallen des – ob ich es wage, den Namen auszusprechen – Hirtenjungen erweckt haben?*“

„*Alles Rauch und Asche, Scofield. Ich wiederhole, völlig ohne Bedeutung. Und das ist nichts als ein Nom de Guerre für jemanden, der schon längst tot und vergessen ist*“.

„*Nom de Guerre?* Das ist so was wie ein Spitzname, oder?“

„*Sie sind nicht ungebildet. Der Hirtenjunge ... in manchen Teilen jener Welt, in der Sie sich bewegen, jener Welt der ewigen Nacht, ist er eine Legende, die Jahrzehnte zurückreicht*“ [6, S. 94].

Французское выражение „*Nom de Guerre*“ имеет следующие значения – псевдоним, прозвище, кличка (Deck-, Künstler-, auch Spottname). В данном контексте видно, что оба собеседника являются достойными друг друга в плане образованности коммуникативными партнёрами. С помощью переспроса „*Nom de Guerre?*“ и вопроса-уточнения „*Das ist so was wie ein Spitzname, oder?*“ адресат даёт понять говорящему, что он его понимает, несмотря на включение им в речь иноязычного слова, использованного, скорее всего, в эвфемистической функции, чтобы искусственно создать некую неопределённость вокруг человека, о котором они говорят. Но говорящий оценил компетентность адресата, о чём свидетельствует его реакция – *Sie sind nicht ungebildet*.

С помощью галлицизмов говорящий может добиться и такого прагматического эффекта, как повышение социального статуса адресата, напр.:

„*Der Krieg befähigt die Menschen, ihr ureigenes Wesen auszuleben: Die Sadisten werden zu Folterknechten, die Psychopathen entpuppen sich als tapfere Frontkämpfer, die Menschenhinder und die Opfer – alle bekommen die Chance, ihre Rollen bis zur Neige auszuschöpfen. Und Huren sind permanent im Geschäft*“.

„*Ein klares Wort, was meine Rolle betrifft*“, erwiderte Stephanie erbst.

Er streichelte ihre weiche Wange und berührte ihre Lippen mit der Spitze seines Zeigefingers. „*Du bist eine Kurtisane – und eine sehr gute dazu*“.

Sie wandte den Kopf ab [8, S. 90].

Ситуация происходит во время оккупации Парижа немцами. Немецкий офицер в присутствии своей любовницы (парижанки), рассуждая о том, что война делает с людьми, неосторожно использует слово „*Hure*“ (Prostituierte – abwertend, oft Schimpfwort [9]), которое она воспринимает на свой счёт и реагирует очень негативно – „*Ein klares Wort, was meine Rolle betrifft*“, erwiderte Stephanie erbost. В этой неловкой ситуации говорящий проявляет прагматическую находчивость, используя галлицизм *Kurtisane* ([adlige] Geliebte eines Fürsten [9]) как комплимент в адрес женщины, которую он любит.

Однако заимствованные слова могут быть коварны, если говорящий не совсем точно воспринимает их смысл или стилистические оттенки их значений. Это именно тот случай, когда говорят: „Fremdwörter sind Glückssache“ („scherzhafter Trostspruch, wenn einer Fremdwörter falsch anwendet oder falsch ausspricht“) [7, с. 254]. Напр.:

„Na schön. Dann werde ich ihn ja beim Abendessen in der Messe sehen“.

Teague lächelte wieder und sah auf die Uhr. „Nun, ich bin nicht sicher, ob Sie in der Messe von Torridon *dinieren* wollen.“

„Man *diniert* nicht in der Messe, Alec. Man *isst*“ [10, S. 144].

Реакция адресата однозначно даёт понять говорящему, что глагол *dinieren* в данной ситуации не уместен, так как используется обычно в отношении торжественного застолья, более приемлемым является нейтральный в стилистическом плане глагол *essen*.

Иногда недостаток общей (в том числе и лингвистической) образованности говорящего может привести к коммуникативной ошибке, из-за которой последний рискует попасть в неловкое положение. Так, в следующей ситуации, когда мать в беседе со своими дочерьми упоминает о предстоящем ужине с одной из своих знакомых, одна из девочек вместо известной фамилии – мадам Тюссо (основательницы музея восковых фигур) использует по ошибке слово французского происхождения *trousseau* (приданое):

„Ich werde auf gar keinen Fall mit Tracey Azinger zu Abend essen“, höhnte Ariel. „Sie sieht aus wie eine dieser Wachfiguren von Madame *Troussau's*.“

„*Tussaud*“, verbesserte Susan sie.

„Was?“

„*Tussaud*, nicht *trousseau*. *Trousseau* bedeutet Aussteuer.“

„Ich weiß, was *trousseau* bedeutet“, schoss Ariel mit knallroten Wangen zurück [11, S. 332].

Мать исправляет коммуникативную ошибку Ариель – „*Tussaud*, nicht *trousseau*. *Trousseau* bedeutet Aussteuer.“ О смущении девочки свидетельствует её реакция – „Ich weiß, was *trousseau* bedeutet“, schoss Ariel mit knallroten Wangen zurück.

В продолжение данного контекста вторая дочь, чтобы разрядить неловкую ситуацию, задает матери вопрос, в котором умышленно использует вместо слова «приданое» (*trousseau*) фамилию *Tussaud* с

прагматической целью – намекнуть на только что допущенную её сестрой коммуникативную ошибку:

„Geht Barbara immer noch mit diesem Typen aus?“, unterbrach Whitney sie.

„Howard Kerble“, sagte Susan, dankbar für die Intervention ihrer Tochter.

„Ja“

„Meinst du, dass sie heiraten?“

„Vielleicht“

„Dann könnten sie eine *Tussaud* gebrauchen“, meinte Whitney trocken.

Susan lachte [11, S. 332].

Мать смеется, радуясь находчивости девочки („Dann könnten sie eine *Tussaud* gebrauchen“, meinte Whitney trocken), явно обладающей чувством юмора и умеющей использовать его в прагматических целях.

2. Следующей прагматической причиной использования в речи галлицизмов является то, что *заимствование в какой-то степени становится модным словом и обеспечивает более современный имидж человеку, использующему его в своей речи*. Продемонстрируем это на примере немецкого слова *Techtelmechtel*, дословно обозначающего «шурь-мурь», и соответствующих галлицизмов *Affäre* (*avoir à faire*) и *Liaison* (*liaison*):

„Ich habe seit sechs Stunden nichts anderes getan, als mich um Ihre Angelegenheiten zu kümmern. Und irgendwann sollten Sie das besser meiner Frau erklären, sonst denkt sie noch, ich hätte ein heimliches *Techtelmechtel*.“

„*Wer schon altmodisch genug ist, um das Wort Techtelmechtel zu benutzen, ist automatisch frei von jedem Verdacht*“ [12, S. 111].

Реакция адресата на использованное говорящим слово *Techtelmechtel* однозначна – он считает последнее несовременным, старомодным. Скорее всего, в данном контексте более актуальным было бы слово *Affäre* (*avoir à faire*) или *Liaison* (*liaison*). Например:

„Wir kennen uns schon seit Jahren, aber mein Assistent ist er erst seit ein paar Monaten. Eines Tages hat er gesagt, er würde sich gern als mein persönlicher Assistent einteilen lassen, wenn mir das Recht sei, und ich war natürlich ...“

„War das vor oder nach Beginn deiner *Liaison* mit Rudolf von Schlüssler?“

„Hmmm, ja, kurz danach, aber ...“ [13, S. 469–470].

Галлицизм *Liaison* (связь) звучит не так старомодно и фамильярно как, *Techtelmechtel* (шурь-мурь), и не имеет отрицательной коннотации возможного в этой ситуации слова *Affäre* (афёра).

3. Следующая прагматическая причина функционирования заимствований в речи – *они более практичны в использовании, так как часто являются более емкими по содержанию, включая в себя целый спектр значений, и потому уже по природе своей они прагматичны*.

Проиллюстрируем это с помощью галлицизма *Engagement*: „Jede Lebensgeschichte steht für sich – und trägt zugleich ihren Teil zu dem bei, was

unser Land im Kern ausmacht: Leistungsbereitschaft, *Engagement*, Zusammenhalt“ [14]. В данном контексте, в слове „*Engagement*“ объединены самые разные значения – *Aktivität, Anstrengung, Anteilnahme, Beteiligung, Bindung, Eifer, Einsatz, Energie, Hingabe, Kraftanstrengung, Mitwirkung, Verbundenheit, Verpflichtung, Arbeit* и др. [9]. В переводе с французского языка *Engagement* может означать *добровольное обязательство, зачисление на службу, наём, ангажемент, добровольное поступление на военную службу, введение в бой, схватка (стычка), вложение капитала, помолвка, начало игры, начало родов* [15, с. 330–331]. В немецком языке значение галлицизма *Engagement* может быть передано следующими выражениями – *persönlicher Einsatz aus weltanschaulicher Verbundenheit, Gefühl des Verpflichtenseins zu etwas, militärische (geschäftliche, berufliche) Bindung, Verpflichtung, Einstellung eines Künstlers, eines Artisten* [9]. Тем самым с помощью галлицизма *Engagement* можно короче, компактнее выразить мысль.

Заимствования более экономичны в использовании, т.е. они *способствуют достижению языковой экономии*. Так, слово „*Etat*“ обозначает в немецком языке „*Staatshaushalt*“, „*Staatshaushaltsplan*“, „*Finanzplan*“ („*Etat für 2015 beschlossen*“). В значении галлицизма „*Etat*“ объединяются два значения французского синонима – 1. (*Etat*) государство и 5. (*Etat*) состояние, положение [15, с. 354].

4. Следующая прагматическая причина функционирования заимствований – *часто они более эстетичны в использовании, чем их синонимы в немецком языке*.

Например, галлицизмы „*Bidet*“ (*längliches, niedriges Waschbecken für Spülungen und Waschungen*), „*Pissoir*“ (*öffentliche Toilette für Männer*), „*Toilette*“ (*kleiner Raum mit einem Toilettenbecken und Waschgelegenheit*) более благозвучны, чем немецкие слова „*Klo*“, „*Abort*“ или устаревшее слово *Klosett* (в настоящее время самыми распространёнными в использовании вариантами являются „*Toilette*“ „*WC*“).

Кроме того, что отдельные галлицизмы благозвучнее, эстетичнее своих немецких синонимов, они еще подчеркивают дополнительные прагматические нюансы. В следующем контексте говорящий в ответ на достаточно грубое, оскорбительное слово „*Herumbumserei*“ в адрес его интимных отношений с женщинами, намеренно использует вместо него в своём ответе более приличное и благозвучное словосочетание с галлицизмом „*amouröse Abenteuer*“:

„Dies hat nichts mit ... mit dem zu tun, was man wohl Ihre **Herumbumserei** nennen könnte, Mr Metcalfe. Glauben Sie mir ...“

„Nennen Sie's wie Sie es wollen, aber wenn eine Russin in Moskau sich mit einem Ausländer einlässt, der wie ich aus einem kapitalistischen Land kommt, liegt das gesamte Risiko bei ihr. Das wissen Sie, und ich weiß es auch. Ich rede nie über *amouröse Abenteuer*, Sir, und tue alles, um den Ruf der jeweiligen Frau zu schützen“ [13, S. 325].

В следующей ситуации галлицизм „Avance“ (вместо „sexuelle Belästigung“) используется с той же прагматической функцией:

„Wer wohnt hier?“

„Eine Tänzerin. Eine ehemalige Tänzerin, müsste ich sagen. Sie hat **die Avancen** unseres Choreografen zurückgewiesen, deshalb arbeitet sie jetzt als Putzfrau bei TASS, wo auch ihre Mutter arbeitet. Mascha kann von Glück sagen, dass sie überhaupt Arbeit hat“ [13, S. 307].

5. Галлицизмы могут быть использованы в эфемистической функции, чтобы сгладить, смягчить выражение (если по-немецки оно звучит грубо или слишком прямолинейно), избежать неприятных ассоциаций, не называть вещи своими именами.

Приведём пример с галлицизмом „Portemonnaie“ из словаря современной разговорной речи – „Mach das **Portemonnaie** zu, ich zahle“ [7, с. 623]. В данном случае галлицизм используется иронично как намёк на то, что мужчина забыл застегнуть важный аксессуар своего гардероба (*Hosenlatz, Hosenschlitz*) и, тем самым, оказался в неудобной ситуации.

6. Галлицизмы могут выразить различные оттенки иронии.

В следующей ситуации мужчина подтрунивает над женщиной, которая ему нравится:

Kendrick schüttelte vorsichtig den Kopf und versuchte das Telefon fest ins Auge zu fassen. „Ich weiß die Nummer nicht.“

„Hier ist sie.“ Kalaila nahm einen Zettel aus der Tasche ihrer Fliegerjacke und las ihm die Nummer vor: „Fünfeunfneuneins.“

„Vielen Dank, **Madame Sekretärin**“ [16, S. 267].

В ироничном обращении к собеседнице „*Madame Sekretärin*“ присутствует явный оттенок симпатии.

Так называемая ироничная «перестрелка» галлицизмами имеет место и в следующем контексте, где давние друзья по-доброму подсмеиваются (spötteln) друг над другом:

„Außerdem gefallen mir die Gesellschaft, die Ware und die Dienstleistungen“.

„Jeder nach seiner **Fasson**“, brummte Kott.

„Wie **tolerant** und **egalitär** von dir, Jasper“, spöttelte McDermid [17, S. 271].

В следующем примере, в отличие от предыдущего, ирония от использования галлицизма приобретает несколько уничижительный характер. Американский президент, готовясь к неприятной встрече с китайским дипломатом (миссия последнего – передать ноту протеста), заочно называет его „seine **Exzellenz**“:

„Seufzend knöpfte der Präsident schließlich seine Anzugsjacke auf und zog sich die Hose hoch. „Na schön, dann wollen wir mal mit Seiner **Exzellenz** reden.“

Er rieb die Hände aneinander „Auf in den Kampf“ [17, S. 295].

В следующем контексте к иронии примешивается явное пренебрежение (*eine Mischung aus Ironie und Verachtung*), выраженное с помощью французского выражения „*Die Crème de la Crème brûlée*“:

„Die Ehrengarde stellte die Elite der ARA dar – typischerweise alles Männer mit Verwandten auf wichtigen Positionen, Karrieretypen mit guten Manieren, exzellenter Hygiene und der Fähigkeit, die Bügelfalten in ihren sauber geplätteten Uniformen zu schonen. *Die Crème de la Crème brûlée*, sinnierte der Kalif in *einer Mischung aus Ironie und Verachtung*. Schauspieler waren das, keine Krieger“ [18, S. 16–17].

Выражение *Crème de la Crème* обозначает во французском языке в переносном значении «сливки общества, лучшие из людей». Но противоречивое сочетание выражения *Crème de la Crème* со словом *brûlée* (крем-брюле) придаёт высказыванию о высокопоставленных военных чинах презрительный, уничижительный оттенок.

Прагматический контраст очевиден также в использовании галлицизма „*Kuriosität*“ в следующей ситуации:

„Machen Sie mir das Vergnügen, heute Abend mit mir zu essen“, schlug Gerlach vor. „Ich muss Sie allerdings warnen – heute ist Eintopfstag. Das bedeutet leider, dass alle Restaurants, sogar das Horcher, das beste Feinschmeckerlokal Berlins, einen grässlichen Eintopf *servieren*. Aber wenn Sie bereit sind, diese kulinarische *Kuriosität* zu würdigen ...“, [13, S. 508].

Прямое значение галлицизма „*Kuriosität*“ – достопримечательность (etwas, was merkwürdig ist, vom Üblichen, Normalen abweicht, und deswegen Aufsehen erregt) [9]. Говорящий иронизирует, намекая на «достопримечательность» (*Kuriosität*) блюда (Eintopf) плохого качества (действие происходит в Берлине во время войны). Говорящий использует иронию контрастов – das beste Feinschmeckerlokal Berlins и ein grässlicher Eintopf, ein grässlicher Eintopf и servieren.

В следующем контексте, в котором представлен разговор между американским агентом (Smith), засланным в Китай, и уйгуром (Mahmout), получившем образование в Америке, явно прослеживается ирония с обеих сторон. Оба собеседника (американец и уйгур) ухмыляются (Mahmout grinste verschmitzt. Nun war es an Smith, zu grinsen). Причём именно уйгур с иронией использует в своей речи галлицизмы, чтобы подчеркнуть то, что он получил хорошее образование:

Mahmout nahm einen weiteren Schluck Bier und grinste verschmitzt. „Ach, ihr Amerikaner. Ihr wisst so wenig über eure Welt, so wenig über Geschichte, manchmal leider sogar über ihre eigene. Sympathisch, dynamisch und *borniert* – das sind die Amerikaner. Gestatten Sie mir, Sie aufzuklären.“

Nun war es an Smith, zu grinsen. Er nahm einen Schluck Bier. „Ich bin ganz Ohr, wie man bei uns so schön sagt“.

„Wie *nobel*“. Mit stolzgeschwellter Brust fuhr Mahmout fort [17, S. 188].

Ещё один пример с самоиронией. Используя галлицизм „*Fassade*“, женщина намекает на своё лицо и намерение сделать пластическую операцию – „Ich werde meine *Fassade* auf jeden Fall renovieren lassen“ [11, S. 31].

7. Галлицизмы достаточно распространены в рекламе, где их прагматическая функция заключается в том, чтобы *ревалъвировать продукт, придать ему эксклюзивность за счёт «оригинальной языковой упаковки»*: „Heiße *Dessous* für kalte Tage“ (реклама нижнего белья); „Eine wahre *Renaissance* für meine Haut“ (реклама омолаживающего крема); „Jeans mit *Glamourfaktor*“ (реклама одежды).

Часто в рекламе прагматически удачно используется игра слов, основанная на схожести произношения или транскрипции французского и немецкого языков. Например, „*Eau* wie schön! 10% Rabatt!“ (реклама летних скидок в бассейне „*Eau-le*“ в г. Лемго, земля Северный Рейн Вестфалия). „*Eau-le*“ представляет собой слово-перевертыш (во французском языке „l' eau“). „*Eau*“ по-французски – «вода», „le“ – определённый артикль мужского рода, но в данной рекламе „le“ соотносится с первыми двумя буквами названия города Lemgo. Прагматически очень удачно выбрано название бассейна „*Eau-le*“, а также привлекает внимание оригинальная игра слов „*Eau*“ и „*Oh*“ в рекламном слогане „*Eau*, wie schön!“ вместо „*Oh*, wie schön!“

Таким образом, исследование отобранных для данной работы контекстов и коммуникативных ситуаций, в которых используются немецкие галлицизмы, позволяет выявить следующие прагматические функции последних:

– стилистическая функция „*Stilfunktion*“ (позволяющая говорящему придать речи эмоциональный оттенок необычности, нетрадиционности, грациозности);

– эвфемистическая функция „*Tarnfunktion*“ (позволяющая избежать негативных, неприятных ассоциаций, которые могут быть вызваны словами родного языка);

– манипулирующая функция „*manipulative Funktion*“ (отвлечь аудиторию от понимания сути проблемы, предоставив ей самой взять на себя ответственность за адекватность понимания смысла, переданного заимствованными словами);

– функция «языковой игры» („*Ver-und Enträtselungskunst*“), позволяющая говорить намёками, рассчитывая на догадку адресата;

– функция языковой экономии „*Sparfunktion*“ (галлицизмы могут короче и точнее выразить мысль);

– функция социальной дифференциации „*Sperrfunktion*“ (с одной стороны, повышение социального статуса говорящего, с другой – коммуникативное дистанцирование собеседника);

– функция привлекательного языкового оформления „*Aufmachungsfunktion*“, «языковой упаковки» в рекламе с целью побудить клиента купить товар).

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Норман, Б.Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): курс лекций / Б.Ю. Норман. – Минск, 2009. – 183 с.
2. Сусов, И.П. Введение в языкознание: учеб. для студентов лингвистических и филологических специальностей / И.П.Сусов. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 379 с.
3. Пассов, Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению: пособие для учителей иностранных языков / Е.И. Пассов. – М.: Просвещение, 1985. – 185 с.
4. Ольшанский, И.Г. Лексикология: современный немецкий язык. – Lexikologie : Die deutsche Gegenwartssprache: учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений / И.Г. Ольшанский, А.Е. Гусева. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 416 с.
5. Mackensen, L. Traktat über Fremdwörter / L. Mackensen. – Tübingen: Meyer Heidelberg. – 1972. – 124 s.
6. Ludlum, R. Das Matarese-Mosaik / R. Ludlum. – München: Wilhelm Heyne Verlag, 1998. – 714 s.
7. Küper, H. Pons-Wörterbuch der deutschen Umgangssprache / H. Küper. – 1. Aufl., 2. Nachdr. – Stuttgart : Klett, 1988. – 959 s.
8. Follett, Kenn. Die Leopardin / K. Follett. – München: Lübbe GmbH & Co.KG, 2002. – 532 s.
9. Duden. Rechtschreibung. Bedeutung. Definition // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.duden.de/rechtschreibung>. – Дата доступа 1.02.2015.
10. Ludlum, R. Das Jesus Papier / R. Ludlum. – München: Verlag GmbH & Co.KG, 1982. – 502 s.
11. Fielding, J. Nur wenn du mich liebst / J. Fielding. – München: Willhelm Goldmann Verlag, 2002. – 509 s.
12. Ludlum, R. Die Scorpio-Illusion / R. Ludlum. – München: Wilhelm Heyne Verlag. – 1994. – 655 s.
13. Ludlum, R. Der Tristan-Betrug / R. Ludlum. – München: Wilhelm Heyne Verlag, 2005. – 615 s.
14. Neujahrsansprache von Bundeskanzlerin Angela Merkel // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bpa.fmsdnl.eviscomedia.com/mpeg4/2013/Die_Kanzlerin_direkt_45_13.m4v. – Дата доступа: 11.01.2014.
15. Ганшина, К.А. Французско-русский словарь: 51 000 слов / К.А. Ганшина. – 11-е изд., стер. – М.: рус. яз., 1990. – 960 с.
16. Ludlum, R. Der Ikarus-Plan / R. Ludlum. – München: Wilhelm Heyne Verlag. – 1988. – 994 s.
17. Ludlum, R. Der Altman-Code / R. Ludlum. – München: Wilhelm Heyne Verlag, 2006. – 701 s.
18. Ludlum, R. Der Janson Befehl / R. Ludlum. – München: Wilhelm Heyne Verlag, 2004. – 930 s.

Н. Н.Федорова¹, Е. И.Врублевская²

¹кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и МПИЯ МГПУ им. И.П.Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь)

²студентка 5 курса филологического факультета МГПУ им. И.П.Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь)

ВОЕННЫЙ ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Характерной чертой истории человечества являются войны. За время существования человеческого общества они эволюционировали от примитивных битв за территорию и ресурсы до борьбы за влияние на сознание противника и общества в целом, т. е. наряду с традиционными формами, появились психологические, или информационные войны, направленные на разрушение психологической структуры личности. Таким образом, война становится предметом изучения не только представителей военной сферы, но и ряда других дисциплин, включая лингвистику, поскольку особое значение приобретают способы освещения военных событий в средствах массовой информации и анализ их особенностей. При проведении исследований в области анализа отражения определенных событий в СМИ лингвистами используется термин дискурс.

Поле исследования и предмет, объединенные общим понятием «дискурс», весьма обширны и включают разнообразные явления, что объясняет отсутствие единства в трактовке данного понятия разными учеными. Энциклопедический словарь дает такое определение: дискурс (от франц. *Discours* – речь) – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах) [1, 136].

Согласно Э. Бенвенисту, дискурс обозначает «любой акт высказывания, который объединяет в своих структурах говорящего и слушающего с желанием первого воздействовать на второго и характеризуется подчеркиванием устанавливаемого в речи отношения к партнеру» [2, 16].

С. Ю. Степанов отмечает, что дискурс есть комплексная единица, состоящая из последовательности предложений, объединенных логическим, смысловым типом связности [3, 71].

Е. С. Кубрякова и О. В. Александрова трактуют дискурс как когнитивный процесс, связанный с созданием речевого произведения, а текст представляется как конечный результат процесса речевой деятельности, имеющий определенную законченную форму [4, 186].

В. И. Карасик понимает под дискурсом текст, погруженный в ситуацию общения, допускающий множество измерений и взаимодополняющих подходов в изучении, в том числе прагмалингвистический, психолингвистический, структурно-лингвистический, лингвокультурный, социолингвистический [5, 5].

Данные определения не дают четкого толкования, чем является дискурс – речью или текстом. Как отмечает В. Б. Кашкин, теория дискурса, как считается, берет свое начало в концепции Э. Бенвениста, разграничивавшего план повествования и план языка, т. е. дискурс рассматривается как способ актуализации языка в речи. Понимание дискурса как актуального речевого образования, в противовес тексту как образованию виртуальному, характерно и для работ Т. ван Дейка, А. А. Кибрика, Л. В. Щербы, Н. Хомского.

Трактовка термина «текст» также неоднозначна. Текстом в лингвистике называют не только письменный/печатный текст, но в широком смысле его трактуют как речь. В более узком смысле текст – это речевое произведение, а в самом узком, традиционном понимании, текст – письменное либо печатное речевое произведение [6, 11–14].

При исследовании дискурса важнейшим является вопрос его типологизации, однако единой типологии дискурса и текста не существует. В зависимости от задач выделяют *структурные* и *содержательные* типы дискурса и текста. К основным свойствам дискурса/текста, как правило, относят принципиальную безграничность, связность и цельность, «которая связана с коммуникативным фокусом текста, его общей функциональной направленностью, целью его употребления» [6, 12].

В.В. Кашкин приводит примеры типологизации дискурса и параметров, использованных в них.

Структурно-формальная типология дискурса проведена по следующим параметрам:

- 1) код: вербальный/невербальный;
- 2) сообщение: устный/письменный (гибридный);
- 3) участники дискурса: монолог, диалог, полилог;
- 4) направление высказывания (от 1-го, 2-го, 3-го лица) и др.

Структурно-содержательная типология дискурса связана с референциальным контекстом (социальной сферой, в которой осуществляется дискурсивная деятельность). Параметры типологизации в этом случае следующие:

- 1) позиция коммуниканта по отношению к контекстной ситуации (отстраненное повествование / включенное обсуждение);
- 2) сфера дискурсивной деятельности (институциональный / бытовой дискурс);
- 3) тема дискурса (денотативная соотнесенность текста);

4) тип текста по способу изложения (описание, повествование и др.)

Жанровая типология дискурса, предложенная М. М. Бахтиным, опирается на понятие *хронотопа* (время + место) дискурса. Выделяются жанры коммуникативного события и собственно речевые жанры. Жанр коммуникативного (дискурсивного) события шире речевого жанра, он выделяется по экстралингвистическим и социальным параметрам.

Каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы высказываний, которые называют *речевыми жанрами*. Речевые жанры разнородны: это и реплики бытового диалога, и короткая стандартная военная команда, и развернутый детализированный приказ, и все литературные жанры от поговорки до романа.

Различаются первичные (простые) и вторичные (сложные или идеологические) речевые жанры (романы, драмы, научные исследования, публицистические жанры) [6, 33–35].

Военный дискурс в рамках структурно-содержательной типологии, на основе параметра «сфера дискурсивной деятельности» может быть отнесен к институциональному типу. В данном исследовании используется предложенная В.И. Карасиком трактовка институционального дискурса, который, применительно к современному социуму, включает политический, дипломатический, административный, юридический, педагогический, религиозный, медицинский, деловой, военный и другие виды дискурса.

Институциональный дискурс представляет собой общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений и предопределяется 1) целью коммуникации и 2) характеристиками участников коммуникативной ситуации, которые представляют коммуникантов двух сторон, вовлеченных в общение. Одна сторона – представители социального института (агенты), вторая – те, кто обращается к ним (клиенты).

Военный дискурс, функционируя как способ конструирования знаний о войне, набор образов, практик, мнений об освещаемых событиях, имеет комплексную природу, что позволяет говорить о выделении на основе сферы и цели применения следующих разновидностей военного дискурса:

- политический дискурс, определяющийся как совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях о войне;
- научный дискурс, к которому относятся разнообразные тексты научного характера: научные статьи, исследования, трактаты и т. д.;
- публицистический дискурс, в рамках которого исследуются тексты о войне, созданные журналистами и распространяемые в средствах массовой информации;

– художественный дискурс, представленный произведениями художественной литературы о войне [7, 38].

Используя как критерий характер военного дискурса, возможно выделить в нем формальную и неформальную разновидности.

К формальной разновидности военного дискурса относят различные военные материалы, военные документы, акты военного управления, а также военно-политические, военно-публицистические тексты, что позволяет указать на специфический характер текстов, относящихся к разным функциональным стилям: официально-деловому, научному, публицистическому.

Неформальную часть военного дискурса составляет неофициальное общение в военной среде, при условии относительно равных статусно-ролевых отношений коммуникантов, что предполагает лингвистическую составляющую коммуникации, основанной на активном использовании субкода арго, жаргонизмов, сленга, а также военного анекдота.

Исследования в сфере военного дискурса демонстрируют функции, характерные для него как институционального дискурса. К основным относятся:

– перформативная, состоящая в выполнении действий, определяющих суть того или иного института (борьба за власть, установление истины, соблюдение закона, т. д.);

– нормативная, предполагающая установление и сохранение норм, правил поведения между институтом и обществом, между агентами и клиентами;

– презентационная, направленная на создание положительного имиджа института и агентов;

– парольная, состоящая в установлении границы между агентами и клиентами, т. е. в ограничении круга клиентов и установлении дистанции между ними и институтом [8, 30].

Таким образом, военный дискурс, как элемент типологической структуры, которую составляют многочисленные дискурсы, выделяемые на основе различных параметров, представляет собой совокупность разнообразных текстов, имеющих различную стилевую отнесенность и выполняющих определенную функцию в коммуникации.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Арутюнова, Н.Д. Лингвистический энциклопедический словарь / Н.Д. Арутюнова, гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 256 с.
2. Бенвенист, Э. Общая лингвистика. 3-е изд. / Э. Бенвенист. – М.: Эдиториал, 2009. – 240 с.
3. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс факт и принцип причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца 20-го века. – М.: РАН, 1996. – С. 35–73.
4. Кубрякова, Е.С. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике / Е.С. Кубрякова // Структура и семантика художественного текста: доклады 7-ой международной конференции. – М.: МГУ, 1999. – С. 186–197.
5. Карасик, В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград Перемена, 2000г. – С. 5–20.
6. Кашкин, В.Б. Введение в теорию дискурса / В.Б. Кашкин. – М.: Восточная книга, 2010. – 152 с.
7. Карасик, В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса / В.И. Карасик // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сб обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 37–64.
8. Михалева, О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия / О.Л. Михалева: автореф. дисс. канд. филол. наук. – Иркутск, 2004. – 23 с.

РАЗДЕЛ III

ЯЗЫК И ДИСКУРС: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н. Г. Точило

преподаватель кафедры немецкого языка и МПИЯ
МГПУ им. И. П. Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь)

МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

На современном этапе самостоятельная работа (СР) рассматривается как основа повышения качества профессиональной подготовки специалистов высшей квалификации. Это связано с изменением соотношения аудиторных занятий и самостоятельной работы студентов. Анализ монографий, посвященных изучению СР, показал, что понятия «самостоятельность», «автономное обучение», «самоуправляемое обучение» трактуются многими методистами, в том числе и зарубежными, неоднозначно.

М. Бенат понимает под автономным / самоуправляемым обучением такой процесс, когда «обучающиеся самостоятельно конструируют свой процесс обучения иностранным языкам и несут за него полную собственную ответственность» [1]. К. Нодари считает, что в процессе самостоятельной работы «обучающиеся учатся принимать ответственность за свой учебный процесс. Они мотивированы увлекательным учебным процессом» [1]. Л. Серку описывает процесс автономного овладения языками, как процесс «перенятия на себя способности быть ответственным за свое обучение и обучение в группе, в которой находишься», а преподаватель только поддерживает учебный процесс [1].

Несмотря на то, что самостоятельной работе студентов (СРС) придается в последнее время большое значение, многие исследователи (П.И. Пидкасистый, Н.А. Ерошина, Е.Ф. Карпиевич, О.Г. Куприна и др.) отмечают недостаточность теоретической обоснованности проблемы СРС и технологической обеспеченности этой стороны образовательного процесса, а также ее низкую эффективность [8]. Данное положение явилось исходным для выбора направления нашего исследования.

При организации СРС, которую мы рассматриваем как совокупность аудиторной и внеаудиторной деятельности студентов, при непосредственной и опосредованной помощи преподавателя, целесообразно учитывать мотивационный, деятельностный, когнитивный и личностный компоненты, а также наличие у студента общенаучных и специальных умений.

Проанализировав методологические основы проблемы организации СРС в образовательном процессе, определив специфику организации СРС

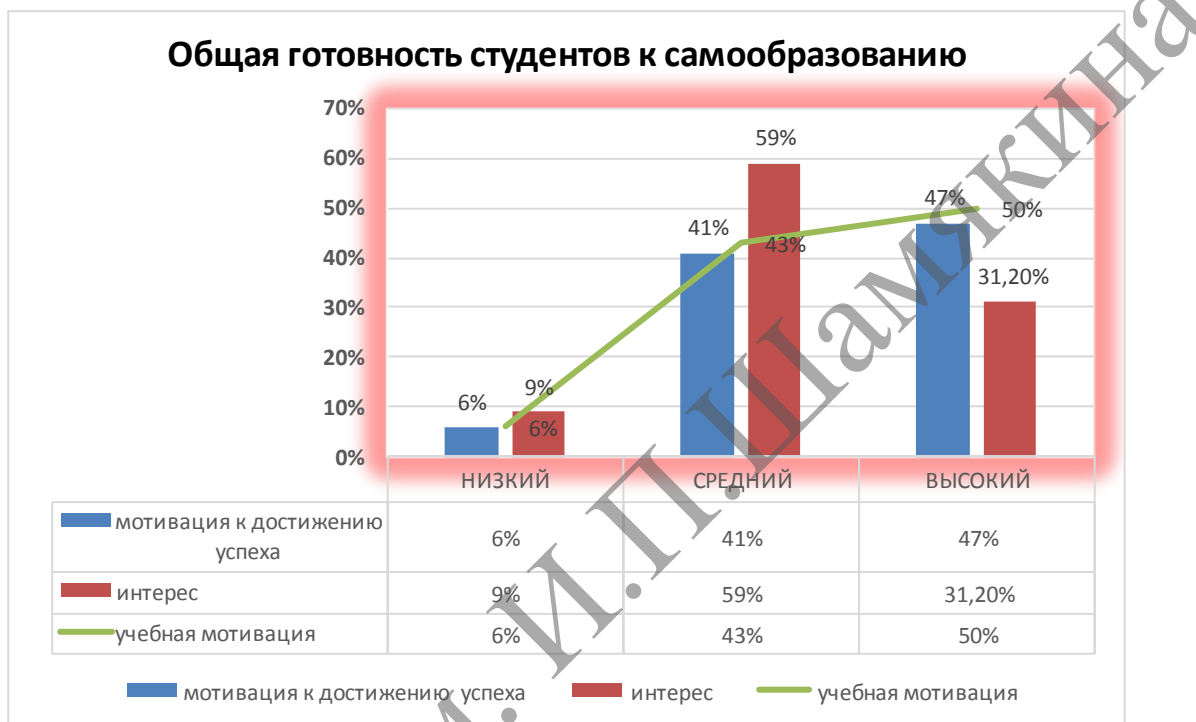
в процессе изучения немецкого языка, мы диагностировали уровни готовности СР студентов второго курса УО МГПУ им. И. П. Шамякина в процессе изучения немецкого языка.

Критериями выявления уровней готовности студентов к осуществлению СР являлись следующие методики и анкеты:

– анкеты «Определение учебной мотивации» и «Определение интереса к предмету»,

– методика диагностики личности на мотивацию к успеху Т. Элерса.

Результаты представлены в следующей таблице.

Результаты анкетирования показали, что не все студенты обладают умениями СР и не все могут довести ее до конца.

В процессе исследования (на основе тестов и тестовых заданий) были также установлены следующие уровни умений СР студентов:

- репродуктивный (работа выполняется по образцу);
- реконструктивный (требуются умения перестройки полученного образца);
- творческий уровень (требуются умения анализа полученной информации).

Для более эффективной организации СРС нами была разработана соответствующая теоретическая модель СР и методика ее реализации. Теоретическая модель организации СРС в процессе изучения немецкого языка на основе личностно-ориентированного подхода содержит 4 блока – *целевой, содержательный, операционно-деятельностный и рефлексивно-результативный.*

Целевой блок модели отражает цели организации СР в процессе овладения различными видами речевой деятельности:

1. Говорение:

– развить у студентов способность осуществлять устное речевое общение в разнообразных социально детерминированных ситуациях.

2. Аудирование:

– понимать высказывания собеседника в различных ситуациях общения, в том числе при наличии незнакомых языковых средств;

– понимать учебные аутентичные тексты с разной степенью и глубиной проникновения в их содержание.

3. Чтение:

– понимать основное содержание текстов (уровень общего понимания);

– понимать полностью содержание небольших текстов, которые построены на знакомом языковом материале (уровень полного детального понимания);

– находить необходимую интересную информацию в тексте, прочитать ее вслух, подчеркнуть, выписать (поисковое чтение);

– обучение изучающему, ознакомительному, просмотровому и поисковому видам чтения.

4. Письмо – развитие умений письменно выражать свои мысли, используя письмо как средство общения.

Содержательный блок модели организации СР отражает содержание образования в соответствии с уровнями умений организации СРС. Репродуктивный уровень предполагает выполнение работы по образцу, которая в основном не выходит за пределы уровня памяти (прослушайте текст, выпишите из прослушанного текста существительные, глаголы и т.д.). Реконструктивный уровень требует умения трансформации образца (прослушайте текст и составьте на его основе диалоги). Творческий уровень предполагает умения анализировать полученную информацию (проект, анимация, презентация, видео-интервью по данной теме).

Операционно-деятельностный блок представляет методы, средства и формы эффективной организации СР, способствующей достижению главной цели самостоятельного образования – развитие личности, компетентной в сфере самостоятельной познавательной деятельности.

К методам относятся: методы интерактивного обучения, игровой метод, метод презентационных технологий, метод проектов, метод контроля. К средствам обучения – раздаточный материал (таблицы, схемы, картинки, карточки с заданиями); лингафонный практикум, учебный видеофильм (аудиовизуальное средство обучения, способствующее созданию языковой иноязычной среды); фономатериалы (средства индивидуализации и дифференциации самостоятельной работы по изучению немецкого языка); использование Интернета как источника информационных ресурсов для выполнения индивидуальных заданий (аутентичный аудио- и видеоматериал); электронные учебники. Формами работы являются – фронтальная, групповая, парная и индивидуальная самостоятельная работа.

Рефлексивно-результативный блок включает следующий перечень знаний и умений, которые приобретаются и совершенствуются в процессе СР:

- наличие умений формирования определенных целей СР;
- наличие умений составления плана, работы с понятиями, выполнения тестовых заданий, анализа полученной информации с помощью вопросов, заданий творческого характера, составления логических схем, работы по заполнению таблиц, фрагментарной работы с текстом;
- определение форм самоконтроля.

Модель отражает условия эффективности, при соблюдении которых СР будет правильно организована. К ним относятся: обеспечение студентов необходимыми методическими материалами с целью превращения процесса самостоятельной работы в творческий процесс, четкое формулирование цели СР, посильность, доступность, наглядность выполняемых заданий.

В ходе проведения педагогического эксперимента было установлено, что реализация модели СРС в процессе обучения немецкому языку способствует повышению интереса к учебному процессу и изучаемому предмету в целом, совершенствуются умения СРС при освоении учебного материала. Применение модели дает нам также возможность модернизировать содержание изучаемой дисциплины за счет возможности углубления материала, повышения прочности его усвоения за наименьшее количество учебного времени, способствует повышению эффективности восприятия и запоминания учебного материала, содействует развитию активности и самостоятельности студентов.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Азимов, Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – М.: ИКАР, 2009. – 448 с.
2. Гальскова, Н.Д. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студентов высш. уч. зав. / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 336 с.
3. Ерошина, Н.А. Самостоятельная учебная деятельность студентов педвуза / Н.А. Ерошина // Педагогическое образование и наука. – 2005. – №5. – С. 59–63.
4. Карпиевич, Е.Ф. Как организовать самостоятельную работу студентов / Е.Ф. Карпиевич // Нар. асвета. – 2005. – № 6. – С. 82–83.
5. Куприна, О.Г. Организация самостоятельной работы студентов в ВУЗе при изучении иностранных языков / О.Г. Куприна // Высшее образование сегодня. – 2011. - № 5. – С. 78–80.
6. Маслыко, Е.А. Настольная книга преподавателей иностранного языка / Е.А. Маслыко [и др.]. – 5-е изд., стереотип, Минск: Высш. шк., 1999. – 522 с.
7. Михайловская, Е.Н. Развитие познавательной самостоятельности студентов на основе креативных методов обучения / Е.Н. Михайловская // Вестник Полоцк. гос. ун-та. – Сер. Е. Пед. науки. – 2010. – № 5. – С. 36–40.

8. Пидкадистый, П.И. Самостоятельная познавательная деятельность школьников в обучении: теоретико-экспериментальное исследование / П.И. Пидкадистый // Педагогика. – М.: пед. об-во России, 1980. – 240 с.

Е. В. Федорасова

преподаватель кафедры иностранных языков
МГПУ им. И.П.Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь)

**ПЕРЕДОВОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ОПЫТ КАК СРЕДСТВО
ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ
К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Усиление требований со стороны общества к современному учителю, усиление инновационной составляющей школ и гимназий, накопление практикой образования мощного пласта нового педагогического опыта актуализировали проблему формирования представления будущих учителей о передовом педагогическом опыте.

Историографический анализ показывает, что феномен педагогического опыта интересовал всех выдающихся педагогов прошлого: Я.А. Коменского, И.Ф. Гербарта, А.В. Дистервега, И.Г. Песталоцци, Ж-Ж. Руссо. Мысли о необходимости использования педагогического опыта в образовательной практике содержатся в трудах И.И. Бецкого, В.П. Вахтерова, К.Н. Вентцеля, П.Ф. Каптерева, П.Ф. Лесгафта, Н.И. Пирогова, Д.И. Писарева, Л.Н. Толстого, К.Д. Ушинского и других.

Так, Л.Н. Толстой, указывая на важность проблемы изучения, обобщения и использования передового педагогического опыта в подготовке учителей, резко критиковал традиционную педагогику своего времени и призывал широко обобщать практику учителей, формируя на этой основе научные выводы: «только тогда опыт будет основанием школы, когда каждая школа будет ... лабораторией, только тогда школа не отстанет от всеобщего прогресса и будет в состоянии положить твердое основание для науки образования» [11, с. 63]. Яснополянская школа, основанная Л.Н. Толстым, стала своеобразным образовательным центром, лабораторией, где учителя обменивались опытом и постоянно учились сами.

Бесценный вклад в формирование нового педагогического опыта внесли известные деятели молодого советского государства П.П. Блонский, А.С. Бубнов, А.Г. Калашников, М.И. Калинин, Н.К. Крупская, А.В. Луначарский, а также педагоги-практики А.С. Макаренко, М.М. Пистрак, В.Н. Сорока-Росинский, С.Т. Шацкий и другие.

Впервые суждения о необходимости систематического изучения и обобщения передового опыта учителей появились на страницах учебника

педагогике под редакцией М.М. Пистрака. Ученый отмечал, что без изучения педагогической практики, живого педагогического процесса педагогическая теория будет бесплодной. Практический опыт М.М. Пистрак считал важнейшим средством улучшения организации педагогического процесса. «Выявление лучших образцов практического опыта, его изучение и распространение обогащают и расширяют педагогическую теорию» [9, с. 22], – подчеркивал ученый. М.М. Пистрак отмечал отставание педагогической теории от практики и считал, что важнейшей задачей педагогической науки является усиленная работа по изучению практики школы под углом зрения теоретических исследований по педагогике, подчеркивая при этом, что изучение практики педагогического процесса является необходимым условием для такого развития советской педагогики, при котором «теория будет идти впереди практики и освещать ей дорогу, активно и эффективно содействуя улучшению практики» [9, с. 28].

50-е годы XX века считаются точкой отсчета разработки методологических и теоретических аспектов проблемы изучения и обобщения педагогического опыта. В этот период появляются фундаментальные исследования А.И. Гельмонта, М.Н. Скаткина, Н.П. Тучнина. Ученые вводят в научный обиход понятие «передовой педагогический опыт», указывают ошибки в его описании. Основываясь на методологическом принципе взаимосвязи педагогической науки и практики, они рассматривают передовой педагогический опыт как возникающий в педагогической работе учителей, а затем превращающийся в объект научного познания. Ученые разрабатывают теоретические и методологические основы проблемы изучения и обобщения передового опыта учителей, создают первые авторские методики по изучению и обобщению передового педагогического опыта.

В 60-х годах XX века в педагогической науке расширилась проблематика актуальных педагогических исследований, предпринимаются первые попытки целенаправленного изучения педагогического опыта учителем, методическими организациями и руководителями школ (Е.Я. Голант, В.С. Ильин, М.Г. Качурин), появляются специально подготовленные кадры научных работников, которые занимаются разработкой критериев и терминологического аппарата педагогического опыта (Л.П. Аристов, Ю.К. Бабанский, А.Н. Бойко, Э.И. Моносзон, Н.М. Таланчук). Начинают разрабатываться возможные пути обобщения передового педагогического опыта на разных уровнях его изучения: школа – районный методический кабинет – институт усовершенствования учителей – Академия педагогических наук.

В 70-е годы появляются классификации передового педагогического опыта, но их было недостаточно для того, чтобы решить вопрос о внедрении достижений передового опыта в массовую практику, так как из

имеющихся классификаций не ясно, что в опыте наиболее ценно для практики, что из опыта можно (и возможно) использовать в работе других учителей. Без решения этого теоретического вопроса невозможно было продвижение в практическом решении проблемы внедрения достижений передового опыта в массовую практику.

В 80-х годах XX века усилия ученых-педагогов были направлены в основном на разработку актуальных методологических и теоретических проблем педагогики и истории педагогики. Был издан целый ряд фундаментальных работ по теории и истории педагогики, новых учебников по педагогике. Исследования по проблемам педагогики в целом и передового педагогического опыта в частности выполнили такие ученые, как Ю.К. Бабанский, Н.И. Болдырев, В.В. Краевский, Б.Т. Лихачев, М.Н. Скаткин, Э.И. Моносзон, Н.М. Таланчук и другие.

Изучение передового педагогического опыта в конце 90-х годов XX века – начале XXI века вступило в фазу научного познания. Данный период можно считать периодом формирования собственно научной теории изучения и обобщения передового педагогического опыта, и в то же время, периодом неопределенности и трудного восприятия общественностью всего, что связано с передовым педагогическим опытом.

Отдельные аспекты проблемы формирования представления студентов педагогического вуза о передовом педагогическом опыте стали активно разрабатываться в 80-е годы XX века. Данное научное направление отражено в работах В.Д. Брагиной, Э.П. Бронниковой, Н.А. Гвоздевой, Э.А. Ижбулатовой, И.В. Ирхиной, А.И. Киктенко, Н.Л. Кирт, Т.К. Клименко, А.Г. Козловой, В.Н. Обносова, С.И. Прус, Е.А. Семеновой, Л.А. Сергеевой, Л.И. Стрелец, Л.Б. Щербаковой, О.Г. Ярошенко и других.

Несмотря на значимость исследований данных авторов, ряд аспектов изучаемой проблемы, разработан недостаточно. В своих работах авторы акцентируют внимание на готовности выпускников педагогического вуза к изучению, обобщению и использованию педагогического опыта, к содержанию подготовки студентов к анализу педагогического опыта в ходе учебных занятий и педагогической практики, эффективных средствах подготовки будущих учителей к изучению педагогического опыта.

Так, А.И. Киктенко считает, что в основе освоения студентами передового педагогического опыта должно быть изучение законов тех психологических явлений, управление которыми определяет успех профессионального труда учителя-мастера, создателя опыта и которыми необходимо научиться управлять будущему педагогу для развития и совершенствования своего профессионализма. Особое внимание в работе уделено формированию умения будущих учителей изучать передовой педагогический опыт, которое, по мнению автора, является комплексным явлением, позволяющим «проникнуть в суть организации и успешного функционирования педагогической деятельности, приводящей

к высококачественным результатам в воспитании, обучении и развитии подрастающего поколения» [6, с. 101].

О.Г. Ярошенко [13] считает готовность учителя к освоению передового педагогического опыта интегрально личностным значимым качеством, включающим в себя устойчивое стремление к постоянному изучению и использованию передового педагогического опыта, глубокие психолого-педагогические знания по проблеме, умения выделять и творчески применять главную идею опыта в практике индивидуального труда.

Т.К. Клименко [7] раскрыла сущность педагогического опыта и его функции в системе подготовки будущих учителей, выявила эффективные средства подготовки студентов к изучению и анализу педагогического опыта, определила систему средств, способствующих качественной подготовке будущих учителей к изучению и анализу педагогического опыта.

На сегодняшний день в психолого-педагогической литературе отсутствует единая общепринятая теория представлений. Ученые, исследовавшие проблему представлений (Б.Г. Ананьев, Е.И. Игнатьев, А.Г. Маклаков, Б.М. Теплов, С.Л. Рубинштейн), соглашаются, что феномен оказывает существенное влияние на профессиональное развитие будущего педагога и выступает в качестве регулятора профессионального самоопределения. Адекватные представления, сформированные в процессе обучения в вузе, являются необходимым условием сознательного выбора трудовой деятельности субъекта, учитывающим его интересы, желания, возможности и способности.

Педагогическая энциклопедия трактует термин «представление» как «чувственный образ предметов и явлений действительности, ранее воздействовавших на органы чувств» [8, с. 483]. Представления, в которых более или менее точно воспроизводится образ чего-то, прежде воспринятого, являются *представлениями памяти*. Представления, в которых прошлые восприятия настолько переработаны, что содержанию этих представлений нет прямого соответствия ни в прошлом личном опыте, ни в окружающей жизни, являются *представлениями воображения*.

В психологии к определению понятия «представление» существует два подхода: 1) представления – это результат бывших актов ощущения и восприятия; 2) представления – результат воображения. То есть, представление – это «воспроизведенный образ предмета, основывающийся на нашем прошлом опыте» [10, с. 261].

Проблеме формирования профессиональных представлений посвящены работы В.Д. Брагиной, Н.Л. Кирт, О.А. Конопкина, Ю.Н. Кулюткина, В.Н. Обносова, Е.А. Семеновой, Е.В. Улыбиной и др.

По мнению Е.В. Улыбиной, структура профессиональных представлений включает в себя: «когнитивно-информационный,

мотивационно-смысловой компоненты и являющееся результатом их взаимодействия семантическое пространство восприятия» [12, с. 36], которые определяют регуляцию поведения человека и способы достижения профессиональной деятельности. Представления составляют основное содержание знаний, умений и навыков, особенно связанных с определенными видами деятельности. Огромна роль представлений в процессе обучения и подготовки к профессиональной деятельности. У человека в ходе обучения создаются представления о возможных результатах и последствиях своих действий, то есть представление в виде образа-цели управляют учебной, профессиональной и любой другой деятельностью, выполняя прогностическую, регулятивную, познавательную функции.

В целях определения уровня сформированности представления будущих учителей о передовом педагогическом опыте было проведено анкетирование. В нем участвовало 238 студентов 4–5-х курсов БГПУ им. М. Танка.

Приведем некоторые результаты анкетирования.

1. В какой мере Вы испытываете потребность в формировании представления о передовом педагогическом опыте?

- а) потребность высокая – 9%,
- б) потребность средняя – 33%,
- в) потребность низкая – 58%.

2. Можете ли Вы дать определение передового педагогического опыта?

- а) затрудняюсь – 64%,
- б) да – 31%,
- в) нет необходимости – 5%.

3. Как часто Вы проявляете интерес к достижениям учителей-лидеров?

- а) эпизодически – 27%
- б) по мере потребности – 56%
- в) систематически – 17%

Также мы попросили будущих учителей ответить на вопрос «Стремитесь ли вы изучать передовой педагогический опыт?» и указать доминирующие мотивы.

Результаты опроса также свидетельствуют, что только 59% будущих учителей стремятся изучать передовой педагогический опыт. Доминируют следующие мотивы: профессиональный интерес; важность для повышения профессионального уровня; стремление хорошо работать; изучение с целью использования в своей профессиональной деятельности; желание стать настоящим учителем и другие.

Анализ психолого-педагогической литературы и результатов анкетирования студентов позволил выявить несоответствия между необходимостью изучения и использования нового педагогического опыта

и недостаточно высоким уровнем сформированности представлений будущих учителей об этом опыте; между дидактическими возможностями педагогических дисциплин по формированию представления студентов о передовом педагогическом опыте и слабой реализацией этих возможностей в процессе профессиональной подготовки.

Необходимость разрешения данных несоответствий позволила нам обратиться к герменевтике. Анализ научной литературы, посвященной данной проблеме (В. Дильтей, Х-Г. Гадамер, П. Рикер, В. Шлейермахер), показал, что герменевтика имеет большой гуманистический потенциал в процессе формирования у будущих учителей представлений о передовом педагогическом опыте, так как опыт, согласно герменевтическому учению, формируется в процессе деятельности, познания и общения. Одним из условий возникновения педагогического опыта является практическая деятельность, в процессе которой личность накапливает опыт. Последовательность действий формируется опытом. Отдельные события смешиваются друг с другом, и складывается образ действия, развиваются умения, формируется опыт.

Герменевтический подход, будучи основанным на принципах понимания и интерпретации, служит основой обучения будущих учителей, стремящихся к творческой педагогической деятельности. С позиции герменевтического подхода формирование представления будущего учителя о передовом педагогическом опыте в теории и практике педагогического образования характеризуется как достижение целостного образования. Целое как единство содержаний опыта будущего учителя и педагогического процесса образует новое качественное состояние личности будущего учителя. Герменевтика, по словам А.Ф. Закировой, это «теория и практика истолкования и интерпретации педагогических знаний, зафиксированных в разнообразных письменных текстах и отражающих представления о педагогической реальности (человеке как субъекте творческого саморазвития, целях, механизмах, принципах, содержании, методах формах воспитания и самовоспитания), с целью наиболее полного осмысления и глубокого понимания этих знаний с учетом социально-культурных традиций, рефлексивного подхода к эмоционально-духовному опыту человечества и личностного опыта субъекта» [5, с. 34].

В философии герменевтики проблема понимания предстает как выявление и интерпретация смыслов и значений текста, сообщений, речи, символов и других знаков. Изначально герменевтику связывали с интерпретацией текстов. Понятие «текст» в герменевтике постепенно стало пониматься более широко: это не только текст литературного произведения. По словам В. Дильтея, текст – это «дух человеческий», явленный в разных формах и требующий истолкования [3, с. 105].

Х-Г. Гадамер подчеркивал, что обращение к любому тексту требует, прежде всего, «опыта осмысления» – осмысления, «никогда не

начинающегося с нуля и никогда не замыкающегося на бесконечности» [2, с. 15]. Цель понимания, по Гадамеру, состоит не в должной интерпретации текста, не в реконструкции идей и мнений интерпретируемого, а в активизации собственных мыслительных процессов. В результате такой интерпретации текста интерпретатор фактически создает свой собственный авторский текст.

Опираясь на исследования Д.Ю. Ануфриевой [1], мы предприняли попытку смоделировать процесс формирования представлений будущих учителей о передовом педагогическом опыте. В смоделированном нами процессе формирования представления будущих учителей о передовом педагогическом опыте выделяется четыре этапа: *формирование ценностного знания; постижение передового опыта посредством рефлексии и интерпретации; смысловое понимание опыта; присвоение опыта как своего личного.*

На первом этапе упор делается на постижение будущими учителями новых знаний: изучение терминологического аппарата передового педагогического опыта, истории конкурсного движения педагогов, знакомство с лидерами педагогической профессии, их ведущими идеями, ознакомление с литературой, отражающей опыт передовых учителей, демонстрация уроков успешных учителей.

Усвоенные на первом этапе знания будущие учителя углубляют через рефлексию и интерпретацию. Происходит понимание авторской концепции опыта на основе работы с текстами об опыте, у будущих учителей создается целостный педагогический образ опыта. На этом этапе будущие учителя учатся самостоятельно анализировать опыт успешных учителей. Внутренне сближение студентов с опытом учителей происходит на этапе смыслового постижения педагогического опыта. Будущие учителя интегрируют полученную на втором этапе информацию с имеющимися у них знаниями и личным опытом. На последнем этапе осмысленный опыт присваивается будущими учителями как свой личный. На этом этапе будущие учителя формулируют собственную оценку опыта.

Все этапы взаимосвязаны между собой и обеспечивают формирование ценностно-знаниевого, рефлексивного, интерпретационного и смыслового компонентов представления будущих учителей о передовом педагогическом опыте. Это, в свою очередь, способствует формированию у будущих учителей мотивации к изучению и использованию передового педагогического опыта, развитию педагогического творчества.

Текст в нашем исследовании выступает в качестве основного средства формирования представления студентов о передовом педагогическом опыте. В процессе работы мы использовали тексты, содержащие информацию о передовых достижениях лучших учителей Республики Беларусь – участниках конкурса педагогического мастерства «Учитель года Республики Беларусь», информацию биографического плана,

видеозаписи уроков учителей – победителей и лауреатов конкурса педагогического мастерства Республики Беларусь. Подбирались тексты из педагогических пособий, журналов и газет.

Пример текста:

«Основная проблема школьного учебника в том, что он неинтересный. Много текста и мало наглядности. Получается, что такой учебник интересен только автору и учителю, а работа ученика сводится к следующему: прочитал, пересказал – и забыл. При создании основного учебного пособия необходим деятельностный подход. Скажем, тема Великобритании раскрывается на трех уровнях. Первый – мотивационный, когда ученик только знакомится со страной в основном через иллюстрации. Захотелось узнать больше – открывай второй уровень, где даются базовые классические знания про страну. Когда ученику недостаточно этих знаний, он знакомится с третьим уровнем, где даются глубокие, основательные знания по истории, по традициям народа, текст можно подавать на английском языке.

Особенность строения трехуровневого учебника в том, что тема дается на одной странице или на развороте. Это повлияет и на качество образования, поскольку большой объем всегда отталкивал ученика. Ценность такого учебника еще и в личностно-ориентированном подходе в обучении. Когда ученик собирается поступать в ВУЗ, он должен знать три уровня, а если нет, то ему достаточно и двух. Но за них также можно будет получить положительную отметку» [4].

Прочитав текст, будущие учителя могут высказать свои мысли, выделить основную идею текста, разделить текст на отдельные смысловые фрагменты, сформулировать вопросы по тексту, выявить недостаточно понятные места.

Определив основную идею текста, студенты сформулировали вопросы по тексту: «Какая главная педагогическая идея лежит в основе созданного многоуровневого учебника по географии, созданного В.П. Шпетным?», «Преодолению каких пороков массовой школы способствует авторский учебник В. П. Шпетного?», «Какую функцию выполняет учебник?», «В какие виды деятельности включаются учащиеся в процессе работы над учебником?».

Результаты опытно-экспериментальной работы со студентами в процессе формирования представлений будущих учителей о передовом педагогическом опыте показали, что использование разработанного нами механизма позволило будущим педагогам более успешно осуществлять поиск своего собственного «Я» в рамках будущей профессии и вне ее, осознать личностный профессиональный выбор, способствовало развитию педагогических способностей, формированию готовности к проявлению профессионального творчества.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ануфриева, Д. Ю. Развитие личного опыта учителя: герменевтический подход: монография / Д.Ю.Ануфриева. – Новосибирск : изд. НГПУ, 2009. – 150 с.
2. Гадамер, Х-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / Х-Г. Гадамер ; общ.ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 700 с.
3. Дильтей, В. Воззрения на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации / В. Дильтей ; пер. М.И. Левина. – М. : Университетская книга, 2000. – 463 с.
4. Дубоўская, В. Мы не можам быць усе Шаталавымі ці Аманашвілі / В. Дубоўская // Настаўніцкая газета. – 2001. – 2 ліст. – С. 2.
5. Закирова, А. Ф. Герменевтическая интерпретация педагогического знания / А. Ф. Закирова // Педагогика. – 2004. – № 1. – С. 32–42.
6. Киктенко, А. И. Подготовка студентов педагогических институтов к изучению, обобщению и использованию передового педагогического опыта учителей по обучению школьников (на материале педвузов Украинской ССР) : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / А. И. Киктенко. – Киев, 1986. – 206 с.
7. Клименко, Т. К. Подготовка студентов педвузов к изучению и анализу педагогического опыта : автореф. ... дис. канд. пед. наук : 13.00.01 / Т. К. Клименко. – М., 1986. – 16 с.
8. Педагогическая энциклопедия : в 4 т. / редкол. : И. А. Каиров (гл. ред.) [и др.]. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – Т. 3. – 880 с.
9. Пистрак, М. М. Педагогика : учебник для высших учебных заведений / М. М. Пистрак. – М. : Учпедгиз, 1935. – 412 с.
10. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : ЗАО «Издательство «Питер», 1999. – 720 с.
11. Толстой, Л. Н. О народном образовании / Л. Н. Толстой. – М. : Изд-во МП СССР, 1953. – С. 63–68.
12. Улыбина, Е. В. Психологические особенности представлений студентов педагогического института о научной работе : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Е. В. Улыбина. – М., 1988. – 155 с.
13. Ярошенко, О. Г. Формирование у учителей общеобразовательных школ готовности к освоению передового педагогического опыта : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / О. Г. Ярошенко. – Киев, 1986. – 178 с.

IV. ПЕРВЫЕ ШАГИ В НАУКУ

М. Антошкіна

студентка 5 курсу (спеціаліст) філологічного факультету
Мелітопольського державного педагогічного університету імені Богдана
Хмельницького (Україна)

Науковий керівник – Н.В. Денисенко, кандидат філологічних наук,
доцент кафедри англійської філології та методики викладання англійської
мови Мелітопольського державного педагогічного університету
імені Богдана Хмельницького

ТРУДНОЩІ АНГЛО-УКРАЇНСЬКОГО ПЕРЕКЛАДУ ЦЕРКОВНИХ ТЕРМІНІВ ТА РЕАЛІЙ У МОНОГРАФІЇ “BASILICA OF THE SAGRADA FAMILIA”

Українська Церква тривалий час являла собою ізольований суспільний організм: функціонування тут сакральної церковнослов'янської мови визначило її як сферу спеціальної комунікації, специфічну насамперед у плані мовного оформлення. Упровадження української мови в церковно-релігійну галузь для Церкви означало передусім подолання традиційної мовної відрубності. Уцерковлення української мови мало для неї два визначальні наслідки: поява нового соціального параметра – статусу культової, богослужбової; утворення нової одиниці функціонально-стильової системи – конфесійного стилю.

Серед зазначених реалій став особливо відчутним брак уніфікованої та стандартизованої церковної термінології як важливого засобу спеціального спілкування в церковній галузі. На невиробленість такої термінології вказують передусім її безпосередні користувачі: церковні діячі, працівники конфесійної журналістики, перекладачі церковно-богослужбової літератури [1, с. 205].

Актуальність теми дослідження полягає в тому, що українська церковна термінологія тривалий час не потрапляла “у фокус” наукових зацікавлень мовознавців. Недостатня увага до вивчення конфесійного стилю, відсутність досліджень церковної лексики та авторитетного словника церковних термінів, відсутність церковно-архітектурного словника, невключення священних, церковно-богослужбових та літургійних пам'яток до канону джерел як історичних словників, так і словника сучасної української літературної мови, суттєво обмежили наші знання про лексичний склад української мови та, зокрема, її термінологічного фонду.

Об'єктом дослідження є особливості відтворення церковних термінів та реалій в англо-українських перекладах. Предметом дослідження є монографія “Basilica of the SAGRADA FAMILIA”. Метою статті є висвітлення труднощів англо-українського перекладу церковних термінів та реалій.

Монографія “Basilica of the SAGRADA FAMILIA” виступила прекрасним підґрунтям для аналізу церковних термінів та реалій; перекладу їх та порівняння з англійською терміносистемою.

Слово термін відоме ще з античних часів. У латинській мові (*terminus*) воно позначало “кінець”, “кордон”, “межу”. У середньовіччі набуло вже значення “визначення”. У старофранцузькій мові знаходять навіть номінацію *terme* – “слово”. В Україні ця назва поширюється вже у XVIII столітті. Термін – слово або словосполучення, що виражає чітко окреслене поняття певної галузі науки, культури, техніки, мистецтва та суспільно-політичного життя. Від слова термін утворено слово *термінологія*, яке означає сукупність термінів з усіх галузей знання (або однієї галузі знання). Науку, що вивчає термінологію, називають термінознавством [2, с. 50–55].

Термін – це спеціальне слово, яке має дефініцію. Конкретний зміст поняття, визначеного терміном, стає зрозумілим лише завдяки цій дефініції – лаконічному, логічному визначенню, яке зазначає суттєві ознаки предмета або значення поняття, тобто його зміст і межі. Термін – це слово в особливій функції, і саме в зв’язку з цією своєю функцією термін набуває великої точності значення, “чистоти” (він позбавлений образних, експресивних, суб’єктивно-оцінних відтінків значення).

Отже, термін має свої характерні ознаки:

- а) належність до певної термінологічної системи;
- б) наявність дефініції (визначення);
- в) однозначність у межах однієї терміносистеми;
- г) точність;
- д) стилістична нейтральність;
- е) відсутність синонімів та омонімів у межах однієї терміносистеми;
- є) відсутність експресивності, образності, суб’єктивно-оцінних відтінків.

Значення термінів зафіксовано у спеціальних словниках, довідниках, і відповідно їх потрібно вживати лише в тій формі та в тому значенні, які подано у словниках.

Терміни також поділяються на загальнонаукові та вузькоспеціальні. Загальнонаукові терміни – це звичайні слова, які набули значного поширення. Найменування предметів, якостей, ознак, дій, явищ, які однаково використовуються і побутовій мові, художній літературі, ділових документах. Такі терміни прості, зрозумілі та доступні, вони ніякого спеціального змісту не мають (ідея, гіпотеза, процес, формула, аналіз, синтез, закон, документ, охорона). “Вони не завжди зручні, – зауважує А.Корж, – часто багатозначні, допускають різні тлумачення, можуть застосовуватися то в одному, то в іншому значенні. Тому використання таких термінів доцільне, якщо їх значення зрозуміле для всіх і не породжує ніяких сумнівів у певному контексті” [3, с. 256].

Вузькоспеціальні терміни – це слова чи словосполучення, які позначають поняття, що відображають специфіку певної галузі, наприклад, юридичної: правові відносини, юридична особа, речовий доказ, неправдиве свідчення, законопроект; архітектурної: ліпнина, мозаїка, архітектор, реконструкція, архітектурний стиль, архітектурне планування, пілястра, звід тощо. Для цих термінів характерна семантична конкретність, однозначність.

Дещо схожою з терміном є реалія. Реалія – це слово, яке позначає об’єкт або явище, характерні для певного народу, яке не має чіткого еквіваленту або чіткої відповідності в інших мовах [5, с. 433–454]. Слова-реалії – перекладознавча категорії, які відіграють першорядну роль у відображенні соціально-історичного та культурного контексту, надають національного забарвлення. Водночас реалія часто стає терміном. Важливо, що поняття реалії є змінною, відносною категорією, яка набуває

чіткості при бінарному контрактивному зіставленні конкретних мов і культур. Обсяг реалії мови-джерела постійно змінюється залежно від словникового складу цільової мови, особливостей матеріальної і духовної культури, що сприймає, від інтенсивності культурних та етнічних контактів відповідних мовних колективів.

О. Чередниченко не цілком погоджується з таким визначенням цієї категорії. Він говорить про реалію як носія етнокультурної інформації, не властивої для об'єктивної дійсності мови-сприймача в певний історичний момент. Таке невелике доповнення вирішує згадані суперечності. О.Чередниченко зазначає, що аналіз співвідношення реалії з такими поняттями, як інтернаціоналізм, неологізм, без еквівалентна лексика, діалектизм [4, с. 170–176]. Термін дав змогу Р.П. Зорівчак подати класифікацію реалій в історико-семантичному та структурному планах.

В історико-семантичному плані виділяють: власне реалії (за наявних референтів) та історичні реалії – семантичні архаїзми, які внаслідок зникнення референтів входять до історично дискантної лексики, втративши життєздатність.

У структурному плані розрізняються: 1) реалії-одночлени: напр., вечорниці, кобзар; 2) реалії-полічлени номінативного характеру: напр., троїста музика; 3) реалії-фразеологізми: напр., стати під вінок. Крім того, з погляду перекладацької практики пропонується розмежовувати явні і скриті (приховані, потаємні) реалії [5, с. 433–454].

На наш погляд, найкращою класифікацією реалії є класифікація С. Влахова та С. Флорина, які розглянули реалії під різними кутами зору. Класифікація реалій має, на їх погляд:

- 1) поділ за предметною ознакою;
- 2) поділ за місцевою ознакою (в залежності від національної та мовної залежності).

Тож, реалії можна також класифікувати за такою приналежністю:

- етнографічні реалії:
 - а) побут: їжа, напої, побутові заклади та інше; одяг; житло, меблі, посуд та інші обладнання; транспорт та інше;
 - б) праця: професії; знаряддя праці та організація праці;
 - в) духовна культура і мистецтво: музика і танці; музичні інструменти; фольклор; театр; інші мистецтва та предмети мистецтва; виконавці; звичаї та ритуали; свята та ігри; міфологія та персонажі казок; культи; календар;
 - г) етнічні об'єкти: етноніми; прізвиська; найменування осіб за місцем проживання;
 - д) міри і гроші: одиниці мір; грошові одиниці; простомовні найменування мір і грошей;
- суспільно-політичні реалії:
 - а) адміністративно-територіальний устрій: адміністративно-територіальні одиниці; населені пункти; деталі населеного пункту;
 - б) органи та носії влади: органи влади; носії влади;

в) суспільно-політичне життя: політична діяльність та діячі; патріотичні та суспільні рухи (і їх діячі); соціальні явища та рухи (та їх представники); навчальні заклади і культурні установи; стани та касти (і їх члени); станові знаки та символи;

г) військові реалії: підрозділи; зброя; обмундирування; військові службовці і командири.

Наприкінці цієї предметної класифікації хотілось би зазначити, що подальше розділення – за місцем – стосується тих же реалій, але розглянутих під іншими кутами зору. За місцевою ознакою (тобто, в площині однієї мови), реалії поділяються на: свої реалії (більшою частиною іконні слова даної мови) та чужі реалії (або запозичення, тобто слова іншомовного походження в словниковий склад мови, або кальки, тобто по морфемні або послівні переклади найменувань чужих для даного народу об'єктів, або транскрибовані реалії іншої мови). Також реалії поділяються за площиною пари мов на зовнішні реалії та внутрішні реалії. Зовнішні реалії – це слова однаково чужі для обох мов, а внутрішні реалії – слова, які належать одній з пари мов, і отже, чужі для іншої мови.

Треба підкреслити, що постійна взаємодія мов і культур, зокрема через переклади, сприяє зближенню семантики міжмовних відповідників у галузі не тільки первинної, а й вторинної образної номінації [6, с. 18–93].

Вище вже було зазначено, що таке реалія, яка в неї може бути структура і типи реалій, тож, варто звернути увагу й на те, що саме переклад реалій становить певні труднощі. Якщо даний предмет чи явище незнайомі народу, якщо в його мові немає найменування даного предмету, поняття, явища, означає тоді це, що слово не можна перекласти. І навіть якщо воно перекладне важкість полягає в тому, щоб знайти найвдаліший відповідник. Л.Н. Соболев вважає так: “якщо говорити про неперекладність, то саме реалії, як правило, і неможливо перекласти”. Проте “немає такого слова, яке не могло би бути перекладеним на іншу мову, принаймні описово, тобто поширеним сполученням слів даної мови” – це у відношенні словникового перекладу, і “те, що неможливо у відношенні окремого елемента, можливо у відношенні складного цілого”, тобто у відношенні контекстуального перекладу [7, с. 270–279]. Таким чином вважаємо, що питання зводиться не до того, чи можливо, чи неможливо перекласти реалію, а до того як, її перекласти.

При перекладі реалій існує дві труднощі: 1) відсутність у перекладацькій мові відповідності (еквівалента, аналога) внаслідок відсутності у носіїв цієї мови об'єкта, який ця реалія позначає; 2) необхідність передати не тільки предметне значення(семантику) реалії, а також і її колорит (конотацію) – її націоналістичне і історичне забарвлення.

Ця справа ускладнюється ще й необхідністю урахувати цілий ряд обставин, які заважають дати одну на всі випадки життя відповідь. Безумовним є лише одне: “рецептів тут, як і в перекладі загалом, немає, і

перекладач, урахувавши загальні теоретичні положення і спираючись на володіння мовою, на свій досвід, чуття і картотеку, а, в першу чергу, на “концептуальні обставини”, в кожному окремому випадку вибирає шлях, який підходить більш всього, а інколи є одним можливим”.

Розглядаючи структуру саме термінів, можна відмітити, що терміни різноманітні за своєю структурою, походженням і способами творення. За структурними моделями терміни поділяють на:

- однокомпонентні терміни;
- двокомпонентні терміни – найчастіше це словосполучення іменник + іменник, наприклад: частини будівлі; або прикметник + іменник, наприклад: приватна власність;
- трикомпонентні конструкції, до складу яких можуть входити прийменники: прийменник + прикметник + іменник, наприклад: необхідний робочий матеріал; прикметник + іменник + іменник, наприклад: незвичне поле діяльності; іменник + прикметник + іменник, наприклад: будівля монументальної церкви; іменник + іменник + іменник, наприклад: рівень підлоги церкви;
- багатокомпонентні аналітичні терміни, що мають чотири і більше компонентів, наприклад: резерв коштів на непередбачені роботи та витрати.

За статистикою, понад 70% термінів у різних терміносистемах – це словосполучення. Вони становлять певну семантико-синтаксичну єдність, відтворюються в головному вигляді [6, с. 18–93].

Власне терміни представлені в українській церковній термінології більш значною кількістю термінологічних одиниць, це: 1) церковні звання,

титули, назви учасників богослужінь (дяк, абат, заручений, ієрей, лампажник, митрополит, паламар, сповідник, ставленик, архієпископ, кардинал та ін.); 2) назви богослужінь, обрядів, священнодій (вечірня, кадіня, Літургія, молебень, Таїнство Шлюбу, подячний молебень, конфірмація тощо); 3) назви церковних пісень, читань, молитов (антифон, канон, літургійний виголос, прокимен, статія, Бенедікт, Магніфікат та ін.); 4) назви церковних свят, постів, тижнів (Велика неділя, Літній піст, Страсний тиждень, Вербна неділя, поминальний день, Чистий четвер тощо) [8, с. 147–159].

Визначальні ознаки нормативної та ненормативної спеціальної лексики, їхні відмінності рельєфніше проступають в корелятивній парі, де нормативний член протиставлений ненормативному: маючи тотожну чи близьку семантичну характеристику, вони різко відрізняються узусом, орієнтацією на сферу використання. Тобто стає очевидною опозиція ознак: узаконеність, офіційність, загальноприйнятність використання й стилістична нейтральність нормативного терміна та ненормативність, функціонально-стилістична обмеженість використання, а також факт її кореляції з нормативним відповідником (наявність чи відсутність нормативного еквівалента) виступають підставою для членування ненормативної спеціальної лексики на підтипи: професіоналізми, професійні жаргонізми, індивідуально-образні висловлювання, терміноіди.

Характерними ознаками церковно-обрядових професіоналізмів є ненормативність, але загальноприйнятність використання, розмовний характер, емоційно-експресивне забарвлення, пор.: *ампулка – карафка, чашечка; велика агіасма – йорданська вода; кіот – божник (божниця); орлець – підніжок; притвір – сіни; стручець – пирувальник, помазок; паперть – пристінок; хрестильна сорочка – крижмо; церковна скринька – титарня* та інші.

Професійні жаргонізми відзначає ще більше відхилення від узусу, вища експресивність, обмежене коло використання (часто серед них трапляються діалектизми): *дароносиця – бурса; дарохранильниця – пушка; кукіль – намітка; орлиць – килимчик, диванчик; панікаділо – павук; стручець – щіточка, гілочка, патичок; хрещений батько – нанашко; церковна скринька – пангартощо.*

Ще одним розрядом ненормативної церковно-обрядової термінології є індивідуально-образні висловлювання. Це переважно метафоричні найменування предметів та понять церковного обряду, що розкривають певний бік їхніх символічних значень, наприклад: *Безкровна Жертва Нового Заповіту „Літургія“; новий прихід Бога на світ „причастя“; Тайна Тіла й Крові Христової „Таїнство Євхаристії“; ясла, у яких Пречиста Діва Марія положила Ісуса Христа „дискос“* тощо.

Через брак відповідників української термінології з англійською, наприклад, українська термінологія починає запозичувати терміни з російської мови, лише переклавши їх на українську, або тоді виникають

терміноїди. Терміноїди – це професіоналізми, що через відсутність нормативного термінологічного еквівалента займають цю смислову нишу, прагнуть стати термінами, пор.: зерно (зернятко) “намистинка на вервиці”, ванна “чаша, у якій освячують воду у свято Богоявлення”; престолік “стіл у будинку хворого, на якому здійснюють причащення” тощо.

Якщо церковно-обрядові терміни та реалії є більш вивченими, то церковно-архітектурні терміни та реалії залишаються у більшому ступені у тіні. Наявність англо-українських або хоча б просто українських архітектурних та церковно-архітектурних словників змінила б ситуацію на краще.

Досліджуючи монографію “Basilica of the SAGRADA FAMILIA” ми зустрілися з багатьма труднощами саме під час перекладу архітектурних термінів та реалій. Найбільша складність полягала у відсутності українського еквівалента англійському терміну. Через це, під час перекладу, доводилося звертатися до російської мови і лише після того, як слово або вираз були перекладені з російської мови на українську, можна було пристосувати їх якимось за змістом. Іноколи доводилося отримувати повне розуміння про термін лише після його описання, тобто крізь контекст. Або деякі терміни які ми знаємо завдяки російській мові не мають аналогів в українській, тому така група становить також певну складність під час перекладу. Така скудність архітектурної термінології говорить лише про те, що ця сфера не є популярною для вивчення.

Отже, аналізуючи монографію було вирішено поділити предметні терміни за семасіологічним типом ономасіологічної класифікації: 1) назви богослужбових предметів та 2) назви храму та його частин. З погляду ж реалій це буде етнографічні реалії: побут, праця, духовна культура і мистецтво та всі їх складові, зазначені вище.

До першого пункту – назви богослужбових предметів – віднесемо приладдя, церковний одяг, інструменти музичні, начиння, посуд, меблі тощо.

Другий пункт – назви храму та його частин – становив найбільшу складність і перекладі. Ось, наприклад, *helicoid* – *гелікоїд* (об’єкт спіральної або гвинтової форми), як саме слово без його тлумачення для простого читача буде не зрозумілим, але *helical* – *гвинтовий*, тож лише завдяки корелятивності цих двох слів можна зрозуміти зміст першого слова; *crossing* – *перетин*, з архітектурної точки зору це поняття не дуже зрозуміле, але якщо використати російський переклад цього слова “*средохрестие*”, то воно стає одразу зрозумілим; *chandelier* – *панікаділо*, якщо подивитись трохи вище, то “*панікаділо*” стоїть у групі професійних жаргонізмів, яке розуміється також як “*навук*”. Трапляються також такі слова, які не можливо перекласти у тій формі у якій вони стоять, тож їх важко перекласти з потрібним змістом, навіть якщо перекласти слово спочатку на російську мову, а вже потім на українську,

знову буде трудність, адже у російській мові більше відповідників англійському слову ніж в українській. Тож, наприклад, таке слово: *groined* не має аналогів ні в українській мові, а ні в російській, а ось корелятивне цьому слову слово “*groin*” означає – *хрестове склепіння*, а в російській мові є такі відповідники: *выводит крестовый свод*; *ребро крестового свода*; *крестовый свод*.

Завдяки багатій корелятивності української мови все ж таки, хоч і складно, але переклад зробити можна. Особливо якщо це допоможе розвинути мову, збагатити її, інколи навіть запозиченнями, але зробити це таким чином, щоб не лише допомогти наступним поколінням, а й допомогти їй піднятися на рівень вище. Перспективою дослідження монографії передбачається створення архітектурного ілюстрованого словника.

СПИСОК ЦИТОВАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Закреницька, Л.А. Англійська християнсько-богословська терміносистема: генезис, структура, семантика: дис. ...канд.філол.наук: 10.02.04 / Л.А. Закреницька/ Хмельницька гуманітарно-педагогічна академія. – Хмельницький, 2011. – 243 с.
2. Герасимчук, Л. Англо-український та українсько-англійський словник релігійної термінології / Л. Герасимчук // Єдиними устами: Бюлетень Інституту богословської термінології та перекладів. – Львів, 1999. – Вип. 3. – С. 50–55.
3. Лейчик, В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В.М. Лейчик. 4-е изд. – М.: Книжн. дом “ЛИБРОКОМ”, 2009. – 256 с.
4. Чередниченко, О. І. Про мову і переклад / О.І. Чередниченко. – К.: Либідь, 2007. – С. 170–176, С. 186–192.
5. Влахов, С. Непереваемое в переводе (реалии) / С. Влахов, С. Флорин // Мастерство перевода. – М., 1970. – С. 433–454.
6. Влахов, С. Непереваемое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Международные отношения, 1980. – С. 18–93.
7. Соболев, Л.Н. О переводе образа образом. В сборнике «Вопросы художественного перевода» / Л.Н. Соболев. – М.: Советский писатель, 1955. – С. 270–290.
8. Українська церковно-обрядова термінологія: проблеми термінографічної семантизації // Богословія. – Т. 64. – Львів, 2000. – С. 147–159.
9. Варіантність у сучасній церковно-обрядовій термінології: проблема термінографічного відображення // Християнство й українська мова: матеріали наукової конференції. – К., 2000. – С. 101–111.
10. Черненко, І. Лексико-семантичні групи церковно-релігійних термінів у “Російсько-українському словнику наукової термінології” / І. Черненко // Сучасна українська богословська термінологія: від історичних традицій до нових концепцій. – Львів: Видання Ін-ту богослов. термінології та перекладів Українського Католицького Університету, 2005. – С. 280–286.
11. Католическая Энциклопедия: в 5 т. – М.: Изд-во Францисканцев, 2002. – Т. 1. – 1906 с.

М. А Костюкевич

студентка 5 курса филологического факультета МГПУ им. И. П. Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

Научный руководитель – Т. Н. Талецкая, кандидат филологических наук,
доцент кафедры немецкого языка и МПИЯ МГПУ им. И. П. Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ „JEDEM TIERCHEN SEIN PLÄSIERCHEN“

Коммуникативно-прагматический практикум предназначен для управляемой самостоятельной работы студентов на практических занятиях по лексикологии немецкого языка, а также на семинарах спецкурса по лингвистике «Прагматические аспекты дискурса». Цель практикума – на основе специального комплекса практических заданий сформировать у студентов, изучающих германскую филологию, представление о месте, роли и коммуникативных функциях французских заимствований в немецком языке.

Основные задачи практикума:

– систематизировать знания студентов в рамках темы „Wortschatzerweiterung durch Übernahme aus anderen Sprachsystemen (Entlehnung)“;

– сформировать специальные лингвистические знания о фонетических, орфографических и морфологических характеристиках немецких галлицизмов;

– привлечь внимание будущих филологов-германистов к тенденциям в использовании современными носителями немецкого языка французских заимствований, а также мотивировать студентов к самостоятельному наблюдению за их функционированием в речи;

– сформировать у студентов навыки дискурсивного анализа отобранных из художественных произведений на немецком языке контекстов, в которых раскрываются прагматические функции галлицизмов на разных уровнях общения (специальном, академическом и в разговорной речи).

1. Arbeiten Sie das Thema „Wortschatzerweiterung durch Übernahme aus anderen Sprachsystemen (Entlehnung)“ durch [1, S. 47–77]!

2. Definieren Sie folgende Begriffe – „Fremdwort“, „Lehnwort“, „Internationalismus“. Sind Sie damit einverstanden, dass Fremdwörter so heißen, weil sie den meisten Menschen fremd sind?

3. Wie erklären Sie in Bezug auf Entlehnungen die Bedeutung der Begriffe – „Gastwort“, „Bastardwort“, „Eindringling“?

4. Was ist ein „Gallizismus“?

5. Woran erkennt man einen Gallizismus in folgenden Sätzen?

1) Es war zu *absurd*, zu *bizar*. 2) Meine beste Freundin unterzieht sich dieser *Tortur* nur, weil sie sich ein zweites Kind wünscht. 3) Ich mache dir keine

Vorwürfe, Doc. Sie ist ziemlich *formidabel*. 4) In dieser Gegend reihen sich *Gourmettempel* an rustikale *Restaurants*, *exclusive Boutiquen* an große Kaufhäuser, und die *imposanten* neuen Wolkenkratzer bildeten einen *interessanten* Kontrast zu den historischen Sehenswürdigkeiten. 5) Unzählige Menschen *flanierten* an diesem warmen Juliabend durch die City. 6) Ihre Stimme ist *nasal* und unangenehm. 7) «Hier ist Amanda», erwiderte sie. Ohne ihre Verärgerung zu *kaschieren*. 8) Auch mit der Liebe hat es bisher nicht geklappt, denn Jamie hat ein ausgesprochenes *Faible* für *charmante* Herzensbrecher. 9) «Päckchen», verkündete ein junger Mann mit einer großen Lücke zwischen den Schneidezähnen *nonchalant*.

6. Sprechen Sie die folgenden Gallizismen aus:

Abonnement, à la carte, amoureux, au pair, à tout prix, Bellevue, Biskuit, Bonhomme, Champignon, Chanson, Chaiselongue, Chef d'oeuvre, Coiffeur, Compagnon, Clou, d'accord, en face, Engagement, Ensemble, Entourage, entre nous, Feuilleton, Filou, Fin de siècle, Grand Prix, Horsd'oeuvre, Ieger, Liaison, Maitresse, Medaille, Milieu, Niveau, partout, Plädoyer, Refrain, Rendezvous, Revue, Routine, Sanssouci, Soufflé, Souterrain, Suite, Teint, Timbre, Vabanque, Visage.

7. Merken Sie sich: Gallizismen, die ihre fremde Aussprache beibehalten, behalten in der Regel auch die fremde Schreibweise. Gallizismen, die keine dem Deutschen fremden Laute enthalten, werden nach deutscher Weise geschrieben.

8. Bestimmen Sie das Geschlecht der folgenden Gallizismen:

Accessoire, Affäre, Boutique, Charme, Chose, Clique, Eleganz, Entourage, Etage, Etat, Finesse, Foyer, Genie, Grandeur, Hotel, Kamerad, Kotelett, Krawatte, Kuriosität, Lektüre, Limousine, Marodeur, Metier, Pardon, Parfüm, Passant, Portemonnaie, Präsident, Protégé, Regime, Reziprozität, Sanktion, Tour, Trottoir, Zigarette.

9. Bilden Sie die Pluralform der folgenden Gallizismen:

a) Avenue, Chance, Fassade, Intimität, Kollektion, Kuriosität, Madame, Parole, Route, Suite;

b) Aktionär, Attaché, Boulevard, Chauffeur, Coup, Etat, Journalist, Kamerad, Marodeur, Passant;

c) Adieu, Büro, Detail, Foyer, Genie, Porträt, Restaurant, Massaker.

10. Finden Sie deutsche Entsprechungen für die folgenden Gallizismen:

1. Adresse 2. Attacke 3. Balance 4. Bouillon 5. Resultat 6. Trottoir
7. chiffrieren 8. Etage 9. Detail 10. Rebellion 11. arrogant 12. Refrain

1 Einzelheit 2. Brühe 3. Anschrift 4. Ergebnis 5. Kehrreim 6. Angriff 7. Stockwerk 8. Gleichgewicht 9. Gehsteig 10. Aufstand 11. Überheblich 12. verschlüsseln

11. Welchen thematischen Reihen lassen sich die folgenden Gallizismen zuordnen?

– Aperitif, Baiser, Biskuit, Bulette, blanchieren, Filet, Fondue, Frikadelle, Frikassee, Majonäse, Soufflé;

– Creme, Eau de Cologne, Eau de Toilette, Parfüm;

- Foyer, Maître d’Hotel, Page, Suite;
- Balkon, Etage, Dusche, Garage, Möbel, Parkett, Terasse;
- Attaché, Intimität, Fauxpas, Loyalität;
- Bombardement, Infanterist, Manöver;
- azurn, beige, cognac, lila, orange, violett;
- Cousin, Kusine, Onkel, Tante;
- Banquier, Croupier, Ingenieur, Journalist, Masseur, Präsident.

12. Übersetzen Sie die folgenden Wortgruppen mit Gallizismen ins Russische:

diffizille Frage, fragile Situation, persönliches Engagement, turbulente Jahre, brillante Manipulation, den Menschenverstand malträtieren, es war passé, platitudenhafte Worte, unwiderstehlicher Charme, miserabler Menschenkenner, eklatante Mißachtung, wirtschaftliche Misere, defensiver Ton, diverse Meinungen, ausgesprochenes Faible, nonchalant verkünden, miserabel abschneiden, enorme Geschwindigkeit, vehemente Proteste, dunkle Affäre, bizarrer Zwischenfall, Lösungen in Respekt und Reziprozität finden.

13. Deutsch ist reich an Wörtern, die aus dem Französischen stammen. Im folgenden Text von Ch. Ignatzi [2] gibt es 18 Gallizismen. Viel Erfolg beim Suchen!

„Der Soldat steht in einer dunklen Ecke und beobachtet die junge Frau. Als sie näher kommt, lässt er seinen französischen Charme spielen: „Oh, chérie! Visite ma tente, s’il te plait!“, raunt er ihr leise ins Ohr – also: „Liebes besuche bitte mein Zelt.“ Was angeblich als Schreckensszenario aller Väter während der napoleonischen Besatzungszeit Anfang des 19. Jahrhunderts galt, erklärt, woher der Begriff Fisimatenten kommt, der stellvertretend für Unsinn oder Schwierigkeiten steht. Ob es zu derartigen „tête à têtes“ tatsächlich kam, ist nicht klar. Das Wort gab es nämlich schon im 16. Jahrhundert.

Gallizismen haben unsere Großeltern schon verwendet. Kinder sagen heute gern „Och menno!“ (von französisch „mais non!“), wenn sie sich ärgern. Erwachsene gehen zum Mittagessen in die Kantine, und die Großeltern gehen auf dem Trottoir. Was wäre die deutsche Sprache ohne ihre französischen Einflüsse? Wie sollte man ein Zeitungsabonnement ohne französischen Begriff nennen? Niemand sagt lieber Einrichtungsgegenstände als Möbel. Wenn man einen neuen Fernseher kauft, dann bekommt man darauf keine Sicherstellung, sondern nun mal eine Garantie. Und der Clown im Zirkus wirft nicht mit bunten Kugeln um sich, er jongliert.

Und entre nous: Es ist traurig, dass sogar Gallizismen heute in der deutschen Sprache angliziert werden. Die Verabredung, die man sich mit der Kollegin wünscht, war einst ein Rendezvous. Heute ist es ein Date. Früher wäre man mit der Angeboteten auf eine Fete gegangen, heute ginge man auf eine Party. Vielleicht würde man sie auch in eine Bar ausführen statt in ein Café. Und wenn sich daraus keine Affäre oder Liaison ergäbe, würde man heute immerhin ein paar neue Connections knüpfen.

14. Verdeutschen Sie folgende Gallizismen. Benutzen Sie den Duden [3]:

Accessoires, Adresse, amüsieren, à propos, arrangieren, Baiser, bizarre, Bouillon, Boutique, brillant, Chaiselongue, Chance, Chauffeur, Clique, Courage,

Engagement, d'accord, dinieren, Esprit, Genie, Horsd'oeuvre, Kuriosität, Lektüre, Malheurchen, Marotte, Memoiren, Milieu, Monteur, Necessaire, Niveau, Palais, Pardon, Parfüm, plädieren, Portemonnaie, Rendezvous, Restaurant, Saison, sensibel, Souterrain, Suite, Terrain, toupieren, Tristesse, Trottoir, Vagabund, Visage, Volontär.

15. Sehen Sie die Liste der deutschen Gallizismen durch [4] und nennen Sie: a) zehn eingebürgerte Gallizismen und b) zehn modische Gallizismen! Bilden Sie mit den Wörtern Sätze!

16. Vermeiden Sie Gallizismen, wenn Sie dafür gute deutsche Wörter setzen können:

1. Wenn Frau nicht so ganz geschickt ist, kann sie doch durch *ambitionierten* Einsatz viel ausgleichen. 2. Ich würde *kokettieren*, wenn ich sage ... 3. Und, wenn schon auf diesem Gebiet *Harmonie* herrscht, wo soll es dann auf anderen Gebieten Probleme geben? 4. Da hat uns jemand offensichtlich vorausschauend *porträtiert*. 5. Kaum zu glauben, wie rasant und „*facettenreich*“ das verlaufen ist. 6. Sicher spielt dabei auch eine Rolle, dass man dabei auch frühzeitig in ungewöhnlich offener Form *thematisiert*, was sich sonst erst langsam hätte entwickeln müssen/können. 7. Aber, der feine Unterschied zwischen «Glauben» und «Wissen» ist eine große *Barriere*. 8. Die Halle war voll (vielleicht 5000 Menschen), man roch es, die *Emotionen* kochten hoch. 9. Man muss vorsichtig sein, wenn man in einer Sprache *korrespondiert*, die nicht die Muttersprache des Adressaten ist. 10. Ich denke, als gesundheitsfördernde Maßnahme kann man das *akzeptieren*. 11. In den letzten Jahren habe ich dank den Pillen keine *Probleme*, jedenfalls nicht mit dem Bluthochdruck. 12. Dabei konnte ich mir ein Grinsen nicht verkneifen, was die Arzthelferin zu der Bemerkung veranlasste, so einen gut gelaunten *Patienten* habe sie während des Belastungs-EKG's noch nie gehabt. 13. Na gut ... *Frauenfantasien*. 14. Sicherheitshalber habe ich aber eine halbe Stunde *Reserve* eingeplant. 15. Die Welt ist ungerecht: Die Griechen haben *Pensionen*, die höher sind als das Gehalt und auch sonst noch so einige Vorteile. Davon kann man nur *profitieren*.

17. Nennen Sie die wichtigsten Wellen der Einnahme französischer Entlehnungen in die deutsche Sprache!

18. Was versteht man unter *Purismus*?

19. Interpretieren Sie das Zitat von Klopstock im Bezug auf das Fremdwortgut in der deutschen Sprache:

„*Wer mich verbrittet, ich haß'ihn, mich gallizimet, ich haß'ihn*“ [5, S. 5].

20. Interpretieren Sie das Verhältnis von J.W.Goethe zu Fremdwörtern in der deutschen Sprache:

„*Die Gewalt einer Sprache ist nicht, dass sie das Fremde abweist, sondern, dass sie es verschlingt*“ (Goethe, *Maximen und Reflexionen*).

„... *Wir haben jetzt hundert Tyrannen,
die schmieden, uns gar unbequem,
ein neues Kontinentalsystem:
Deutschland soll rein sich isolieren,
einen Pestkordon um die Grenze führen,
dass nicht einschleiche fort und fort,*

Kopf, Körper und Schwanz vom fremden Wort“ [5, S. 101].

21. Lesen Sie und interpretieren Sie die These von Peter von Polenz über den heutigen Stand der Lehnwortforschung:

„Die Beziehungen der Wörter zu ihrem pragmatischen und sozialen Kontext sind der entscheidende Gesichtspunkt, unter dem die Rolle der Lehnwörter in der Sprache und im Sprachgebrauch betrachtet werden muss und unter dem auch heute noch – jenseits puristischer Sprachideologie – eine ‚Fremdwortkritik‘ möglich und notwendig ist“ [6, S. 29].

22. Lesen Sie den folgenden Abschnitt aus dem „Traktat über Fremdwörter“ [5]: „Der alternde Goethe meinte, man bediene sich im Deutschen französischer Fremdwörter, *um lebensartig zu werden*, lateinischer hingegen, *um sich würdig auszudrücken*“ [5, S. 51].

Wie verstand J.W. Goethe die pragmatische Funktion der Fremdwörter im Deutschen?

23. Lesen Sie zuerst die Meinung von L. Mackensen über französische Adjektiva im Deutschen und interpretieren Sie danach sein Zitat – „Die fremden Adjektiva übertreiben, wo sie verstärken wollen. Niemand kann, was *pyramidal, felminant, monumental, titanisch* genannt wird, ernst nehmen“ [5, S. 55]:

„Die Adjektiva, die man in jenen Jahrzehnten aus dem Französischen herüberholte, dienen auf ihre Weise mit dazu, den Wunsch der Sprecher nach Überlegenheit oder Abstand zu verlaublichen. Man wäre gern *souverän* gewesen! Was wir Enkel *recht ordentlich* nennen würden, bezeichnete man damals etwas von oben herab und nicht ohne Spott als *ganz passabel*, was *rar* war, trug seinen Preis in sich; die Opposition dazu, die sich leicht mit etwas Verachtung füllen ließ, das, was man heute *obsolet* nennen würde, hieß *passé*. Sie stand dicht neben *medioker* oder gar *power*, Abwertungen von Wertlosigkeiten, über die es sich nicht lohnte, Weiteres zu bemerken. Man liebte Urteile, die mit leichtem Augenzwinkern abgegeben werden konnten: wer etwas als *pikant* bezeichnete, konnte nur durch Tonfall oder Mimik ausdrücken, ob er rühmen oder rügen wollte; wer *leger* auftrat, beherrschte die Regeln des guten Benehmens entweder vorzüglich oder gar nicht; wer *salopp* sprach, konnte dem Hörer damit seine Nichtachtung, aber auch seine Vertrautheit beweisen, eine *prekäre* Lage war peinlich, hatte aber, z.B. für die Zuschauer, auch ihre Reize; eine Überraschung, die man *frappant* nannte, konnte angenehm, aber auch das Gegenteil sein; *preziöses* Auftreten konnte verärgern, aber auch bewundert werden. So war auch, was man *morbid* nannte, für manche mehr Lockung als Abschreckung. *Imposant* zu sein, war ein Wert; beim *Grandiosen* mischte sich, durch die Übersteigerung verdeutlicht, schon der Wunsch nach Abstand ein. Das größere Lob jedenfalls hieß *süperb*; aber was damit eigentlich gemeint war, konnte nur der Kenner beurteilen“ [5, S. 56].

24. Merken Sie sich die wichtigsten Funktionen der Fremdwörter:

– Fremdwörter erfüllen eine euphemistische Funktion (Tarnfunktion): Sie bieten eine mildernde, verhüllende oder beschönigende Umschreibung für ein mit negativen Assoziationen besetztes Wort an;

- Das Fremdwort erlaubt dem Sprecher, der sich nicht genauer äußern kann oder will, sich unbestimmt auszudrücken;
- Mit dem Fremdwort lässt sich manches andeuten oder verschweigen;
- Mit dem Fremdwort lässt sich dasselbe kürzer sagen;
- Manchmal haben Fremdwörter eine stärkere Aussagekraft;
- Das Fremdwort gilt als vornehm und erhöht den Status des Sprechers (Dadurch kann das Fremdwort aber als Sperre funktionieren, weil es soziale Sprachgrenze erzeugt);
- Fremdwörter in der Werbung erfüllen größtenteils eine aufwertende Funktion und verhelfen dem Produkt zur Exklusivität;
- Andere Funktionen: semantische Aufwertung, Erzeugung von Lokalkolorit, Sprachökonomie, Präzision, emotionale Wirkung.

25. Interpretieren Sie pragmatische Funktionen der Gallizismen in folgenden Kontexten:

1) Dougs Stimme klang düster. „Ich habe schlechte Nachrichten. **Miserable** Nachrichten, um es genau zu sagen. Die Überwachungs- und Fernmeldesatelliten sind immer noch offline. Und was noch schlimmer ist, wir haben alles, was uns im Orbit zur Verfügung steht, verloren, die militärischen Satelliten ebenso wie die **zivilen**“ [7, S. 440].

2) „Ich hatte gehofft, dass Sie ins Theater kommen und mir bei der Arbeit zusehen würden. Anschließend hätten wir dann ein spätes **Diner** einnehmen können“.

„Das hätte mir gefallen“.

„Mich arbeiten sehen oder **das Diner**?“

„Beides ... **das Diner** und der Wein – und am meisten das, was nachher kommt“.

Er lächelte“ [7, S. 408].

3) „Aber jetzt ging es um eine andere Gleichung, und Waters wusste, dass er sich damit auseinander setzen, sie analysieren und schließlich nach seinen Erkenntnissen handeln musste. Dabei ging ihm die ganze Zeit der Satz ‚**Cherchez la femme**‘ durch den Kopf und beschäftigte seine Phantasie“ [8, S. 458].

4) „Die ältere Frau bedachte ihn mit einem nachsichtigen Lächeln, während sie Randi warnte: „Seien Sie auf der Hut vor diesem Herrn, meine Liebe. Er ist ein rechter **Charmeur**.“

„Sein Ruf eilt Mr. McDermid voran“, sagte Randi

„Dann überlasse ich es Ihnen selbst, sich bekannt zu machen“ [9, S. 517].

5) „Er fügte selbstgefällig hinzu: „Unser Informant hat sich noch nie getäuscht. Er ist überzeugt, dass dieser Abwurf uns zum **réseau** führen wird.“

Das französische Wort für Netz war ihr Deckname für den Spionagering, gegen den sie ermittelten“ [10, S. 60].

6) „Was er zum Schluss gesagt hat, hörte sich für mich eigentlich ganz nach der üblichen Standartwarnung an, dasselbe **Blabla** wie immer.“

„Pro forma. Wie nichts anders zu erwarten“ [9, S. 298].

7) Und, *voilà*, wir hatten einen Mann, der sein eigenes Imperium geführt hat [11, S. 707].

8) „Er würde Kleinigkeiten bedenken müssen, Dinge, die Teil der „*Fassade*“ waren – ja, das war das richtige Wort, Teil der List, die in einem überfüllten, hektischen Flughafen die Aufmerksamkeit der richtigen Leute auf sich ziehen würde“ [12, S. 385].

9) „Faber nahm dem Mann die Taschenlampe ab, griff in den Motorraum und steckte das lose Zündkabel wieder auf die Zündkerze.

– „Versuchen Sie es jetzt.“

Der Mann stieg ins Auto und ließ den Motor an.

– „Prima!“ rief er über den Lärm hinweg. „Sie sind ein *Genie*! Steigen Sie ein“ [13, S. 185].

10) (aus der Werbung) „Jeans mit *Glamourfaktor*“; „*Millefleurs*-Bluse für Damen; reine Baumwolle; 36–44“; „*Konfitüre* Extra in verschiedenen Sorten“.

26. In welchen kommunikativen Situationen hätten Sie das Sprichwort „Jedem Tierchen sein Pläsierchen“ gebraucht? Wie ist seine pragmatische Funktion?

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Stepanova, M.D. I.I. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений (Степанова, М.Д., Чернышева, И.И. Лексикология современного немецкого языка). – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с.
2. Ignatzi, Ch. Gallizismen. Jedem Tierchen sein Pläsierchen // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zvw.de/inhalt.gallizismen>. – Дата доступа: 20.02.2015.
3. Duden. Rechtschreibung. Bedeutung. Definition // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.duden.de/rechtschreibung>. – Дата доступа: 12.02.2015.
4. Liste von Gallizismen // Wikipedia. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://de.wikipedia.org/wiki/Liste_von_Gallizismen. – Дата доступа: 12.02.2015.
5. Mackensen, L. Traktat über Fremdwörter / L. Mackensen. – Tübingen: Meyer Heidelberg. – 1972. – 124 s.
6. Polenz von, P. Fremdwort und Lehnwort sprachwissenschaftlich betrachtet / P. von Polenz // Fremdwortdiskussion. – München: Wilhelm Fink Verlag, 1979. – S. 9–31.
7. Ludlum, R. Die Paris-Option / R. Ludlum. – München: Wilhelm Heyne Verlag, 2005. – 614 s.
8. Ludlum, R. Das Matarese-Mosaik / R. Ludlum. – München: Wilhelm Heyne Verlag, 1998. – 714 s.
9. Ludlum, R. Der Altman-Code / R. Ludlum. – München: Wilhelm Heyne Verlag, 2006. – 701 s.)
10. Ludlum, R. Der Tristan-Betrug / R. Ludlum. – München: Wilhelm Heyne Verlag, 2005. – 615 s.
11. Ludlum, R. Der Janson Befehl / R. Ludlum. – München: Wilhelm Heyne Verlag, 2004. – 930 s.
12. Ludlum, R. Das Jesus Papier / R. Ludlum. – München: Verlag GmbH & Co.KG, 1982. – 502 s.

Ю. В. Лис

студент 1 курса филологического факультета МГПУ им. И. П. Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

Научный руководитель – О.Г.Яблонская, магистр филологических наук,
преподаватель кафедры английского языка и МПИЯ МГПУ
им. И. П. Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь)

О СПОСОБАХ ОБРАЗОВАНИЯ АББРЕВИАТУР В ОНЛАЙН-ИГРАХ

Существует много разных методов и способов изучать иностранный язык. В настоящее время многие люди осознают необходимость самостоятельного изучения языков. Некоторые смотрят фильмы на иностранном языке с субтитрами и запоминают отдельные высказывания, другие слушают песни любимых зарубежных исполнителей и на основе изучения перевода этих песен в интернете овладевают иноязычными словосочетаниями и выражениями. Конечно, этого недостаточно, чтобы овладеть иностранным языком на необходимом для живого общения уровне, но для общения в сети Интернет словарного запаса, почерпнутого из подобных источников, вполне может хватить.

Есть ещё один способ овладения иностранным языком «с удовольствием» – при помощи компьютерных игр. Играя в онлайн-игры с представителями других стран, игроки получают массу ярких впечатлений и одновременно контактируют с носителями языка, запоминая определённые слова и фразы. Зачастую понять сюжет игры на английском языке очень сложно. Чтобы получить необходимые базовые знания, приходится пользоваться словарем.

В онлайн-играх игроки общаются друг с другом, чтобы действовать согласованно. Но у них не всегда хватает времени на то, чтобы напечатать сообщение полностью. Главное – не дать “врагу” времени для получения преимущества. Именно поэтому в ходе игры не используются полные варианты слов и выражений. Вместо них употребляются специальные сокращения.

Мы проанализировали 60 примеров аббревиатур в наиболее популярных на сегодняшний день играх, таких, как Dota 2 (Defense of the Ancients) и World of Warcraft, и разделили их на пять групп в зависимости от способа их образования. Самую большую группу составили сокращения, образованные путём слитного написания только заглавных букв всех слов, входящих в словосочетание. Например: *brb* = be right back и *bbl* = be back later (игрок вынужден отойти и скоро вернётся), *afk* = away from keyboard (состояние, когда человек находится в игре, но отошёл от

компьютера или занимается чем-то другим), *np* = no problem (обычно является ответом на извинение или вежливую просьбу), *mb* = maybe (“может быть”, русский аналог, употребляющийся в той же среде – “мб”), *ty* = thank you (“спасибо”), *gj* = good job и *nj* = nice job (похвала за хорошо сделанную работу).

Вторая группа состоит из сокращений, образованных путём замены некоторых слогов созвучными цифрами. Например, *2m2h*, что обозначает *too much to handle* – ‘сложно с чем-либо справиться’. Из подобных сокращений наиболее часто используются следующие: *w* = wait и *w8* 4 *me/him/her* = wait for me/him/her (просьба подождать кого-либо), *l8r* (*later*, т.е. ‘позже’), *10m/25m* = ten men/twenty five men (десять или двадцать пять человек соответственно; чаще используется в игре *World of Warcraft* для обозначения количества человек, состоящих в рейде).

Третья группа представляет собой совокупность сокращений, образованных путём опущения нескольких букв. Например, *rdy* = ready (обозначает готовность), *sry* = sorry (“извините”), *tnx* = thanks (“спасибо”), *char* = character (персонаж), *bk* = back (“назад”). Достаточно популярным является также сокращение *pls* (*please*) – “пожалуйста”.

Четвёртая группа представлена сокращениями, которые в связи с какими-либо ассоциациями являются вариантами более длинных фраз и словосочетаний. Например: *555* = *hahaha* (смех), *beast* = awesome person (зверь = прекрасный человек), *choob* = skilled player who intentionally plays badly (умелый игрок, который по каким-либо причинам специально плохо играет), *camping* = holding position (удержание какой-либо позиции, защита определённой области от врагов с целью закрепиться на ней), *cheese* = cheap strategy (используется, когда игрок неожиданно использует какую-либо нестандартную стратегию для победы над врагом).

Пятая и последняя группа состоит из специальных слов, обозначающих определённые эмоции. Например: *woah* (expression of surprise) = “ух” (выражение удивления, восторга), *whew* = “фух” (облегчённый вздох), *oh* = “оу”, “ох” (выражение удивления, чувства боли, неодобрения, также используется в прямом обращении для привлечения внимания человека, к которому обращены слова) и др.

Данные анализа способов образования аббревиатур в англоязычных онлайн-играх представлены в таблице.

Таблица 1. Способы образования аббревиатур в онлайн-играх

Способ	Примеры	Кол-во примеров
использование заглавных букв	<i>Np</i> (no problem), <i>asap</i> (as soon as possible), <i>brb</i> (be right back), <i>omg</i> (oh my God), <i>afk/afc</i> (away from keyboard/computer), <i>aon</i> (all or nothing), <i>atm</i> (at the moment), <i>ayc</i> (are you coming), <i>bbl</i>	25 (42%)

	(be back later), gl (good luck), hf (have fun), gj (great/good job), nj (nice job), bc (be cool), ty (thank you), idk (I don't know), wp (well played), gg (good game), bm (bad manner), eak (eating at keyboard), irl (in real life), ivl (in virtual life), itrw (in the real world), nc (not cool), brh (be right here).	
использование цифр	W8 (wait), w8 4me (wait for me), 2ez (too easy), 2m2h (too much to handle), 10m/25m (ten men, twenty five men), me2 (me too), 2u (to you), 2e1 (to everyone), g1 (good one), g2ggs2d (got to go get something to drink), l8r (later).	11 (18%)
опущение нескольких букв	Grats/gratz (congratulations), what do you wanto buy/do (what do you want to buy/do), sry (sorry), mb (maybe), tnx (thanks), bg (battleground), pls (please), bk (back), idd (indeed), char (character).	10 (17%)
использование ассоциативных слов	555 (laugh), kappa (sarcasm), ace (solo winner), camping (holding position), beast (awesome person), cheese (cheap strategy), choob (skilled player who intentionally plays badly), ghosting (observing an enemy player), facepalm (to place the palm of your hand on your face), kk (okay).	10 (17%)
использование восклицаний	Woah (expression of surprise), whew (expression of relief), oh (surprise, pain, disapprobation/direct address to attract the attention of the person spoken to), haha (laugh).	4 (7%)

Как видно из таблицы, образование сокращений путём слитного написания только заглавных букв слов является самым распространенным способом. Следующий способ – использование цифр вместо слогов или слов. Затем с одинаковой частотностью используются опущение нескольких букв и ассоциативные слова. Меньше всего примеров употребления восклицаний как быстрого способа выразить чувства и эмоции. В целом, сокращения касаются слов благодарности, просьбы, а также описания действий в реальном или виртуальном мире.

Эти сокращения распространены среди носителей английского языка, так как возникли на основе английских слов. Их не сложно запомнить, и многие люди, говорящие на других языках, также часто используют их в онлайн-играх. Возникновение рассматриваемых аббревиатур обусловлено желанием сэкономить время в игре. К тому же, это еще и возможность упростить общение людей, не владеющих

английским языком. Принимая во внимание то, что целью овладения иностранным языком является умение общаться на этом языке, можно сказать, что онлайн-игры являются одним из способов обогащения словарного запаса, и в то же время хорошей возможностью применить полученные знания на практике, общаясь на изучаемом языке во время игры. Главное – не увлекаться игрой только ради игры.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. World of Warcraft [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://eu.battle.net/wow/ru>. – Дата доступа: 15.02.2015.
2. Dota 2 [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://store.steampowered.com/app/570/>. – Дата доступа: 15.02.2015.

МГТУ им. И.П.Шамякина

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антошкина Мария – студентка 5 курса филологического факультета Мелитопольского государственного педагогического университета имени Богдана Хмельницкого.

Врублевская Екатерина Игоревна – студентка 5 курса филологического факультета УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Гриб Жанна Владимировна – преподаватель кафедры иностранных языков УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Гурин Ирина Владимировна – преподаватель кафедры иностранных языков УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Дуброва Алла Владимировна – старший преподаватель кафедры иностранных языков УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Качур Марина Степановна – старший преподаватель кафедры иностранных языков УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Ковалева Елена Валерьевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка и МПИЯ УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Коваленко Валентина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет».

Костюкевич Мария Андреевна – студентка 5 курса филологического факультета УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Кот Николай Степанович – преподаватель кафедры немецкого языка и МПИЯ УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Лис Юрий Владимирович – студент 1 курса филологического факультета УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Лукашевич Наталья Николаевна – преподаватель-стажёр кафедры немецкого языка и МПИЯ УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Матвеевко Ирина Михайловна – преподаватель кафедры иностранных языков УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Молош Надежда Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Белорусского государственного медицинского университета.

Пузан Любовь Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка и МПИЯ УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»;

Русецкая Инна Валерьевна – преподаватель кафедры английского языка и МПИЯ УО МГПУ им. И. П. Шамякина УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Каптур Екатерина Александровна – студентка 5 курса филологического факультета УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Кураш Сергей Борисович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Сергей Владимир Николаевич – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Старовойт Марина Геннадьевна – магистр филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка и МПИЯ УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Сытько Анна Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики немецкого языка УО «Минский государственный лингвистический университет».

Талецкая Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и МПИЯ УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Точило Наталья Григорьевна – преподаватель кафедры немецкого языка и МПИЯ УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Федорасова Елена Витальевна – преподаватель кафедры иностранных языков УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Фёдорова Надежда Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и МПИЯ УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Черкасова Татьяна Юрьевна – студентка 2 курса филологического факультета УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Яблонская Ольга Геннадьевна – магистр филологических наук, преподаватель кафедры английского языка и МПИЯ УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Мозырский государственный педагогический университет
имени И. П. Шамякина»

ЯЗЫК И ДИСКУРС:
СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ, ПРАГМАТИЧЕСКИЙ
И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Сборник научных трудов

Мозырь
МГПУ им. И. П. Шамякина
2015

УДК 81' 22
ББК 81.Я43(082)
Я41

Редакционная коллегия:

канд. филол. наук, доцент Т. Н. Талецкая (*ответственный редактор*),
канд. филол. наук, доцент С. Б. Кураш,
канд. филол. наук, доцент Л. В. Пузан,
канд. филол. наук, доцент В. Н. Сергей

Рецензенты:

доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный аграрный университет,
г. Уфа, почетный работник ВПО РФ

О. Н. Новикова;

кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой романо-германской
филологии, УО «Гродненский государственный университет им. Я. Купалы»

Н. И. Власюк

Печатается по решению редакционно-издательского совета учреждения образования
«Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина»

Язык и дискурс: семантико-синтаксический, прагматический и Я41 лингводидактический аспекты : сб. науч. тр. – Мозырь: МГПУ им. И. П. Шамякина, 2015. – 143 с.
ISBN 978-985-477-539-5.

Сборник научных статей отражает проблематику исследований в области лингвистики и лингводидактики, осуществляемых профессорско-преподавательским составом кафедр английского языка и МПИЯ, немецкого языка и МПИЯ, иностранных языков УО МГПУ им. И. П. Шамякина в рамках кафедральных научно-исследовательских тем в 2011–2015 уч. гг.

Издание адресовано лингвистам, преподавателям, аспирантам и студентам старших курсов гуманитарных специальностей.

За содержание статей ответственность несут авторы.

УДК 81' 22
ББК 81.Я43(082)

ISBN 978-985-477-539-5

© УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2015

Научное издание

ЯЗЫК И ДИСКУРС:
СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ, ПРАГМАТИЧЕСКИЙ
И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Сборник научных трудов

Корректор *Л. В. Журавская*

Оригинал-макет *Л. И. Федула*

Компьютерный дизайн обложки: *Е. В. Лис, Л. В. Клочкова*

Подписано в печать 28.04.2015. Формат 60x90 1/16.

Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 8,94.

Тираж 40 экз. Заказ 12.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Мозырский государственный педагогический университет
имени И. П. Шамякина».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий N 1/306 от 22 апреля 2014 г.

Ул. Студенческая, 28, 247760, Мозырь, Гомельская обл.

Тел. (0236) 32-46-29